

Бразервилль

Глаза слизжут лоси

Бразервилль

Глаза слижут лоси

Содержание

[Часть 1. Глаза слижут лоси](#)

[В магазине людей сумасшедшие скидки](#)

[Трупы фруктов](#)

[Выкидыш](#)

[Худеешь](#)

[Варя не хочет иметь детей](#)

[Банки](#)

[Почти был](#)

[Противостояние серого и зелёного](#)

[Заговор вещей](#)

[Новый друг обнимает Люду...](#)

[Попутчики](#)

[Последний взрыв смеха сверхновой](#)

[Сомнамбулизм наоборот](#)

[Глаза слижут лоси](#)

[Дети под балконами](#)

[Светофоры пожухли](#)

[Новых детей завезли в детский сад](#)

[Придумал себя](#)

[Пришествие донора](#)

[Без души](#)

[Человек на крыше!](#)

[Адам и Ева](#)

[Локальная иерархия затрешин](#)

[Жалкий житель](#)

[Снег, тебе здесь не рады](#)

[Не смешно](#)

[Альбина мечтает о нежном маньяке](#)

[Про Творожкова](#)

[Бабуля несёт котёнка](#)

[Третьи половинки](#)

[Необъяснимое происшествие на улице Вернадского](#)

[Чемодан](#)

[Иногда можно лежать на брусчатке](#)

[Кусочек тебя](#)

[Пустота или гематома](#)

[Ушёл за дождём](#)

[Водолазы](#)

[Реципиент](#)

[Нас откопают археологи](#)

[Грехи и пальцы](#)

[Морщины](#)

[Рассматривание себя со стороны](#)

[Ты вонзишь мне ножик в печень](#)

[Сломанный пряник](#)

[Весеннее пробуждение](#)

[Не первый непервый](#)

[Бог не ставил прививки](#)

[Достучаться до танкиста](#)

[Дочка дарит любовь за деньги](#)

[Прохожие](#)

[Часть 2. Загляни в замочную скважину](#)

[Туман](#)

[Чаепитие в беседочке](#)

[Привычные ежевечерние прогулки костюма](#)

[Клетка с птицей без птицы](#)

[Рыбалка](#)

[Из рода омел](#)

[Исчезновение садовода](#)

[Сосед](#)

[Эвтаназия](#)

[Лёгкая фригидность](#)

[В квартире №17](#)

[Клаустрофобический этюд](#)

[Загляни в замочную скважину](#)

[Кошки Палыча](#)

[Мир на вырост](#)

[Морфология чёрных дыр](#)

[Из бурой лужи пьёт собака](#)

[Беспокойный покойник](#)

[За миг до листопада](#)

[Исследовательский процесс духосмешения в животах-аквариумах](#)

[Ты давишь саранчу](#)

[Дом](#)

[Мятные леденцы сына патологоанатома](#)

[Шрамы украшают маленьких девочек](#)

[Мыслеловля](#)

[Спим](#)

[Часть 3. Интимная жизнь мебели](#)

[Создание тумана](#)

[Никто так не катал](#)

[Страшнота](#)

[Ксерофилия](#)

[Интимная жизнь мебели](#)

[Неудачное обезбородавливание](#)

[Восставшие из вырезвителя](#)

[В папин кабинет не входить!](#)

[Существо](#)

[3 тыщи](#)

[Три грустные дамы](#)

[То-то-то!](#)

[Доктор, у меня внутри черепа нефтяное месторождение](#)

[Кормление холодильника](#)

[Урчанье влюблённых китов](#)

[Улица Гоголя](#)

[Двухмерность](#)

[Я пригласил сам себя на свидание](#)

[Приходи почихать](#)

[Одуван](#)

[Овощная расчленёнка](#)

[Кренделёк](#)

[Пароксизм мизантропии](#)

[Сходи в библиотеку](#)

[Отрада](#)

[Я люблю легкомысленных женщин](#)

[Люди едят поэтов](#)

[Скамейка](#)

[Симуляция излечения несуществующей амнезии](#)

[Книжно-паразитическое](#)

[Снеговика лепят мужчину](#)

[Очень хочет жить ромашка](#)

[Ресторанный дебош патриота](#)

[Часть 4. Рассказы](#)

[Амазонки не знают о мирмекофилии](#)

[Яйцо и ложечка](#)

[Зов моря](#)

[Чувство вины](#)

[Чашечка обалденного кофе](#)

[Кому толкнуть гастрит за полцены?](#)

[Ветеринар не лечит слизней](#)

[Черепочки](#)

[Брюнетка в фисташковом сарафане](#)

[Инсталляция «Первенец»](#)

[Кровавый Купидон](#)

[259200](#)

[Печень с кактусом](#)

[Удильщик](#)

[Комната](#)

[Ссылки](#)

Часть 1. Глаза слижут лоси

В магазине людей сумасшедшие скидки

В магазине людей сумасшедшие скидки,
И скрипят в толчее любопытных гробов
Голоса: а есть дедушка более гибкий?
А есть целые папы без чёрных зубов?

Голова – это что? Господа, это пробник?
А кому, извините, волосьев клубы?
- Мама, мама! - зовёт с треском стиснутый гробик, -
Посмотри, синий мальчик! Мамуля, купи!

- Он давно неживой. – Отмахнулась мамаша.
Непотреб! – громыхнул представительный гроб.
И робел продавец цвета гречневой каши,
И желал поскорей обновить гардероб.

Трупы фруктов

Малыш, выбрось эту усопшую грушу,
А лучше – её схорони.
Не ешь трупы фруктов – на складе их сушат,
И их точит гниль изнутри.

И маме скажи не бежать мармозеткой
За манго в сырой магазин.
Запомни, и фрукты кусай – только с ветки,
Не жди убивающих зим.

Запомни, мой мальчик, и носом не хлюпай,
Отвливать поздно уже.
Под глянцевой кожей – невкусные трупы
Тоскуют по ветке-душе.

Выкидыш

Под всхлипы собак и асфальтовых дыр,
Рождаешься из дому в выпуклый мир.
Кочуешь с детьми парафинными;
Они точно так же никак не поймут:
Чего им здесь надо, зачем они тут
Цепляют иных пуповинами.

И каждый вздыхает о ласке нутра,
Которое влажно извергло с утра –
Никак не рожденье, а выкидыш –
Боится на лица таких же смотреть,
А смотрит – боится, что им – не созреть,
Их тесной любовью лишь выходишь.

И мечешься, как в темноте херувим,
Запутавшись в шлангах чужих пуповин,
И страх на безумие множится,
Когда посреди обесточенных свит
В руках слишком взрослых ледово блестит
Предмет, походящий на ножницы.

Худеешь

Худеешь. Хиреешь. Всё шире и шире штаны,
На остром лице кто-то вырыл траншеи,
Раскопанный нос и штакетины-зубы страшны,
Но жирные мысли – гораздо страшнее.

Прохожие думают: болен, сосёт ворожба,
Гурман, ничего не жуёт кроме устриц.
Худеешь и сохнешь. Лишаешь воды, как раба –
Сердечней, чем телом болтать в виде люстры.

Тебя убывает отсюда по грамму в иной
Клубок в уголке параллельной вселенной,
Где чище и лучше, где ставни не слепят окно,
Где чувства – взаимны и не заусенны.

Худеешь. Тускнееешь. Без лампы почти не видать,
Зато с каждым часом тебя где-то больше –
И он там блестит, у него появляется стать.
Ты в это поверил. Ты веришь. О, Боже...

Варя не хочет иметь детей

Варя боится представить плод,
Варя не хочет детей рожать,
Ей ненавистен мужчина тот,
Кто ей внушает диагноз «мать».

Нет, ей не жаль для ребёнка тить,
Да и приятен бывает секс,
Просто так подло: детей плодить
И, не спросив, их бросать в процесс;

Видеть как, в корчах рождённый Бог,
Вырастет и, разливая йод,
Сгинет в войне за страстей клубок,
Или себя по частям убьёт,

Видеть в глазах: сострадания прах,
Верность - когда на обузе шаль.
Лучше остаться в пустых стенах –
Будет не так тяжело дышать.

Парни не знают девиц честней –
Варя не та, кто мусолит бредь.
Варя не хочет рожать детей.
Варя не хочет иметь детей.
Варя не может иметь...

Банки

Вода из-под крана ползёт и ползёт,
Набрал её, грустную, целую банку.
Затем, озираясь, как юный сексот,
Ножом в неё тыкал, как тычут в поганку.

Презрительно плюнул, сморкнулся, ругнул,
Пощёчину даже отвесил со свистом.
И вот, ощущаю: из банки манул
Взирает уже на весь мир ненавистно.

Разлей этот яд по шпионам врага,
И смело иди ставить свечи в церквушку.
Ужасно. И тянется робко рука
Ещё набирать. Чтобы гладить за ушком.

Почти был

Немного грустный, озадаченный и прерванный,
Оставив сети обещаний и засад,
Уходишь в поле разговаривать с деревьями,
Его покинувшими молодость назад.

Палата больше не нужна с прохладой дынной,
И больше хочется теперь, чем пить бульон –
Идти хрипящей коматозною пустынею,
Но слышать реку, что смеялась до неё.

А знаешь, в море можно выйти как на исповедь,
Послушать души затонувших прежде гор,
Должно быть, шёпот мёртвых глыб куда неистовей,
Честней всего, что ты мог слышать до сих пор.

Болтушки-звёзды сквозь тебя взглянут базедово
И освежат картинки в памяти скупой,
Как в некоем городе с людьми почти беседовал,
Как в некоем теле был почти самим собой.

Противостояние серого и зелёного

Асфальт и бетон,
такие же лица
подземных шкафов производят примерку,
а вечером чад окунают в побелку,
и сами залазят в надежде отмыться.

В зелёном лесу
зелёные люди
украденных чад покрывают зелёнкой;
теперь у детей голос птичий и звонкий,
теперь их глаза не похожи на студень.

В голодных домах
проглоченным клоном
блуждаешь, молчишь о посмертной награде.
А может, ты тоже был в детстве украден?
Ты просто забыл. Ты всегда был зелёным.

Заговор вещей

Едва отлип от одеяла – носки всосали стопы,
пижама, выплюнув комок, озябла,
легла на стул цветными снами
почти живыми, чтобы
восстать и стать бронёю к ночи-граблям.

Тебя подхватят брюки, майка, рубашка, туфли, плащик.
Они скучали. Голодали. И даже,
бедняжки, тихо прослезились. Мы – очевидно слаще,
чем шкаф.
Они – мертвы без экипажа.

Им нужен ты, и я им нужен, слепой глухой любитель,
зависимый, ревнивый и недужный,
но не настолько, чтобы всохнуть
в последнюю обитель.
Не мы – они нас потребляют дружно.

И вот в дверях стоишь, проглочен древнейшим тихим кланом,
а мозг привык любить оковы,
но тело знает правду. Может,
проснувшись вулканом
сожжём зверинец этот бестолковый?

Новый друг обнимает Люду...

Приготовила Люда блюдо
В тихом доме, пропахшем блудом,
В доме были Христос и Будда,
Опускали лицо на грудь.
Но сейчас – ни калеки рядом;
Смыло в реку, побило градом
Всех женатых и лживых гадов.
Накопилась обиды ртуть.

Этот праздник зачем-то горький
Легче было б отметить в морге.
И огонь из ноздрей конфорки
Полыхает, такой смешной.
Люда красит в черешню губы,
Надевает наряд для клуба
И с улыбкой невинно-глупой
Выпускает из плитки зной.

Он подсел к ней, родной, без кожи,
Без колючек, без глаз, без ножек,
Две руки, голова и ёжик
И подвижная часть лица.
Люда ставит ему посуду,
Вспоминает утраты, ссуды,
Моросит о разбитых судьбах,
О сгоревших в плену сердцах,
Покрываясь тоскою лютой.

Новый друг понимает Люду.
Новый друг обнимает Люду,

Как полуденный жар – Мадрид,
Так сжимают дельфина сети,
Так щенка прижимают дети.
И звонят ноль-один соседи,
И ноль-три.

Попутчики

В машине сидят, но никто никуда не едет,
За окнами – тьма, на водительском месте – очаг.
Все жадно молчат, подозрительно смотрят дети
На твёрдые лица родителей, мысль волоча.

Никто не моргает, вздыхают уставшим пони,
Вот-вот напряженье мутирует в звонкий напалм,
И каждый попутчик мучительно хочет вспомнить:
Когда и зачем он сюда к этим людям попал,

Кого за пределами душной кишки салона
Оставил, быть может, любимого? Кто же там есть?
Голодная мгла, порождённая клятым лоном,
А может, целебная и седативная взвесь?

Мужчина с отдавленной шеей рванулся к дверце,
Так критик уходит с сеанса дурного кино.
На миг его тело – слетевшее полотенце –
Сверкнуло во мраке.
И стало как прежде темно.

Последний взрыв смеха сверхновой

В маршрутном автобусе тихо,
Народ бутербродом запихан,
Кто – дышит, кто – ест чебурек.
Так тихо бывает у психа.
Как вдруг молодой человек
Похожий на нервного хикки,
В планшет погружённый, хихикнул
И, сам испугавшись, икнул.
Махры отрывая кутикулу,
Сосед, пригвождённый к окну
Немытому, тоже хихикнул
До этого злясь, как манул.

Подруга его поддержала
С причёской цветов баклажана,
Запрыскала в людо-массив,
Ватага студентов заржала,
Собою салон заразив;
Смеялись и дяди, и тётки
Забыв о семье, о работе,
О горьких посланиях SOS,
Дедули смеялись как льготе,
Бабули смеялись до слёз.
Дополнив ансамбль неплохо,
Ворвался водительский хохот,
И бился кавказец об руль,
Как в бубен отца скомороха,
И, кажется, прыскал июль.

Но в этой заливистой сальсе

Один гражданин не смеялся –
С поблёкшей рогаткою скул
Неузнанный комик, что яшень
Сидел – неподвижен, сутул.
Казалось: он просто уснул,
Теряя с улыбкою в массе.

Сомнамбулизм наоборот

Рассветом пытливым окно закошмарено,
Пугливый будильник смешком обозначил границы.
Сомнамбула вышел в костюме отпаренном
Навстречу лучам и таким же отпаренным лицам.

Он в страждущий офис приехал, как водится,
Всем доброго дня пожелал, выпил кофе, съел пончик.
А на пустырях вдоль хребта переносицы –
Муть странная – свежий несвежий взгляд сельди из бочек.

Сомнамбула день четвертует, работая,
Вполне адекватно шутя, и с начальством не споря.
И даже коллега не в меру упёртая
Его не раскусит, что он отдыхает на море

С веснушчатой девушкой, иль одуванчикам
На густо-махровом лугу сносит пенные нимбы,
А может, он с нею лежит на диванчике,
Она его гладит, и думает: «Не разбудить бы...»

Глаза слижут лоси

Скоро глаза слижут лоси,
Скоро скукожит в зерно,
Кто-то на складе земном
Хмуро приходит осень.

Список прихода неистов,
Всё, что пришло с накладной:
Дождь - сотня штук - проливной,
Тысячи тонн мёртвых листьев,

Ночи с надрывом пружины –
Двести четырнадцать штук,
Где же полёты на юг?
В этом году не вложили.

Тысяча мрачных прохожих,
Триста дежурных простуд,
Спишем их, господи боже,
Спишем, и всё будет good.

Дети под балконами

Под балконами дети
Ранним утром пугливо спуют,
Ищут сны и конфеты,
И свалившихся к ним чудо-юд.

Рвётся шёпот натужный –
Обнаружен среди щепок и блях
Белый шарик воздушный,
Мёртвый, сдутый, потёртый в боях.

Дети шарик не тронут
И убийц не возьмут под арест,
Но его похоронят,
И поставят из спичек
крест.

Светофоры пожухли

Мне приснилось: светофоры пожухли,
Повороты расхлябили шеи,
Бессердечные фонарные джунгли
Беломорят и даже траншеят.

Словно фура пронеслась по колосьям,
Перезрелые колосья на кой нам?
Мёртвых кукол намотали колёса,
Неживых, бездыханных, покойных,

Неудачливых на уровне генов,
Безучастных, несмышлёных, как силос.
Упокой их, Господь, манекенов.
Мне приснилось, мне просто приснилось.

Новых детей завезли в детский сад

Новых детей завезли в детский сад,
Их выгружают лопатой и вилами,
А, через годы, детишек бахилами
Сбросит у школы какой-нибудь гад.

Я наблюдаю, пускаю слезу,
Вон, и мой тоже свалился из кузова.
Кто-то его, с головою арбузовой,
Смёл к остальным, ковыряясь в носу.

Я не позволю из детских дружин
Вылепить нечто кирпичнее пряника,
И в тихий час я, прозревший и пьяненький,
Выкраду всех. Мы в закат убежим.

Придумал себя

В день, исполненный грусти и мистики,
Я придумал себе себя.

Я, придуманный мною – не чистенький,
Я живёт, всех подряд гнобя.

Я боюсь выходить с ним на улицу,
Всякий раз затевает гнусь.
И в квартире, где страшно зажмуриться,
Одного оставлять боюсь.

Отвернулись друзья и родители,
В первый день отпустил жену,
Мы её напоследок обидели,
Но никто не признал вину.

Слишком поздно жалеть и каяться,
Я злопамятнее судьбы;
Помню, в зеркало утром скалился,
Кто придумал меня, забыв.

Пришествие донора

На днях мужичонка юркий,
Пройдя все посты дружин,
В ресницы орал хирургу:
- Отрежь мне кусок души!

Не той, что дрожит на койке
И лампы хранит прищур,
Отрежь от моей! Хоть сколько!
Я к утрему отращу!

Не вру! Может, я бездонный!
Я с детства привык спасать!
Я, может, почётный донор!
Отрежь, твою мать!

Всади малодушным людям!
Вколи, примотай, пришей!
Вживи подлецам, иудам!
Лепи из гадюк ужей!

Бери! Лезь в меня, под кожу!
Кромсай и сажай в проныр!
Я в подлых телах размножусь,
Лишь так мы очистим мир.

Без души

В злосчастный момент, в зуболомную стужу
Ему невзначай стужа вытряхнет душу,
И он без души будет шастать как зомби,
Свой день прожигать.
По привычке зазнобе
Подарит букет хризантем иль ромашек.
Он нуль без души – обезвещенный ящик,
Сухой и глухой, но с желанием стойким
Заполнить нутро хоть какой-нибудь молькой.
Он будет косить на людей в ресторане,
При них вспоминать об утраченной грани,
Завидуя им, ведь у них есть начинка –
От мэра до грузчика с пьяного рынка,
А в нём – ничего! Пустота и желудок.
Он хлопнет вина, заливая рассудок.
Потонет в глазах той особы с букетом,
Поняв, что души у неё тоже нету.

Человек на крыше!

- Смотрите, человек на крыше! –
Кричу в пространство, во вселенные,
В толпу некрайних и нерыжих,
В физиономии системные.

- Смотрите, человек на крыше!
От равнодушия размажется,
А безразличный дворник Миша
Отмоет улицу от кашицы.

Поймали солнце пассатижи
И тащат книзу торопыгою.
- Смотрите, человек на крыше! –
В последний раз кричу.
И прыгаю.

Адам и Ева

Посмотрите на этих двоих. Попрошу их пока не трогать.

Отличаются от восковых тем, что сами создали Бога.

Приглядитесь, модели не спят, разум действует их в союзе,
и, пока не случился распад, в них бурлит ассорти иллюзий.

Вам встречался такой раритет? Близнецы познают друг друга
миллионы их собственных лет, и никак не найдут свой угол.

Их – придуманный мир поглотил, мир души, а быть может, чрева?

Кто за ними веками следил, называл их: Адам и Ева.

Локальная иерархия затрецин

Пришёл не папа, а сгусток нервов,
Принёс в желудке сырок и вермут.
Под клокот чая, краснея скверно,
Горчицей вмял недовольства маме.

А мама, после огня скандала,
Дневник сыновний при всех достала.
Найдя что нужно, сынку по салу
Ремнём влупила, а не руками.

Сынок, не влезши в объяття кресел,
В кулак собравши остатки спеси,
Сестру обидел – щелбан отвесил.
И та рыдала слезами с вишню.

Затем, обиду свою окуклив,
Отгрызла руки любимой кукле.
И кукла хнычет калечным Вишну.
Не то от боли и злобы блеет,
Не то ей жалко тех, кто слабее.

Жалкий житель

Мордой-тортом без налёта мыслелязга
Разбавляешь городские лица-маски.
Маски: броски, однотипны, однолживы.
А под ними - жизнью сжатые пружины;
Сбились в стаи, мир лелея скрытый, пёстрый.
Скинуть маску – что принять маньяку постриг.
Вряд ли к месту твой, чужой, душевный омут,
Стоны: стены, палачей и хамов тронут.

Презабавно, тучам срочно нужен «Vanish»!
По аллее прёшь и камешки пинаешь,
Видишь чётко: словно шаттл в пустыне Наска –
На асфальте чья-то вычурная маска.
Потерялась? Кто решился на поступок?
В гуще парка мир зловещ, рассудок – хрупок.
Вон герой! Врачи, зеваки, поспешите!
Льнёт к прохожим сумасшедший жалкий житель.

Снег, тебе здесь не рады

Снег, тебе здесь не рады.
Знаешь, сидел бы дома,
Щупал бы туч наряды,
Мучаясь лёгкой истомой.
Дети тебя мочалят.
Снег, ну зачем ты выпал?
Знаешь, твоё молчанье
Хуже кричанья выпи.
Мерить тебя подошвой –
Жечь образа лампадой.
Снег, ты не падай больше.
Сверху смотри. И не падай.
В стане людей опасно.
Есть же такие лица –
Воздух жалея астмой,
Нам не дадут родиться.

Не смешно

Мне не смешно. Кручу ногами глобус
который год. Мне не смешно.

Не веселят: ни медленный автобус,
ни солнца жирное пятно,

ни даже сын, насилующий «Лего»,
беседы пресные с женой.

И анекдот, рассказанный коллегой –
не смешной.

Мне не смешно. В сердцах гуляет кризис,
в глазах друзей – седая мгла,
соседи – в швах, не забавляет близость –
вот-вот пырнут из-за угла.

Какой тут смех? Когда-то я хихикал,
я хохотал, я прыскал, ржал.

Проникла в душу, хилую калику,
всепоглощающая ржа.

С лицом-доской теряюсь в переулках,
куда наследство перешло,
ищу, где всё ещё смеются гулко.

Мне не смешно,
и это – не смешно.

Альбина мечтает о нежном маньяке

Альбинино сердце пожар обуял,
Она не мечтает о кошке, собаке,-
Сбежавши от мира в бугры одеял,
Альбина мечтает о нежном маньяке.

В пустынной квартирке в районе трущоб,
Где каждый кусок быдлодня одинаков,
Закрывшись ракушкой, ещё и ещё
Она смотрит фильмы про нежных маньяков.

Зашторивши окна и душу зарыв,
Она забывает свой год в недобраке,
Скребёт любострастно саднящий нарыв,
И грезятся ей под кроватью маньяки.

Развод, одиночества крепнувший мак,
Желанья и боли взрывное соседство;
Она забывает чуть-чуть, что маньяк,
Фатально не нежный, украл её детство.

Она проросла из обиды и слёз.
Мужчина теперь подойдёт ей не всякий.
Вступивши со страхом, стыдом в симбиоз,
Альбина мечтает о нежном маньяке.

Про Творожкова

Автобус так глядит на Творожкова,
Как будто Творожков – не Творожков,
А весь – из вкусной массы творожковой
С начинкой из банановых кусков.

Гурмано-Бас распахивает двери,
С дверей течёт, болтается слюна,
И гражданину боязно проверить,
Доедет ли живым до Ботвина [\[1\]](#)?

Народ шмыгнул в раззявленный желудок,
Развеяв сон шуршаньем кошельков,
Напоминая сочных глупых уток.
Но не таков герой наш Творожков!

Он сплюнет, побредёт с печалью жуткой
Вдоль трассы, возбудив поток машин;
Такси – пираньи, шакальё – маршрутки,
Для них он борщ, упрятанный в кувшин.

Затем, с гримасой явственно недоброй
От зданий с лифтом бросится, скуля,
И терминал – двойник голодной кобры
Его проводит взглядом до угла.

Он – дальше, мимо, мимо, прочь на вдохе,
Ругая страхи вдоль и поперёк.
Домой наш Творожков вернётся пёхом
К тигрице, под её урчащий бок.

Бабуля несёт котёнка

Бабуля несёт котёнка грязно-рыженького,

Прижала к себе, хрупкого, будто вазочку из фарфора.

Достала бродяжку где, с хвостом отчекрыженным?

В какой подворотне?

Не иначе спасла от гиеновой своры

И группы помойных

дружелюбных

аллигаторов.

Прижавши к седой щеке мохнатую

солнечную грыжу,

Газелью летит по холодку Литераторов

Вдоль улицы,

мимо злодей, скукой зелёною сбрызженных.

Что чувствует кот? Исполнен к бабушке нежности?

А вдруг ничего нет в душе лупатенькой шмакодявки?

Во всю пасть зевает на человечьи ценности,

Следя за нависшей над ним

бабушкиной

бородавкой

Третьи половинки

Полоски цветного стекла заглянули мне в душу,
И голос наждачный коснулся (родился во мне?)
- Гляжу, ты чужой как своею бедою контужен,
В любви погорел, без войны побывав на войне.

Послушай, - несло через столик сигарною дымкой, -
Любовь – это фикция? Кара? Наркотик? Болезнь?
Ты носишься с нею, с крылатой слепой невидимкой,
Затем – обещаешь себе в этот омут не лезть.

Пойми! – Умолял собеседник с отёчностью Квинке,
Мусоля сигару так, будто бы ждал эшафот, -
Когда навсегда разрываются две половинки
Бывает, что третья, возвращённая ими, живёт;

Надежды, мечты, всё, что было заложено ими
В Бездонную Космоса, делает гибельный вдох.
И Нечто, лишённое связи, умершее, в гриме
Преследует пары влюблённых, как чёрт выпивох.

Им движет не месть и не зависть, но холод разлуки.
Два любящих сердца – до Бога бесплатный трамвай».

Я долго смотрел на окурок табачной гадюки
И надпись на столике пеплом:
«Коллега, бывай».

Необъяснимое происшествие на улице Вернадского

Шатаюсь блёклым вечером под окнами коморок,
С хроническим неврозом и с мимикой «лимон»,
На улице Вернадского у дома номер сорок
Споткнулся о булыжник и вляпался в дерьмо.

Любой мог опардониться. Во тьме души столовой
Взбурлили огорченья и прочий негатив;
Без прежней обречённости, большое злое слово
Я гаркнул миномётом, обиды испустив.

По улице Вернадского, вдоль дома номер сорок
Иду, спустя неделю, просторный как депо,
А слово одичавшее, мохнатее Трезора,
Шугает пешеходов и делает бо-бо.

Прикинувшись бесчувственным, я спас на ляжке кожу.
Что будет завтра, если сегодня повезло?
По улицам-прелестницам шагать боюсь – скукожусь,
Расставив уйму добрых изящных чудо-слов.

Чемодан

Мы на краю, на стартовой черте.
Зачем нам куча личностных проблем?
Наскучь, родная, до седых чертей,
И я тебе до язвы надоем,

Иначе – будет дикий невозврат,
Иначе будет боль и будет мрак,
И головы на кольях будут в ряд.
Давай представим, я совсем дурак.

Обрыдну так, что выгонюсь взашей,
Пульни с балкона грустный чемодан,
Чтоб он, как несчастливый из вещей,
Скончался на моих руках от ран.

Заметишь слёзы-флаги, стрекоза,
Проверишь, громко зубками скрипя,
Как я пойду понуро на вокзал,
Неся с собой частичный труп себя.

Мы будем с ним скитаться по земле,
Я никогда его не схороню.
Я не вернусь, кричи, читай Рабле,
Штудируй Фрейда, Кафку и Камю.

Он станет ближе всех моих друзей,
Которых я покину навсегда.
Забросив этой жизни карусель,
В обнимку с ним замёрзну в вечных льдах.

И, если ты мою отыщешь нить,
Причалишь посмотреть, как важный дож,
Меня от чемодана отличить
Не сможешь, не узнаешь, уплывёшь.

Иногда можно лежать на брусчатке

Марширую по брусчатке поздней ночью.
Фонари передают меня друг другу
Сожалея, что не могут в одиночку
Тьму души моей рассеять по округе.

Тьма вкусна, она вкусна как бутерброды,
Привыкаешь к ним и всё, прощай, желудок.
Жду момент, когда втяну её до рвоты,
Чтоб на дне открылось поле незабудок.

Тишина стоит, лежит, ползёт и душит.
Руку вытяни и – хватать! – её за косы.
А затем её расслабленную тушу
Приноси в места скандалов и вопросов.

Я бы тоже лёг в морозец на брусчатку
Как те двое, как им кажется, влюблённых.
Я шагаю? Может, я иду вприсядку?
Чёрт возьми, а фонари – дубы и клёны,

Под подошвой дышит тёплая лужайка,
И ступаю я, должно быть, не подошвой,
А босой ногою. Солнце. Лето. Жарко.
Лучше там побуду.
Я прилягу.
Можно.

Кусочек тебя

Подари мне себя кусочек,
Спору, пазлик, деталь, чешую,
В колыбели безглазой ночи
Я тебя из неё отращу.

Ты уже раздавала многим
Просто так, безо всяких причин,
Я ж – прошу, как безногий – ноги.
Подари. Поколдую в ночи,

Соберу и оставлю целой,
Разорву с формой подлинной нить,
А разросшийся твой мицелий
Буду в тайной кладовке хранить.

И теперь: кто из вас живее?
Эх, судьба, разлучи нас и склей.
Опасаюсь, таки поверю,
Что дороженая –
милей.

Пустота или гематома

Мучительно выдавливал тебя из себя:
Сначала мыслей пляшущие тёплые изнанки,
За ними – всё телесное: от лика до пят,
Отхаркивал, вычихивал, выплёвывал останки;

Они за жизнь цеплялись, висли на бороде,
Не веря в расставанье с инфицированным сердцем.
Ты чуяла, шпигуя собой мягких людей –
Мятежник ускользает в леса от рабовладельца.

Иссякнув, осмотрелся: нет костей и заноз?
Иначе снова вызреешь во мне, затянешь в омут.
Слоняюсь по бульварам и мусолю вопрос –
Что лучше: пустоту лелеять или гематому?

Ушёл за дождём

Через форточку в дом лезут воздух и хаос,
У меня на столе мыши книги погрызли,
От меня здесь почти ничего не осталось:
Оболочка и парочка сплюнутых мыслей.

В предыдущий сеанс открывания двери
Я ушёл за дождём, до сих пор не вернувшись.
Сколько вёрст я уже сапогами отмерил,
Может, слился с дождём, позабыв прежний ужас.

Тощий ветер влетел, зацепив листик с полки,
Закружил и метнул в криволюстрые очи.
Из углов тишина смотрит раненым волком,
По листочку бежит мой размашистый почерк.

Не могу разобрать. Ветер, глянь, ты глазастей,
От меня здесь уже только вмятины в кресло.
Выдуй из дому вон.
Вспомнил, там было: «Здрасти,
Я ушёл за дождём. Буду к осени. Честно».

Водолазы

Затаился, сижу водолазом на дне
Под чернеющим дном корабля,
В череде взбаламученно-илистых дней
Кто-то сверху не любит меня;

Капитан, или кто, кроет мне кислород,
Пуповину жуёт, веселясь,
Дескать, ты – молодец, но уж больно – урод,
И душа – не душа, а – карась.

Я хочу разглядеть все красоты на дне,
Но вокруг только пляшущий ил.
Эй, дружище, тебе с аквалангом видней,
Может, кто-то тебя полюбил?

Подскажи, косяки перламутровых рыб
Разрезают звенящую синь?
Мне стоять здесь одной из задумчивых глыб
Дольше вахты, старпом, не проси.

Может быть, я один под пятой корабля,
Ну а сколько таких кораблей?
Может быть, незнакомый мой друг, и тебя
Извозили в печали и мгле.

После схваток река мне раздвинет волну.
Я оставлю привычную муть,
Поднимусь и в лицо бедокуру взгляну,
И скажу что-нибудь, что-нибудь...

Реципиент

Сегодня опять проснулся не весь –
на постели: шея, голова и надежд шарф,
на люстре рука, и, кажется, пресс.
Может, остального не было ни шиша?

А ты на постели есть вообще?
Ни одной детали: ни души, ни глаз. Ушла,
оставив меня, одну из вещей?
Пригляделся.
Вот: кусочку сердца поёт мгла.

Окстись. Так не может быть! Перестань!
Чем мы любим друг друга, скажи? Кто объяснит?
Полундра! Полундра! Наверх свистать!
Объявляю организму всему аудит!

Собрались! Собрались! Эй, все ко мне!
Руки! Обе! Быстро! Ноги тоже! А где грудь?
Там сердце! Им любят!.. Или же нет?
Тот, кто любит мозгом, любит части или суть?

Запутался! Мысли, бейте не вскользь!
Сердце! Выкатись откуда-нибудь уже! Жду!
Нет сердца. Иду, прострелянный лось,
и в дыру кладу отвалившуюся звезду.

Нас откопают археологи

Давай уедем туда, где снег,
Туда где лёд жирнее творога
Заполнит клетки, и через век
Нас откопают археологи.

Давай уедем, я всё собрал:
Гитару, лучший томик Бродского.
Чем больше мы отсчитаем шпал,
Тем меньше будет в нас уродского.

Купил билеты в один конец.
Признаться мне не хватит выдоха,
Я по любовям не сильный спец,
Но я готов впервые выехать.

Давай сегодня, я всё решил.
Оставь шарфы, носки из войлока.
Мы станем искрой одной души.
И прослезятся археологи.

Грехи и пальцы

Маленький Витя считает свои грехи:

Дважды за день разразился отцовским матом,
Шарф не надел, и теперь его ждёт бронхит,
Пендель целебный отвесил младшóму брату,

Маме соврал, перепачкал гуашью лифт,

А на уроке ИЗО решил отоспаться.

Маленький Витя не знает пока молитв,

Просто молчит перед сном, загибая пальцы.

Так же сегодня он камнем попал в кота.

«Спите, пернатые...» - шепчет в своей кровати

И загибает. И с ужасом ждёт, когда

Пальцев не хватит.

Морщины

Висят морщины у девушки, Господи Боже,
А ведь вчера она бегала с розовой кожей,
А ведь вчера она пела в церковном хоре,
Встречалась с кем-то, рвалась на море.
Встречалась с кем-то намного старше,
Намного старше её папаши.
А ранним утром исчез мужчина,
На всём оставив свои морщины,
Куда ни глянь –
следы машины,
Одни морщины,
Одни морщины.

Рассматривание себя со стороны

Подъезд зевнул и кем-то высморкался в утро,
рассвет кинжально меток. Всё, что крепче брюта
залить охота внутрь. Жалею человека,
бредущего с культёю пенсии в аптеку.

В окно тарашусь, в небо, в мясо пуповины,
у мусорки: собаки, кошки, херувимы.
А где-то там, в других местах, совсем безоких
друг друга любят люди или боги

за просто так, по доброте своей душевной,
и там у них прекрасно всё, и дождь волшебный,
поля в цветах живых, в спине и лёгких – лёгкость,
и голова – пустая ветреная ёмкость.

И дунешь в гости. Скромный домик, ива, речка,
один из ангелов скучает на крылечке,
сидит, обняв коленки. Молвит: «Папа занят.
Себя рассматривает вашими глазами».

Ты вонзишь мне ножик в печень

В подворотне синей ночью
Ты вонзишь мне ножик в печень.
Я запомню искры-очи.
Этот цикл, поверь мне, – вечен;

Мы встречались в прошлых жизнях,
Смытых бережным прибоем.
По тебе справляя тризну,
Я пожертвовал собою,

Лишь бы видеть искры-очи,
Лишь бы слышать песню речи.
А сейчас ты синей ночью
Острый нож вонзишь мне в печень.

Не случайность это вовсе.
Я к тебе приду, но позже,
Ведь душа твоя попросит,
Как возьмёт томленья вожжи.

Слыша роз благоуханье,
Ощущая лёгкость нимба,
На последнем издыханьи
Прошепчу тебе: «Спасибо...».

Сломанный пряник

Нет ничего долговечней дряни.
Утром запарив из мыслей мюсли,
Цапнул с разбега вчерашний пряник.
Пряник сломался – он стал невкусным.

Жижа – не чай, а, похоже – сома.
Только хорошее о погоде
(Колкий рассвет пузом тучи сломан).
И мой настрой – никуда не годен.

Видит поломки и дворник Саныч.
Еду в метро, чуя сбой системы.
«Как ты? – звоню, - не сломалась за ночь?
Все ли на месте детали, схемы?»

Громко молчишь, не ждала вопроса,
Шорох, гудки – словно в ухо фаллос.
Кто-то в вагоне по сну разбросан.
Ох, неужели и ты сломалась?

Пучит подземку, от тел икает.
Люди настроились на гастроли.
Вечером буду, держись, родная.
Если не выйдет любовь из строя.

Весеннее пробуждение

Душно-грязное месиво
Вместо спрута весеннего,
Тонешь в чьей-то депрессии,
Пьёшь похлеще Есенина.

А зимой не мешалось. И
Мнёшь чинарики скверами,
Лично вскормленной жалости
Поражаясь размерами.

Хоть метель не метелится
И мороз не морозится –
В пробужденье не верится,
И зудит переносица.

Где бы скрыться от сырости,
От прокуренной ругани.
Что успел ты там выгрести
Из аптечки напуганной?

Тяжесть неба топорного
Созерцается склерами.
Те, кто выпил снотворного,
Пробуждаются первыми.

Не первый непервый

На стрижке, Порфирий с обидой в душе
Отметил, следя за повадками Людки,
Что здесь до него обслужили уже
Десятки, а может быть сотни ублюдков.

В кафешке он был далеко не вторым,
Давился какой-то заморской консервой,
И слёзы бежали по щёчкам сырым,
Что он у разносчицы очень не первый.

Куда бы он, жалкий, в сердцах ни пошёл,
Кого бы ни встретил: каргу или фею,
Везде с ним обходятся нехорошо,
Бросая куском на жужжащий конвейер.

Порфирий, уняв сумасшедшую прыть,
В притонах укрыл оголённые нервы
И любит, кого невозможно любить.
И в этом он тоже, похоже, не первый.

Бог не ставил прививки

Мы искали себе пространство другое,
Мы искали себя за бортом,
Где тепло и свежо, где сладость покоя,
Где мы сможем построить свой дом.
Мы искали, мы ищем, мы убегаем;
Экология, паника, смерть.
Где другой организм, планета другая?
Где нас примут? О, боже, ответь.
Мы бы взяли какой-нибудь мир на вырост,
А затем разнесли бы войной.
Во Вселенной шалит космический вирус.
Бог не ставил прививки больной.

Достучаться до танкиста

На площади Ленина рыженькая художница
Напишет портрет карандашный за десять минут.
И вместо того, чтобы мимо пройти, поёжиться,
Присел к ней на стульчик, авось её руки не лгут.

Она забралась под броню, так никто не заглядывал,
Я вздрогнул, обмяк, приколоченный парой гвоздей.
Шуршал карандаш ненасытно и даже обрядово,
Кромсая меня, совмещая куски на листе.

Я кашлял, потел, и сжимало меня до судорог
Внутри. Проходящих людей сливались мазки.
Казалось, глаза из нахлынувших морем сутолок
Считали меня за эскиз и порханье руки.

Когда, наконец, конопушка чертёж отхудожила,
Мучительно выдохнув, будто услужливый джин;
Предстало лицо на моё ничуть не похожее –
Оно было слишком красивым, весёлым, живым.

Свернул свой портрет и побрёл холодными лужами,
Прелестнице что-то неясное буркнув с тоски.
На пристани замер, действительностью контуженный.
Так вот ты какой, под бронёю живущий, танкист.

Дочка дарит любовь за деньги

Раскладушки продавлен овраг,
Дочь не спит, повернувшись к стенке
Там, за стенкой не толще ковра,
Мама дарит любовь за деньги.

Может, папа оставил семью,
Как бельё оставляет пятна,
Потому что не только ему
Отдавалась любовь бесплатно?

Эй, дыхни, кто рабоч и охоч,
Кто способен ещё на подкуп.
Где-то кем-то обласкана дочь,
Мама дарит любовь за водку.

Вспоминает и плачется мать,
В богадельне снимая пенки –
Дочке некогда внуков рожать,
Дочка дарит любовь за деньги.

Прохожие

Шаги шуршали в уютной прихожей,
И руки шарили. Вспенился свет.
Пришёл супруг, или просто прохожий
Забрёл в квартиру на запах котлет.

Свои так бережно входят без стука.
«Любимый, здравствуй, покушать найди.
Устал сегодня?..» - зевала супруга
У ноутбука, крутя бигуди.

«Любимый» даже не хмыкнет, не ухнет,
Угрюмой тенью расшастался тут,
Сопя и горбясь, пробрался на кухню,
И молча ужинал двадцать минут.

Жена пыхла о срочной работе,
И с ноутбуком легла, как доска.
Нарочно, или на автопилоте,
Прохожий лёг рядом в потных носках,

Туманным взором обвёл ягодицы,
Укрылся, и в тот же миг захрапел.
Никто не вникнул, какая он птица,
Да и к чему восполнять сей пробел;

Растает утром родной прохожий,
Уйдёт в окоп или в штаб командир.
Какая разница, Петя, Серёжа
Дополнит к ночи одну из квартир.

Часть 2. Загляни в замочную скважину

Туман

Беретом сжав седые кудри,
Подняв повыше куцый ворот,
Я ледяным промозглым утром
Отправляюсь в город, в ржавый город.

Под лязг осенней непогоды
Мне суждено попасться в цепи,
Гляжу в молочные разводы,
Кого туман из дымки лепит?

Я разглядеть ужель во власти
Когда бредёт сиротский путник
И, чертыхаясь на ненастье,
В барьер сметанный зенки лупит?

И инстинктивно сам потянешь
Вперёд сослепу руку-тяпку,
От воображения устанешь,
В пучине сливочной и зябкой

Оно рисует образ чей-то,
И этот образ – кос для глаза:
То проползёт под ноги змейка,
То чудищ чуются проказы –

Вот силуэт завял мохнатый,
Затем восстанет, скалясь алчно,
И с фонаря худые лапы
Протянет сущностью прозрачной,

То плащ мелькнёт как привиденье,
Багрянец вдалеке забрызжет.
Шаги, что были в отдаленье,
Давно стучат всё ближе, ближе...

Галопом липкий страх понёсся!
О, вот шаги, заглохли рядом!
На тишь пугливо обернёшься,
Слой ваты влажной срезав взглядом,

И никого! Сдавило лихо...,
Да шало морось в очи шпарит,
Да грязь повидлом рыжим, рыхлым
Подошвы жжёт армейской паре...

Чаепитие в беседочке

В чашечках чайных – солнца палитра,
Двое в беседке любезно сидят;
Аня в панаме, Ося в цилиндре,
Пьют, обсуждают цветы и котят.

Подле мурлычет тёплая Муся.
Ося к Анюте мосты прочертил.
Вдруг, мимо чашки он промахнулся
И отхлебнул из её глаз чернил!

Эти чернила – сахарней шпанки.
Ося подсел к покрасневшей впритык,
Аня, помявшись, вместо баранки
Осе вцепилась зубами в кадык!

Плоть отделялась сдобой горячей!
Кости трещали, хлестал алый сок!
Люди предстали массой незрячей,
Скомканной чувством в дрожащий кусок!..

Стихло в беседке.
Глазоньки хитры.
Ося в панаме, Аня в цилиндре.

Привычные ежевечерние прогулки костюма

Шёл в спортивном костюме с мотнёй до колен
Джентльмен с бородой и морщинистой кожей,
Кто-то едкий ему бросил вслед: «Не поможет»,
Сотрясая аллею души гобелен.

Безучастен старик, хоть плескай в очи щи,
И в груди – тишина на миллионах наречий.
По привычке хозяйской, костюм каждый вечер
Носит в полостях тела костюм из морщин.

Клетка с птицей без птицы

Корелла издохла, лопнуло сердце –
Браток вчера, облезив пиджак,
Меня убедил за кислой беседцей
Пустую клетку забрать за так.

Она на здоровье гадко влияет:
Он глянет в степи былых красот –
И сердце, как у Миклухи-Маклая
В оковах, рвётся. Тоска грызёт.

И я, на чужую клетку позарясь,
Предвижу, как мой волнистый друг,
Которого я схвачу на базаре,
Погибнет – горлом польётся юг.

Погибнет. Не старость выпустит стрелы,
Не холод сдавит и не тюрьма,
Предвижу – хохлатый призрак кореллы
Задушит, или сведёт с ума.

Рассыплю по донцу почки граната,
Поглажу клетки пустой живот.
Боюсь, в ней умолкла туча пернатых.
Я обнуляю счёт.

Рыбалка

Нетрезвый дядь притопал на рыбалку,
Расправил снасти, лодку накачал,
На середину выплыл, замолчал
Как замолкает в пузе алыча,
Как замолкают, встретивши русалку.

Из хлебобулки выдернул печёнки
И бросил за борт, в тощий коллектив.
Себя чужим страданьем прикормив,
Слегка закинул удочку в речонку.

Камыш сопел, сутулый от несчастий,
Под гулы комариного полка
Орущего от боли червяка
Спешили успокоить чьи-то пасти.

Возможно по фантазиям наяды,
Идя домой под вечер голубой,
Рыбак в пакете из-под мармелада,
Ташил себя с проколотой губой,
Ещё живого, с человеческим взглядом.

А тот, довольный сносною рыбалкой,
Глаза таращил, вымахавший гном.
Должно быть, слышал каждый за окном,
Как перед потрошеньем и огнём
Он долго по себе дубасил палкой.

Из рода омел

Заря одноглазая рдела
И некто из рода омел
Надел на себя чьё-то тело
Из груди разлѣгшихся тел.

Сегодня он будет серьёзный
В особых кругах экземпляр,
Он будет весь день строить козни,
Готовить из искры пожар.

Покроют доспехи младенцев
Его плотоядный костѣр,
И он сможет сыто раздеться,
Оставив одежду, как сор.

Назавтра наденет кого-то,
Кто будет отчаянно хил,
И канет в своё же болото,
Что долгие годы растил.

А после, устав от приличий,
От войн и большой суеты,
Он выплывет в женском обличье
И, может, ей встретишься ты.

Исчезновение садовода

Жены кончина подкосила садовода.

Он, допьяна глотая лунный ил,
В интимных дебрях сада-огорода
Её под вишней схоронил.

Он то молчал, то звал пронзительно: «О, Ева!»,
А после слушал за радистов двух -
Как будто отзывалось тихо древо,
А может быть – любимой дух.

Мечтая, часто он сидел у пенной вишни,
За талию обняв шершавый ствол.
В часы кристально-трезвого затишья
Траву с усердием полол.

Соседям хитрым не нудил о вкусе ягод,
Взял, и пропал, как в Амазонке плот.
Лишь Бог, наверно, в курсе, где бедняга.
Ушёл с радаров садовод.

Возможно, он поднял условностей завесу,
Реальность смог поставить на ребро.
Нам не узнать. Чуть позже, с интересом,
Участок кто-то приобрёл.

Горбы деревьев тёплых были тенью лишней
Для новой клумбы чайных нежных роз.
Собрался корчевать хозяин вишню
И рядом росший абрикос.

Картина-жуть рассудок вдребезги разбила:
Под корнем вишни – жёлтый костный слой,
И абрикос, дрожа, из места спила
Сочится алою смолой.

Сосед

Сон стряхнулся, а у кровати
Замер тумбочкой – мой сосед:
Бледен, худ и внезапно сед.
«Ты зачем ко мне влез-то, Вадик?»
Закачало в кровати-лодке,
А Вадим говорит нечётко,
Будто в рот запихал круассан:
-- Не бери ты в киоске водку,
Там – «палёнка», проверил сам.
Поднимаюсь, вникая в тему:
-- Про который бубнишь киоск?
Он молчит и, как талый воск,
Уплывает к себе сквозь стену.

Эвтаназия

Добрый доктор, пропиши мне эвтаназию,
Или выдавлюсь из тела жёлтой мазью
И вползу в больного скользким паразитом,
Пусть лежит сосед уставшим и сердитым;
А затем, тебя попросит взглядом мрази:
«Доктор, сука, пропиши мне эвтаназию».
Ты внимательней повылупи черешни,
Взгляд его сверлильный – мой по-прежнему.
А в палате человек – на целый Китеж.
Доктор, видишь, я моргаю, иль не видишь?

Лёгкая фригидность

Разорву влечение на кусочки,
Разделю на сотню чайных ложек.
Дам белее облака носочки
Для твоих изящных стройных ножек.

Ты ходи в них дома, по балкону,
Их не бойся, милая, запачкать.
Гляну на тебя как на икону,
Словно на хозяина – собачка,

Можешь принимать любовь как данность.
Суй, родная, ножки в пыль и слякоть,
Вечером, надеюсь, в благодарность
Мне покажешь пяточную мякоть

И подразнишь. Я у страсти в лапах,
Будто ткань, заправленная в пальцы.
Я прильну к ступням, вдохну их запах,
В рот приму по очереди пальцы.

Ты не испугалась бы щекотки,
Я б лизал и в мыслях славил Бога.
Жаль, но это только грёз щепотки,
Ибо ты с рождения безнога.

В квартире №17

В квартире №17
По улице имени Крупской
Не стоит зубами клацать
О щедрости среднерусской.

С идеей больной и узкой,
Чертякам легко собраться
На улице имени Крупской,
В квартире №17

Там: шёпот зрачковой мути,
Там: страха и тьмы широты,
И есть в этой мути - люди,
Но умно молчат как шпроты.

А ежели твякнешь букву,
Разрезав покой зверинца –
Сожрут, будто сторож брюкву,
Поняв, что ты есть за птица.

Чьи, думаешь, это маски
Сопят за столом некруглым?
В агонии комы-пляски
Немые кривые куклы?

Молчи и развесь-ка уши.
Молчи, из какого теста.
Здесь только зрачки и туши,
Здесь нет диалогам места.

Следи за движеньем звука,
Одышка и пот - не деза.
Кто зубы считает стуком,
Тот будет живьём растерзан.

Останки не спрячут в яме,
Всё в ход: потроха и чресла;
Его продадут частями,
Разделится выигрыш честно.

Желаешь себе признаться,
В быту велика нагрузка?
В квартиру №17
По улице имени Крупской

Приди.
И не надо мяться.
Вливайся в круг душе-
губский
В квартире №17
По улице имени Крупской.

И если раскроют пасти,
Припомни, чего ты жаждал;
Твои дорогие части
Излечат недужных граждан.

P.S

Однажды я побывал в квартире по улице Крупской, пришёл добровольно по наводке знакомого. Туда все добровольно приходят, все, кто желает быстро заработать, пусть и с риском для жизни. Я не знал никого из того десятка людей, припёршихся вместе со мной, никто из них явно не страдал словесным

недержанием, да и общаться ни капли не хотелось: на душе было гадко, участники нервничали и зыркали друг на друга как живодёры на клетки в зоопарке. За большим залапанным столом мы играли в молчанку. Я знал, что комната напичкана камерами, а за нами наблюдают высокопоставленные любители шоу, делая ставки на приглянувшихся участников. Мы играли почти целые сутки, пока один усатый мужичок не гроыхнул кашлем. Его, затравленно озирающегося, тут же унесли какие-то «шкафы» в другое помещение, где профессионально распотрошили на органы. Все остальные принимавшие участие в сеансе, в том числе и я, получили по крупной сумме денег. Мне её хватило на полгода тихой жизни. Завтра я снова отправляюсь пытаться счастье.

Пожелайте мне удачи!

Клаустрофобический этюд

Приехал чёрный страшный куб,
На мучеников падкий.
В него забросил пятки.
С угрюмым лязгом ржавых губ
Скользнули створки по лопаткам.

Здесь двое в штатском на беду,
Но, кажется, не видят
В каком плачевном виде
Попутчик; он почти в бреду,
Наверно молится Исиде.

Поплыли яркие круги –
Метнул их не спасатель.
Сдавило сверху, сзади,
Движеньем треморной руки
Гоняю пот по лобной глади.

Весь воздух вынюхан давно
Моргающими вяло.
Мне, с храпом Буцефала,
Его не хватит всё равно,
Погибну тут – расплющит салом

Гробницы душной потолок.
Гуляет пена в жилах,
Истыкать их бы шилом.
Звонок икнул, уносит в бок -
И лифт, блюющим мной, стошнило.

Загляни в замочную скважину

Кто хочет глянуть в замочную скважину
Тихой квартиры из тайных заноз,
В доме по улице Тихона Кряжина
Номер четыре, идущем под снос?

Кто-то отважный припрётся на цыпочках,
Мокрый от шорохов, липкий как мёд,
И с кривоzubой наивной улыбочкой
Жертвенным глазом к порталу прильнёт.

Мрак пузырится, ответственный висельник,
Ветер-маньяк бережёт алтари,
По потолку, шелушащейся лысине –
Стук костылей всё проворней к двери.

В дальних углах пасти смрадные шамкают,
Чёрная тварь каплет мхом со стены,
Стук костылей, не накроешься мамкою,
«Стук»
«Стук»
«Стук»
«Стук» – не с другой стороны.

За костылями ослизло волочится
Масса кишечная с жаждой мозгов.
Но по подъезду до слёз расхохочется
Звук убегающих в страхе шагов.

К парню прилепятся мухи жужжащие:
Что ты увидел? А что там, скажи?

Он на них зыркнет одним глазом ящера,
Молча утопает за гаражи.

Ты приходи в дом по улице Кряжина
Роды принять, унести потроха,
Или извергнуть в замочную скважину
Семя отчаянья,
страха,
греха.

Кошки Палыча

Вечером будто с мешком картошки
Палыч плывёт по заливку дач.
Палыча дома встречают кошки,
Палыча дома встречает срач.

В утро медовое влипнет Палыч,
Будет до ночи скрываться в нём,
Как в мясорубке застрявший палец.
Палыча редко кто видел днём.

Уймище кошек – не вывих моды;
Палыч придёт, отстегнёт протез,
Хвост распушит, выпьет чаю с мёдом,
Выставив кошкам свой диатез.

Палыч развяжет мешок молекул,
Выпустит вышедших за предел.
Кошки скучают и ждут калеку,
Кошки без грубых мохнатых тел.

Мир на вырост

Спроси, может кто-то выдаст чуть больший размер пижам.
Ты брал этот мир на вырост? Он скоро пойдёт по швам.
И я не смотрел на бирки, поверив его красе,
и вот, после новой стирки, наш мир безнадёжно сел.

Чего это, бога ради?! Себе самому не лги,
куда ты в таком наряде? Ни сесть, ни поднять руки.
И бродишь, как неврастеник, затюкан собой, угрюм,
чихнёшь – и в иной системе, толкнут – и прощай, костюм.

А новый набор дадут ли? А вдруг ты не заслужил,
и будешь как путник утлый бродить до скончанья сил.
Портной ли предвзятый грешен – не важно ничуть, ничуть.
Гляди, кто-то голый чешет! Наверное, призрак. Жуть.

Морфология чёрных дыр

Он исследовал скрупулёзно морфологию чёрных дыр
До утра, не гнушаясь методом научного тыка.
Может быть, вещество стремится рефлекторно в ориентир,
А тиски гравитации – близкого акта интрига?

Что случится с живым объектом, погружённым в другой объект?
Он изменится? Просто вымокнет в любовном бульоне?
После первых экспериментов обнаружен был некомплект –
Возвращался объект, теряя ощутимо в объёме.

Вот бы вылезти (только полностью) с другой стороны дыры.
Надо больше, смелее выдумать стратегий и тактик.
Он вернулся в квазарню без денег и прочей земной муры,
Упустив по дороге парочку прелестных галактик.

Из бурой лужи пьёт собака

Из бурой лужи пьёт собака,
вороны щиплют старика,
два хлопца к мусорному баку
несут бабулю на руках.
В подвале дома номер десять
с энтузиазмом палача
опять кого-то обесчестят
а может, с богом разлучат.
Сосед в костре спалил иконы
и громко молится стене,
монашки радостно с балкона
хвалу возносят сатане.
С небес не дождь, а птичьи говны,
прокисла божия роса.
Лежит свидетель Иеговы,
молчит, не смотрит в небеса.
Как всё паскудно и жестоко
и веры нет в глазах пустых –
ты размышляешь и, как Бога,
ногами бьёшь его под дых.

Беспокойный покойник

За оградкой, в объятиях горького грунта
Беспокойно лежит покойник,
У покойника вес почему-то не брутто;
Он изводит себя до колик,

Он изводит себя до пульсации в пятках,
До слюны пузырящейся в горле,
До искусанных губ, синяков на лопатках,
До желания выпустить корни.

Он лежит, ожидая, когда с ним сольётся
Прикупивший билет на Боинг,
Тот, кто бродит пока, улыбается солнцу –
Всё, как выдумал наш покойник.

За миг до листопада

Грызут бобром глазищи, ко мне ползут скрипуче отростки - больше тыщи - сухие руки-сучья. Хранимый сном и ветром, сквозь ветки рвусь на знамя, от дома в жалком метре в неловкой позе замер.

Душить вцепилось бойко родное с детства древо! Я с дружеской попойки – и сразу прочно в невод попался с рыбьей мордой и с психикой несвежей. Готов погибнуть гордо. Отстань, орех! Невежа!

Встаю с коленным треском. Кора, труха и мерзость летит. И в лунном блеске ревуче пасть разверзлась пустой лиловой бочкой. Тряся листвой-отравой, он тянет за сорочку к своей дыре корявой. Всё ближе, ближе, ближе!

Я схвачен блудной мухой. Слюною гнойно-рыжей облит из пасти тухлой. Развёл, как циркуль, ноги. Ругаю матом гада!

Деревья очень строги за миг до листопада.

Исследовательский процесс духосмешения в животах-аквариумах

В животах-аквариумах могут выращиваться армии,
Иные системы, галактики. Но в большинстве случаев – мотыльки.
Когда вижу живот, всегда спрашиваю: «А кто в аквариуме?»,
Нередко слышу молчание и хруст превращаемой в камень руки.

Знакомиться с землянками лучше всего на тёмных улицах;
Тактично преследуешь её, затем, когда она уже поняла,
Что не отделаться – обгоняешь, хватаешь за пуговицу,
Мурчишь: «Приветик. Давно в этом теле? Давно не меняла тела?»

И всё, аквариум твой, можно подселять, кого вздумается.
Но помни, духосмешение – возможный источник психических травм.
Нас мало, коллега, и чаще вместо нас на шёпот улицы
Выходят странные гибриды, охочие до плоти и плотских драм.

Ты давишь саранчу

До сутулой спины мутноглазого клёна
Мы затем по жаре доблукали,
Чтоб я пялил глаза на процесс удивлённо –
Как ты мнёшь саранчу каблуками?

Будто возишься белкою в тёплой блевоте,
Будто сыром натёрлась нелёжким.
Не прельщают твой плоский, упругий животик
И твои загорелые ножки.

Саранча не визжит от увечий, наверно,
И не хнычет в объятиях морга.
Ну а ты – разошедшись пропойцей в таверне,
Давишь меньшие души с восторгом.

Хруст погубленных тел и твой радостный воплик
Неужели завистник накаркал?
Sexy-look: каблуки и, особенно – топик
Для меня? Чтобы шляться по парку?!

Ты пришла не ко мне, не ко мне, (даже тошно!)
А крушить, убивать, сеять хаос.
Я гляжу. Я гляжу.
И уже под подошвой
Вместо гадин – мой вздыбленный фаллос.

Дом

Неба холодное сито
Выло в гудроне ночи,
Дом умолял с ним покончить,
Полный людей-паразитов.

Вылезло утро из тубы.
Чьи-то могучие силы,
Слыша, о чём просили,
Сном перерезали трубы.

Мятные леденцы сына патологоанатома

Отец на экстренном выезде, видимо.
Малыш открыл запрещённое видео
В котором тётки с улыбками странными
Активно трутся топорными ранами,
Ланцеты пальцев по мякоти носятся
Гораздо ниже серпа переносицы.

Кутьёй вишнёвой, отлипшей от обуха,
Целуют ватно нагрудную опухоль,
Слюнявят всё, что набухло ирисками,
Так разве делают люди с близкими?
И стонет радуга действия этого
Над грудой тела ещё не отпетого.

Сынок глядит на машинки и кубики
Внезапно-мятными
леденцами
голубенькими.

Шрамы украшают маленьких девочек

«Шрамы украшают маленьких девочек» -
Плачет старый клоун в розовой шляпке,
Будто рисовать ему шрамы не на чем,
Плачет, утираясь сморщенной тряпкой.

Пьёт и вспоминает: «В городе Нальчике
Трудные гастроли... я не был пойман...
Шрамы украшают маленьких мальчиков...»
Всхлипнул, опрокинул внутрь злое пойло.

Целится в меня глазищами Каина,
Слёзы высыхают, льётся улыбка
Горькая в стакан, гремит за раскаяньем
Хохот.
По одной.
Не вяжем с ним лыка.

Мерзко, тошнотворно, лживо и голодно.
Он свалился первым с важностью дожа.
«Шрамы украшают стареньких клоунов»,
В тумбе нахожу скучающий ножик.

Мыслеловля

Вода набирает полные ванны людей
и плещется в них, смывая усталость телами.
Сегодня воде приснилось: один иудей
её превращал в вино.
А другой, помудрей, был нещадней цунами.

Вода, а точнее часть планетарной крови,
томясь взаперти, молчала как связанный лекарь.
Больной человек ей многие страхи привил,
ей трудно любить себя,
состоящую в основном из человека.

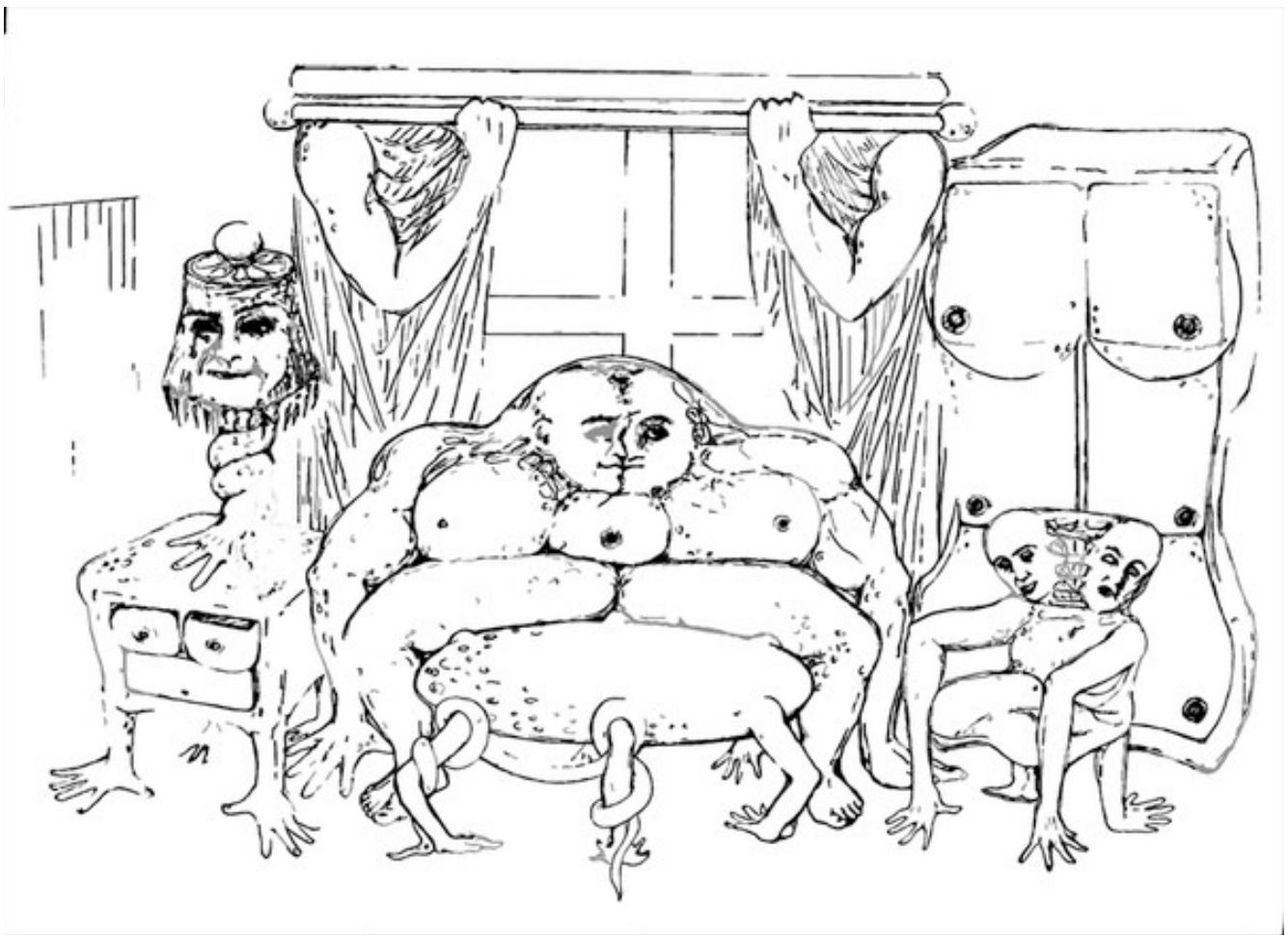
Воде наконец-то выдать пора бюллетень,
лечиться, пока планетные соки не скисли.
Пускай отправляется в город свежих людей
ловить на себя
ещё не отпетые, стаяй скользящие, мысли.

Спим

Спишь,
А тело ходит по квартире
И пьёт, и курит, и хандрит,
А после, как метеорит,
Тебя-планету бомбардирует.
Спишь.

Спим.
А некто липкий как варенье,
При попустительстве икон,
Влезает в нас через балкон
Следить за нашим сновиденьем.
Спим.

Сплю.
Соседу показаться может,
Что я не сплю, когда я сплю.
Как и меня, пока не ожил,
Его используют, как тлю.
Сплю.

Часть 3. Интимная жизнь мебели

Создание тумана

Я видел, как сосед сверху создавал туман
И выплёскивал его из миски в небо.
Туман клубился и гнался за парой армян,
Вис на прохожих, и кашлял нелепо.

Я видел, он заползал под одежду, горчил;
Господа пугались и краснели дамы.
Кефирные сгустки в ночи неслись, как врачи,
Хватая за плечи похлеще жандармов.

Затем, седые патлы растворили луну,
Заслонили звёзды, рекламные вывески.
Я постучал соседу, он в глазок заглянул
И ускакал, пожёвывая ириски.

Переживая за вывески, детей и мам,
Я махал из форточки серьёзной газетой.
Невыносимо глупый, некультурный туман –
Вернулся и теперь живёт у соседа.

Никто так не катал

Из-под нахохленной брови
Гляжу, вдыхая сырость чащи,
Как лесника куда-то тащат
Колонной бодрой муравьи.

А он толкает их в горбы,
Кричит на них и матерится,
Как будто шаха или принца
Везут неряшливо рабы.

Несут, снося все тумаки,
С упорством нищего атлета.
Исчез кортеж за бересклетом,
Приняв меня за куст ирги.

Я плакал и плоды метал
В жилетку верного лукошка,
Мне было горестно немножко,
Меня никто так не катал.

Страшнота

Помоги, друг, по морде пластик,
Сделай мне пострашнее морду,
Сделай морду в разы быдластей,
Чтоб стыдился идти по городу.

Налепи мне носяру, брови,
Подбородок сточи и скулы,
Чтобы стать с Квазимодо вровень,
Чтобы чуть красивей горгульи.

Пусть в меня тычут пальцем дети,
Пусть увозят мамаш плаксивых.
Перед зеркалом сяду с «этим»;
«Мля, какой я в душе красивый».

Ксерофилия

Какая у тебя красивая обёртка
На фоне остальных, несущих в массы бледь,
Такую жмут в руках не запивая водкой.
Позволь её помять, в тиши пошелестеть,
Чтоб те, в углу, могли завидовать с горчинкой.
Отдай мне фантик свой, в недолгий рай билет.
Ах, там же быть должна какая-то начинка?
Оставь её себе. Я не люблю конфет.

Интимная жизнь мебели

За чашкой кофе я нередко
Слежу, сидящий эстет,
Как стул флиртует с табуреткой,
Как на трюмо глядит буфет.

На кухне – вовсе быть неловко,
И это, друг, не миражи,
Ведь там уже с микроволновкой
Мой холодильник задружил,

Нет дружбы жарче в этом мире,
И не сыскать нежнее ласк;
Несутся ночью по квартире
Жужжанье и ритмичный лязг.

С опаской вглядываюсь в бездну,
Свидетель оргий и страстей.
А если завтра я исчезну,
Они наделают детей?

Неудачное обезбородавливание

Бородавка на шее берёт над ней верх:
Неумело моргает единственным глазом,
Отвратительно всё в ней: щекастость и мех,
Теплота, мокрый глаз, но особо – проказы;

Раздражает, болтается, нагло растёт,
И морзянкой «морг-морг» с отраженья в прихожей,
А когда-нибудь может прорезаться рот
Малипусенький, но сквернословно-бульдожий.

И однажды взломают соседскую дверь,
Оскорбясь тишиной вековой тугоплавкой,
А в нутрях – обитает неведомый зверь,
Кое-кто безголовый с большой бородавкой.

Восставшие из вытрезвителя

Они придут. Придут они за мною,
Покажут свой губительный прищур,
Когда поллитру бережно открою
И алкоголь сквозь печень пропущу.

Они придут. Я знаю, твари близко.
За стол сажусь на кухне. Вот пузырь,
На закуску есть какая-то редиска
И собутыльник - молчаливый хмырь.

Они придут. Я хлопнул стаканяру.
Пошло...пошло...сладчайшее тепло.
И через час измученную тару
На пол опустит пьяное мурло.

Они идут согнуть меня как лыжу,
И спрятать от воздействия врача.
Они идут. Я шарканье их слышу,
И трёхэтажный мат в тупых речах.

Они пришли. Мне нет уже спасенья,
И глупо спорить с чёрствою судьбой.
Я - как они, горчащий и осенний.
Они уйдут, меня забрав с собой.

В папин кабинет не входить!

Папа с мамой ушли, в доме я и шарпей
Акебоно, задрых в коридоре.
«Вскрыть отца кабинет – нет затеи глупей!» -
Ягодицы уму семафорят.

Папа праведно строг, аккуратно колюч,
Но клубок мне дала Ариадна.
Я плюю на запрет, мне известно, где ключ.
Я же быстро – туда и обратно.

Скрип костей половиц – стоп-сигнал: «кто такой?»,
«Ты сюда?», «Кто позволил?», «Уверен?»
Еле слышно дыша, повлажневшей рукой
Отпираю заветные двери.

А за ними – тайга, край чужой шелестит,
Потрошит миллиардами зенок,
Словно влез в этот мир душегуб и бандит
Прямоком из тюремных застенков.

Я готов, цель близка, рано падать ничком.
Наступая на камни и угли,
Под бомбёжку часов или вопли сверчков,
Увязваю по маковку в джунгли.

Шаг за шагом дошёл до грудины стола,
К задремавшей огромной горилле.
Озираясь, достал, как из шляпы – крола,
Из коробки одну сигариллу.

Убираюсь след в след из генштаба врага.
Папа вряд ли заметит пропажу,
Наш пустячный секрет позабудет тайга,
И смолчит половичная стража.

Буду важно курить ароматный табак,
Затерявшись в подмышке у сада,
Сознавая, какой я лихой неслабак -
Рисковал, рисковал нежным задом.

Вспоминаю, и ржёт от щекотки тетрадь.
Не пришлось мне поступком гордиться.
С той наивной поры дал зарок доверять
Не уму, а своим ягодицам.

Существо

Клюквой смазана котомка,
В недрах: лапы от котёнка
Присобаченные тонко
К торсу мёртвого щенка,
Голова – бесстрашной крысы,
Хвост – её же – липкий, лысый,
От вороны, ждавшей риса –
Крылья – вставлены в бока.

В дебри тёплого сарая
Нос впихнула баба Рая
И, очки не протирая,
Поздравляет с Рождеством.
Горбовато, кривоного
Я стою с гримасой Бога
Над безжизненным немного,
Неудачным существом.

3 тыщи

В жухлом парке снуёт ветрище,
Я на лавке сижу дебелий,
Ты сказала: давай три тыщи –
И что хочешь со мною делай.

Вот задача. И что же делать
Мне с тобой до зигзагов пьяной?
Я же сам еле-еле в теле,
Не гожусь уже рвать баяны.

Очумела просить три тыщи?
И ваще – я женат сегодня.
А тебя может кто-то ищет?
А тебе-то куда? В Капотню?

Вот держи. И не надо сдачи!
На, пять тыщ, и дуй дальше с Богом.
Ну чего ты, красотка, плачешь?
Ну присядь. Ну поплачь немного.

Три грустные дамы

Три грустные дамы пришли на фуршет,
Их встретили трое не менее грустных
Мужчин: кто – пил водку, кто – гладил планшет,
Кто – ползал в углу, матерясь неискусно.

Три грустные дамы, идя на фуршет,
Себе представляли, наверно, иное:
Как их встретит некто негрустный уже,
Прошедший нарезку и дважды спиртное.

Они опоздали на сорок минут,
Когда уже грусть овладела приятней.
Мужчины грустнеют, когда долго ждут –
И пьют, и грустнеют ещё безвозвратней.

Три грустные дамы с фуршета ушли
Подальше, туда, где ни капли не грустно,
Туда, где возможно ещё пошалить,
Где грусть – пустота, а не бездна искусства.

То-то-то!

В отделении неврологическом,
В одиночной палате без пульта,
Разговаривал пессимистически
Пациент, отрезвев от инсульта,

Разговаривал он с санитаркою
Неказистой в помятом халате,
Но она, ни мыча и ни каркая,
Удивлялась, как пальцу в салате.

А затем удалилась, и с доктором,
Импозантным весьма, появилась,
Он, порхая вокруг хеликоптером,
Распылял химикаты и милость.

Пациент распалялся и силился,
Но слова - будто смята цензура,
Или строгий наказ Брюса Уиллиса,
Данный горькому пьянице сдуру.

Правда, дело совсем не в безволии.
Доносилось из губ пациента:
-- То-то-то! То-то-то! – и не более!
«То-то-то! То-то-то!» – и не цента!

Остальное уплыло из лексики!
И лежал он, страдалец без нимба,
И жене за бананы и персики
Он «то-то!» говорил, как «спасибо!».

Он скучал, он молчал, делал вылазки
Из палаты тихонько, вразвалку.
Накануне желаемой выписки,
Подселили хмыря на каталке.

В нём узнал одноклассника Глебова,
По дворовому прозвищу «Чалый».
Глебов что-то настойчиво требовал:
-- Это-это! – с каталки звучало.

Не предашь друга детства забвению.
-- То-то-то! – громыхнул – «Что за встреча!».
И носилось в кишках отделения
«То-то-то!», «Это-это!» весь вечер.

Доктор, у меня внутри черепа нефтяное месторождение

Доктор, у меня внутри черепа – нефтяное месторождение,
Многослойное, неоднородное, со скоплением газовым,
Насыщенное. Я проводил разведку, это не наваждение,
Нефть необходимо вытеснить и с гордостью родным показывать.

Доктор, я закачивал в нос подготовленную воду и давеча
Ничего не вытеснилось, кроме моих детских воспоминаний,
Мне кажется, я не знал родителей, отца – Семёна Виталича,
Мать – Инессу Георгиевну. Может, я воспитывался няней?

Доктор, послушайте, нефть булькает. Она неусыпно булькает.
Но есть же способ откачать всю гнетущую черноту из черепа?
А если она заполнит всё тело? Мы тогда никакими свистульками
Не высвистим, не выманит, и даже черпаками не вычерпаем.

Доктор, что вы пишете? Взгляните в мои зрачки, в мои залежи.
Ошибаетесь, думая, что сможете выдавить нефть из прыщика,
Или, выписав мела, перекрасить сущность. Мне прежним не стать уже.
Может, посоветуете бригаду бурильщиков?

Только стоит ли морщиться, будто повеяло выгребной ямой.
По глазам вижу: проблема у вас – та же самая.

Кормление холодильника

Судьба – не товарищ, плохой собутыльник,
Не щедрый подарок, не чудо-билет.
Я с горечью понял, что мой холодильник –
Насквозь одинокий домашний предмет.

В нём мало продуктов, лишь снег и горчица,
К тому ж: он боится куснуть даже снедь,
Иначе хозяин всерьёз огорчится,
Снесёт на помойку и бросит ржаветь.

О горе! О горе! Какой же он жалкий!
Его обнимаю тепло, как отец.
Тебя не кормил я ни супом, ни салком,
Не гладил, не мыл, не любил, наконец!

Ах, что же мне делать? Питать вовсе нечем;
Уволен с работы и брошен семьёй,
Я спился, я слился, я, к счастью, не вечен,
И сделался подлой алкашкой свиньёй!

Прости, мой сыночек, заморенный голодом!
Прости, что частенько бил в бок кулаком!
Не плачь, мой хороший, папуля твой рядом,
Искупит, исправит, накормит мяском!

Где нож?! Отрезаю я руку по локоть!!!
Не больно! Не жалко - взращу, как усы!
Держи! Теперь будет тебе что полопать,
Сойдёт, я уверен, за кус колбасы.

Возьми печень папы! Циррозна немножко.

Хрипя, вырезаю здоровый кусок!!!

А на хрен мне эта мясистая ножка?!!

К чему мне излишки?!! Какой с неё прок?!!

Взмахнул и... готово! Хирург я искусный!!

Лежит сиротливо, глинтвейном журча,

Нога пороссячья! Прими! Будет вкусно!

Продержишься долго на этих харчах.

Урчанье влюблённых китов

Ты сегодня со мною совсем иная,
Ты сегодня со мною не ты.
То ли это луна, то ли бешенство мая
Исказило твои черты.

Ты срываешь с себя лепестки, наклейки
Под нагой, загорелой ольхой.
Отловили скамью несмешные калеки:
Ты – слепая, а я – глухой.

Потекло твоё личико клейким сыром
С беспокойною парой маслин,
В темень шмякнулся нос одиноким гарниром,
И за шиворот пряди сползли.

Скользкий рот я хотел целовать когда-то,
А теперь он свисает соплёй.
Мне, такой непривычной тебя, не надо.
Где привычный для глаза слой?!

Ну-ка быстро верни всё лицо на место!
Я к причудам пока не готов.
Мы начнём как обычно с приемлемых жестов
И урчанья влюблённых китов.

Улица Гоголя

Занятно, что на улице Гоголя
живут люди с большими носами,
прямо как у Гоголя, а что касаясь
задатков писательских – не трогала
природа их; не сыпля призами,
придавши сходство с известным классиком.
И ходят, такие, гордо носят
себя, не видят никого из-за носа,
страсть какие важные. И ясно же,
что не классики, а птицы просто.
Жаль, нет в их стае, что ли, философа
профилосить где – ботва, а где – репка;
Повздорили на днях,
повздорили крепко
с целой улицей Ломоносова.
Оказия вышла,
нелепка.

Двухмерность

Совершенно некстати в стерео
Слушать мне завывания зяблика,
Где ты, детский набросок дерева
И нависшее круглое яблоко?
Где ты, Ева, как доски плоская?
Где ты, друг примитивно-рисованный?
Где ты, города план с киосками
И с людьми – схематичными совами?
Где ты, жизнь, вялый покер с прикупом?
Я тогда разыграл бы до верного.
Как мне жить в этом мире выпуклом,
Мне, в желаньях такому двухмерному?

Я пригласил сам себя на свидание

Я пригласил сам себя на свидание,
Сам за собою заехал,
Начал миндальничать, как ЛОР с миндалиной,
И комплиментить с успехом.

А в ресторане с открытой площадкою,
Щедро травя анекдоты,
Я сам себе подливал полусладкого
С приторно-нежной заботой.

Люди вокруг, сквозь табачные петлины,
Видеть могли ошалело,
Как я себя звал на танцы медленные,
Дважды – на танец белый.

В тьме кинозала с собой как с верблюдицей
Гордой общался, весь медный,
И, сам себя на местах где целуются
Я обнимал незаметно.

Чувствовал, что мне касание нравится,
И по мне скачут мурашки,
Я – ни какая-нибудь каракатица,
Хочется ласки бедняжке.

В мокром подъезде знакомого здания
Я на прощание бросил:
-- Я не целуюсь на первом свидании. –
И улизнул, морща носик.

Приходи почихать

Приходи ко мне, почихаем
С отпаданием кислых морд,
Мне доставили из Шанхая
Землянично-перцовый торт.
Приходи ко мне в полость хаты,
Мы отвадим ночную хладь.
С неких пор мне безвкусней ваты
В одинокой ночи чихать.
Спорим, я тебя буду громче,
Буду шторы рвать из парчи,
У тебя же – иной приёмчик:
Многократный солёный чих.
Мы готовимся вычхать зенки.
А какой-нибудь эскимос
Пусть сидит сам с собой за стенкой
И, завидуя, лечит нос.

Одуван

Небу, похоже, недужится,
Стухла верхов синева.
Бабочки потные кружатся,
Где-то скулит сеновал.
Пахну, гербарием сплюснутый,
Травы щекочут бока.
Мучаясь лучшими чувствами,
Выпил намедни слегка.
Пчёлы шуруют панически.
Пчёлы, ужальте в жабо,
Сделайте дядю сферическим,
Сделайте дяде бо-бо –
Вот вам, кусаки, заданьице!
Дяденька мыслит едва,
Пусть на полянке останется
Вместо него – одуван
Всеми покинутый, жутенький.
Ветер, анатом людской,
Ты уж развей парашютики
С лёгкой коньячной тоской.

Овощная расчленёнка

Я сегодня садист-Мефистофель,
Сатана и Пинхед мне близки;
Препарирую бедный картофель,
Вырезаю усердно глазки,

Верещит, содрогаясь от боли,
Я снимаю с него кожуру,
Разделяю на мелкие доли
И другого страдальца беру.

Ясно слышу истошные вопли,
Неужели подкрался недуг?
Я пускаю от жалости сопли
В только что нашинкованный лук.

Сковородочка ждёт, а я медлю -
Совесь ноет как утром алкаш,
Так хреново, что хочется в петлю,
Над картошкой сиплю «отче наш»,

Утираюсь и жарю останки,
Нет, не хватит меня на салат.
Лучше б гречки сварил или манки,
Крупы тише, наверно, вопят.

Где найти справедливость и веру?!
Натворил я ужасных вещей!
Суд избрал бы мне высшую меру,
Если б жил я в стране овощей.

Кренделёк

Он удрал без объяснений
Рано утром в шесть часов,
Без скандалов, треволнений,
Шасть за дверь! И был таков.

Нацедив себе заварки
Он, пока она спала,
Вдруг смекнул, что на подарки
Уйма тратилась бабла:

Три кольца и две цепочки
По четырнадцать карат
По цене здоровой почки,
Шуба, платья, самокат,

А цветы дарил – не взвесить,
Только розы, а не дрянь!
И примерно штучек десять
Ваз династии Хуй-Нань.

Сапоги и два кулона,
Плазма (пофиг, что её)
Всё забрал он у Илоны,
Аки подлое жульё.

Не грызась ни в коем разе,
Вещи хватать! И наутёк.
Лишь оставил в унитазе
На прощанье кренделёк.

Пароксизм мизантропии

С людьми не гоже мне общаться,
С отребьем всяким и жульём.
Своих хватает домочадцев,
Мы с ними весело живём.

Вчера представился Кондратий,
Я телевизор кличу так.
Сломался, гадина, некстати,
Под хохот комнатных зевак.

Я посмотрел не без укора,
Как он пред смертью зарябил,
Взял молоток, то бишь Егора,
И им Кондратия добил.

Смеялась тумба Ираида,
Что не увижу я футбол.
Егором вмазал. «Тихо, гнида!» -
Ей пол хлебала отколол.

Какой угрюмый, постный вечер!
Раису свинку матюгнул,
В её поилку жахнул лечо,
С досадой пнул Андрюху – стул.

Затем поужинал Степана,
Который - борщ, три дня стоит,
И из Арсения - стакана
Марину - водку пил навзрыд.

Скатиться ужин мог в попойку.
Я, грязно выругавшись вслух,
Достал Тамару мухобойку
И поохотился на мух.

Размазал Настю и Карину
По безымянному окну.
Залез на Катеньку - перину,
И приготовился ко сну.

Я имена игрушкам с детства
Давал и верность им хранил.
Промеж людишек по соседству
Слушок ходил, что я – дебил.

Среди предметов жить удобно,
Не надо думать как шпион.
А люди –
мерзостная шобла,
У них ни званий, ни имён.

Сходи в библиотеку

В библиотеку лучше сходи,
Если грохочет в томной груди;
Умные книги, девичий взгляд,
Вечером – леди только сидят,
Жадно ласкают книг корешки.
Влейся в розарий и отожди!

А, после чтенья пары томов,
Ты возвратишься, вялый, домой,
Глянись на книжный старенький шкаф –
В мир откровений твой батискаф,
Лучшее вынешь с миной Кусто,
Чуть полиставши, бросишь: не то.

Отрада

Качаясь в меру согбенной рябиной,
Собрав от жизни плюхи и призы,
Иду с работы в бар, а не к любимой,
Под нос гундося что-то из попсы.

Рекой пиво и запах сплетен стойкий,
Здесь каждый – червь, и каждый – полубог.
Душой кривят друзья по барной стойке -
Завидно им, что я не одинок.

Они мне не друзья, а – выпивохи,
Они нужны, как голой шее – жгут.
Бравадой маскируют грусть и вздохи,
Понятно, ведь родные их не ждут.

Хвастливлю им в болота со зрачками:
Жене, мол, всё равно, что я – в дрова,
Накормит и борщом, и пирогами,
Обнимет, поцелует раза два,

Затем с улыбкой спатеньки уложит.
А я ей прошепчу: «Люблю, люблю».
И даже цвет моей помятой рожи
Она зовёт так ласково: «deer blue».

Иду из бара, шаг чеканя гулко.
Сегодня был «редиской» и «флейфе».
Внезапно в душном склепе переулка
Мне сзади кто-то дал по голове!

Увидев звёзды, чуть не сделав сальто,
Как акробат, попавший на каток,
Я слёг в объятья бурого асфальта.
Налётчик взял барсетку и утёк.

Предстала жизнь занятой ерундою,
И вспышкой мыслю: «Вот же обормот!
Отрадно, я хоть близких не расстрою».
Всегда брехал. Никто меня не ждёт.

Я люблю легкомысленных женщин

Я люблю легкомысленных женщин,
В них поверхностно всё, и так мило,
Если очи пустые, в них меньше
Философий и прочего ила.

С ними очень легко, не опасно,
Веселит иногда глупость даже,
И влюбляются если, то – страстно,
А разлюбят – так честно и скажут.

На их фоне легко быть Спинозой,
Как секвойя идея прямая:
В красоте их богатство и в позах,
Что в постели легко принимают.

Подавай мне блондинку – не меньше,
Чем глупей – тем красивей. И баста!
А любить деловых умных женщин –
Удовольствие для педераста.

Люди едят поэтов

Часто люди едят поэтов,
Заедают душевный яд,
И поэты из винегрета
Смотрят жадно, как их едят.

А бывает, что люди злые
Не едят, а, простите, жрут,
Упиваясь звериной силой,
Поглощают и не жуют;

Кто-то кость, кто-то пух лебяжий,
Кто-то сладость гурманских месс,
И поэт будет есть себя же,
Если кто-то его не ест.

Скамейка

В парке, выбрав одну скамейку,
Я присел от забот отдохнуть,
Пахла мне она карамелькой,
И сосала душевную муть.

Я ушёл, не ища иную,
И теперь там сижу по средам,
В промежутках её ревнуя
К жарким спинам, но больше – к задам.

Симуляция излечения несуществующей амнезии

Смену сдал. Пришёл домой. Разминая чресла,
По квартире по моей сонно ходит баба.
«Кто такая?! И вообще, как сюда залезла?!»
Я один давно живу, словно в банке жаба.

Вдруг из комнаты юлой вырулил парнишка:

- Папа! Папа! Ты пришёл! – и бежит с объятьем.

- Отвали! Ты кто такой?! – а в мозгу мыслишка,

Сговор что ль вокруг меня? Подшутил приятель?

- Впёрлись наглой стаей в дом! Как открыли двери?!

- Десять лет с тобой живём. Я - супруга Зина!

И, пока звоню ментам рассказать о хери,

Плачет, что не узнаю я жену и сына.

Я ещё в своём уме, и не пью по средам!

Это взлом! Но как же так? Соблюдал ряд правил!

Всё на месте: плазма, комп. (План их мне неведом)

Даже палка колбасы – в кресле, где оставил.

Трубку долго не берут. «Ваше дело - гибло!

Что вам нужно от меня?! Я не лох последний!

С головою я дружу! Память не отшибло!

Не намерен слушать плач и чужие бредни!»

Баба сына обняла, в три ручья рыдая:

- Ты нас гонишь на мороз? Как ты можешь, Коля?!

Глянул, баба - ничего, милая такая,

И мальчишка у неё краснощёк, не болен.

Вещи взяли и идут, утираясь скромно.

Жизнь – не только валидол, жизнь – курьёзов кладезь.

Я не Коля, а Кирилл – разница огромна,

Но в дверях я им цежу:

-Вспомнил.

Оставайтесь...

Книжно-паразитическое

Уверен, мамой завладело Нечто
С другой планеты. Вторглось без билета.
А я – наказан. Как бесчеловечно
Лишать меня в субботу интернета!

Всучила книгу с муторным названьем,
Чтоб оценил масштаб враждебной силы.
Брожу по дому, а сестрёнка в ванне
Уже букварь в деталях изучила.

Бабуля, что-то залпом прочитавши,
Меня глазами меряет как шпроту.
А старший брат ушёл, набитый фаршем,
Долдонить о прочитанном народу.

Какой кошмар! Какую ересь вдули
В мозги землян?! И в ком теперь защита?!
Гулять бы отпроситься у дедули,
Но он уже до крайности начитан!

О, как мне избежать образований
Внутри себя?! Раскисли очи-жерла.
И папа, прикорнувший на диване
С раскрытой книгой на лице – как жертва!

Снеговики лепят мужчину

В окошке день великолепен,
Слегка подтаяла земля,
Из грязи, палок и хламья
Снеговики мужчину лепят.

Мужик выходит молодецкий:
Коленки, волосы, кадык.
А у меня такой мужик
Не получался в мокром детстве;

Лепились чаще инвалиды,
И в жутких позах алкаши.
А здесь же – искорка души,
И сердце шире Антарктиды.

Потею, радуюсь, как чуду,
Шаблон Создателя готов,
Он не глядел на нас лет сто.
Да и успел ли за минуту? –

Его разрушил монтировкой
Внезапный жёлтый снеговик!
И убежал!
Я плюнул. Сник.
И слёзы капаят с морковки.

Очень хочет жить ромашка

Очень хочет жить ромашка,
Множить лепестки,
Очень хочет жить букашка
Под столбом ноги,

Хочет муха под газетой,
Не успев понять,
И паук, увидев это,
Хочет жить и ткать.

Хочет жить хомяк немножко,
Прятать в щёки рис.
Хочет жить, наверно, кошка,
Вставши на карниз.

И помойный ризеншнауцер
В хватке челюстей
Хочет жить и размножаться,
И кусать детей.

Очень хочется вороне
Каркать не в прицел.
А мужчина на перроне –
Жить не захотел.

Ресторанный дебош патриота

Завалился в ресторан
В местности удобной.
В жопу рвотный ваш кальян!
Дайте харч съедобный!

Я – единственный клиент
В заведение этом,
Есть хочу, аж спасу нет,
Русские котлеты!

А у них в меню - херня:
Устрицы, карпаччо.
Что за гадкая стряпня?!
Не пожру я, значит?!

Суки, где российский квас?!
Где борщи, пельмени?!
Я вам что ли папуас,
Иль с Разлива Ленин?!

Кучу б денег заплатил
За родное блюдо!
«Суши» точит пусть debil,
Я – платить не буду!

С рожей приторно тупой
Замерла халдейка.
-Принесите суп любой!
И кусок индейки.

Покрошите мне салат:
Помидор, огурку.
Безо всяких авокад,
Трюфелей, окурков.

А ещё мне принеси
Хлеба пол краюхи!
Принеси мне, принеси
Литр медовухи!

Записала в свой блокнот,
Иль зарисовала.
Полчаса, как идиот,
Ждал её хлебала.

Притащила мне харчо,
Курицу, салатик
И берёзовый сочок
С мякотью (был кстати).

Замечаю, не слепой,
Мне в супец харкнула,
Пусть в грузинский, но родной.
Я вскочил со стула,

Цап деваху! Повалил!
Думала, что квиты?!
Суп насильственно залил
В рот её раскрытый!

Сопли ты сама глотай!
На, зажуй салатом!

И куда же, угадай,
Куру вставить надо?!

Ты зачем плюёшь в еду?!
Без стыда припёрла!
Запихать куда, найду,
Раз не лезет в горло!

Подросло два бревна
С нравом полицейским!
На - под дых! По харе – на!
Кулаком Рассейским!

Вяжут руки за спиной
На мажорной ноте!
Я в стране один такой?!
Всех не перебьёте!

Часть 4. Рассказы

Амазонки не знают о мирмекофилии

-- Завтра в шесть часов вечера? – переспросил Никита Чибисов, жмурясь и прихлёбывая обжигаящий кофе.

Горяев кивнул и его зубочистка, сорвавшись с толстых губ, беззвучно приземлилась на столик. Затем Кирилл, потягиваясь, откинулся на спинку кресла, и, потирая лысую голову, прокряхтел:

-- Ты что, ни разу в пейнтбол не играл?

Никита, на секунду отвлекшись на молоденькую стройную официантку, проскользнувшую мимо него к соседнему столику, признался:

-- Неа. А ты?

-- Было пару раз. Завтра намечается особенная игра. Меня самого пригласил Женёк Володарский. Ну, этот, из сисадминов дочернего предприятия. Говорит, бери дружбана и схлестнёмся трое на трое. Пейнтбольный клуб «Амазонка».

-- Странное название, - подумал Чибисов, борясь с горячим напитком: то дую на него, то энергично размешивая ложечкой. А вслух выдал:

-- Причём тут «Амазонка»? Ладно бы «Коммандос» или, на худой конец, «Рэмбо» какой-нибудь.

Горяев хмыкнул, ёрзая на сидении:

-- Да там девки организовали это дело. Четыре сестры-близняшки. Одна из них, вроде, чемпионка области.

-- Так что, мы будем сражаться с девками? - удивлённо крикнул Никита, выпучив свои серые глаза наподобие глубоководной рыбы, поднятой на поверхность.

-- Хе-хе, ну да, Никитос! Только что-то мне подсказывает, что победа будет не на нашей стороне, и твои два года в РВСН нам не помогут. Считай, только Женёк одного уровня с профи, а мы... - он задумчиво взглянул на соседний столик, где феерично захохотала какая-то красотка в окружении вульгарно одетых подруг, и закончил, - мясо!

Чибисов, устав мучиться с inferнальным Эспрессо, взметнул руку вверх, привлекая внимание девицы в чёрном форменном переднике. «Счёт, пожалуйста!»

Кирилл, не отвлекаясь от соседнего столика, пробурчал:

-- Завтра в шесть выходи на дорогу, мы тебя подберём. – И оторвав-таки взгляд от шумного «цветника», криво улыбнувшись, с грустью добавил, - Чувствую, амазонки надерут зад.

-- Зады, раз уж на то пошло.

«Ауди» свернула с трассы на укатанную щебёнку, проскочив два ярких указателя «база отдыха Бережок» и «пейнтбольный клуб Амазонка». Никита, разглядев название, присвистнул:

-- Не тот ли это «Бережок», где несколько месяцев назад один мужик исчез?

Женёк почесал бородку. – И правда, - отозвался он, поёжившись, - по местным новостям мусолили.

-- Да и пофиг, - рыкнул Кирилл, - найдите мне базу отдыха, где не было несчастных случаев. Сплошь и рядом: набухают и в воду лезут, потом их водолазы рыщут, найти не могут.

Автомобиль эффектно подкатил к воротам, за которыми утопали в зелени различные строения. Охранник, позёывая, отворил ворота, пропуская машину во двор. Пейнтбольный клуб находился в трёхстах метрах от базы и, оставив «ауди», пришлось идти по пересечённой местности до деревянных сооружений.

Спустя десять хлопков по открытым частям тела, что равнялось приблизительно шести трупам кровососущих насекомых, из крон деревьев выплыл двухэтажный дом с отверстыми глазницами окон. Обшарпанные стены покрывали круглые красные отметины – результат неточных попаданий. Перед особняком спортсмены увидели и саму «площадку» в пятьдесят квадратных метров, усеянную кольцами резиновых шин от грузовиков, поставленных одна на другую, какими-то конструкциями с дырками наподобие самодельных дзотов, свежими окопами. Здесь же находилось несколько древних разбитых Уазиков, в которых, видимо, тоже можно занять выгодную огневую позицию.

У крыльца одноэтажного деревянного строения, обросшего по периметру кустами сирени, компанию мужчин встретили четыре девушки в камуфляже.

-- Вечер добрый, - поприветствовала одна из них. Никита присмотрелся и едва не потёр глаза кулаками, грешным делом подумав, что у него в глазах стало четвериться. Перед собой он видел четырёх абсолютно одинаковых рыжих представительниц прекрасного пола неопределённого возраста, приблизительно от двадцати пяти до сорока лет. Их физиономии покрывали крупные конопушки размером чуть ли не с кукурузное зерно. Причёски, заинтересованное выражение лиц и даже камуфляжная форма были у них до смешного идентичными.

Евгений им что-то радушно ответил, судя по всему, он уже не раз сюда наведывался. Смешавшись, группа перетекла в дом для приготовления к действию: приготовления физическому, а для Чибисова – и моральному. После того, как ребятам выдали форму: штаны, куртку, жилет, с Никитой – новичком провели подробный инструктаж.

Когда зарядили шариками ружья-маркеры, облачили торсы в военную одежду, лица защитили маской, а одна из сестёр переделалась в судейскую жёлто-чёрную форму, игроки ступили в зону боевых действий.

В этот вечер с амазонками никто не мог сравниться и в восьми партиях они одержали победу, восхищая мужчин слаженными, доведёнными до автоматизма действиями и меткими выстрелами. Никита чувствовал себя эскимосом в сауне: камуфляж промок до нитки, мышцы ног перенапряглись от перебежек и приседаний, к тому же стекло маски постоянно запотевало, и ухудшался обзор настолько, что вояку можно было брать голыми женскими руками.

После очередной почти всухую проигранной партии, Никита жадно пил воду. Таким истощённым он не был со времён службы в армии. Кирилл и Евгений что-то горячо обсуждали с тремя девушками, а четвёртая, судья, из-за раскраски издали напоминающая гигантскую пчелу, подобравшись вплотную к Чибисову, поинтересовалась:

-- Ну, как тебе? Гляжу, ты насквозь мокрый...

-- Понравилось, жарко только. Лучше всего в осенне-весенний период к вам приезжать, - краем глаза Никита заметил какое-то плотоядное любопытство со стороны конопатой воительницы. Он даже обратил внимание на то, как она страстно и демонстративно облизнула сухие губы после произнесённой фразы.

Постреляв ещё один заход, молодые люди, решив, что с них хватит, переделались и, бросив потную форму в специальный ящик, расплатились. По дороге к машине они делились впечатлениями; Кирилл, попеременно то разминая лысый череп ладонью, то возбуждённо жестикулируя, вспоминал:

-- Вас сразу положили, я один против двух бестий! Одну снял из окопа, пока перебежал к деревянному сортиру, чувствую, в плечо попала! Ни фиги не вижу, кричу: «Осмотри!». Пока меня судья осматривала, я успел амазонку вычислить, где сидела! Но точно бьёт, лиса!

На полпути Чибисов, пошлёпав по карманам, спохватился:

-- Ребят, кажись, я мобильный в штанах оставил, и их сдал! Я мигом!

Он потрусил обратно к домику, получив вдогонку от товарищей порцию смешков и улюлюканья: «Тебя после такого вечера на четверых не хватит! Не задерживайся там!».

Преодолев череду ступеней, он сразу же кинулся к ящику, куда они свалили одежду. Ящик пуст. Уже унесли. Чёрт! Никита вошёл в оружейную с хранящимися маркерами-ружьями, припасами и несколькими баллонами со сжатым воздухом. Там никого. Куда все слиняли?

-- Эй! – осторожно позвал он и прислушался, внимательно оглядывая помещение. В полумраке с правой стороны чернела дверь в половину

человеческого роста. Непонятно, для кого такую соорудили, для гномов что ли? Он протиснулся туда. За ней оказалась лестница, ведущая, скорее всего, на цокольный этаж. Странная лестница, винтовая. Никита какое-то время колебался, но затем опасно начал спуск. Через десяток ступеней он слышал голоса, идущие снизу. Напоминало нетерпеливый визг и скуление своры гончих. Лестница заканчивалась чуть приоткрытой дверью, такой же карликовой что и наверху. Явственно доносились стоны и скулёж, будто в комнате напротив взрывом гранаты ранило нескольких женщин. Никита подкрался к проходу и, сгорбившись, для начала прикинул глазом щель. Пахло жаром сауны. Первое, что он увидел в полутёмном помещении - одну из сестёр по пояс голую, стоящую в коленно-локтевой позиции уткнувшись лицом в кучу камуфляжной одежды, в которой парни отбегали часа три, не меньше. Раздался сдавленный чавкающий всхлип. Выпучив глаза, ошарашенный Чибисов парализованно застыл на месте. Девушка в неистовстве, захлёбываясь, рылась лицом в грязном белье с видом текущей самки! Похоже, ей это доставляло невероятное удовольствие! В следующее мгновение она выхватила чьи-то штаны из развалившейся по полу горы и, шумно вдыхая воздух, со сладострастием принялась тереть их об свою обнажённую шею и грудь. Никита, чувствуя поднимающиеся на голове волосы, как у заправского панка, ощутил себя идиотом. Как сейчас ему поступить? Покашлять? Покряхтеть? Постучать в дверь или, раскрыв её настежь пинком, влететь с гусарским задором и выпалить: «Я тут у вас свой телефон оставил! Привстаньте, дамочка, вы на нём сидите!». Ситуация крайне необычная и чем дальше Чибисов наблюдал за аномальными действиями похотливой амазонки, тем увереннее в нём крепла мысль, что нужно просто удрать отсюда подальше. И к дьяволу мобильник! Одна - здесь, беснуется на холме потного тряпья, а где же другие три? Только мелькнула у Никиты эта мысль, как из глубины комнаты прозвенел женский голос, подрагивающий от вождения:

-- Фая, иди, попей!

Никита, насколько это было возможным, прилип к прорехе, в надежде разглядеть вторую половину этажа, откуда прозвучало приглашение, жалея, что у него не рачьи глаза. Фая не слушала, а продолжала забавляться, уже извиваясь на полу анакондой в брачный период, зарываясь в вещи. Чибисов судорожно сглотнул и, испытывая мощное сердцебиение под кадыком, всмотрелся в еле-освещённый край комнаты. Три рыжеволосые полуголые девушки обступили круглый стол и, наклонившись, производили некие манипуляции с чем-то покоящимся на нём. Одна из них не разгибаясь, повернула голову и снова рявкнула: «Фая, иди, пей! Испаряется!». Донеслись чмокающие звуки, по всей видимости, близняшки обложили своими телами что-то или кого-то находящегося на столе! Да и вообще это не стол, а огромное блюдце! Две амазонки покинули позиции, открывая Чибисову кошмарную картину: к металлическому гигантскому блюдцу привязан раздетый, сверкающий голым задом квёло шевелящийся мужчина! Он

находился в сознании! Чибисова перекосило, словно натурщика Пикассо. Неужели это тот самый, не так давно пропавший с базы отдыха «Бережок», незадачливый отдыхающий?! Что они с ним сделали?! Что они с ним делают? Почему он привязан в душном, похожем на сауну, помещении? Пленник? Что им от него нужно? Никита вновь уставился на корчащуюся Фаину, доведённую до экстаза запахом мужского пота. Затем перевёл взгляд на возбуждённое собрание у слегка наклонённого «стола», размещённого таким образом очевидно для того, чтобы естественная жидкость организма скапливалась в одном месте. Рыжая бестия прильнула губами к блюдцу, и раздался звук, с которым хлебают горячий чай.

-- Фая! Иди, пей! – истошно горланила исчадие ада с набухшей грудью.

В этот самый миг, ошеломлённый увиденным Чибисов расслышал тихую мелодию своего звонка, будто тренькающую из забитого гроба. Вероятно, друзьям надоело его ждать, и они решили ему позвонить. Моментально шесть пронзительных рапир-глаз устремились на источник звука, находящийся под тазом своей сестры, самозабвенно мастурбирующей нестиранными штанами.

У Чибисова перехватило дыхание, и он на подгибающихся каучуковых ногах рванул прочь из подвала, затылком ощущая за собой погоню четырёх спятивших маньячек.

Побивая мировой рекорд бега с препятствиями, он доскакал до «ауди», где уже нетерпеливо покуривали братья по оружию. Из всего экспрессивного рассказа они поняли только несколько слов: амазонки, тля, пот и мирмекофилия, да и то в правильности произношения и этимологии последнего сильно сомневались. Никита талдычил про какую-то радиопередачу, но выяснилось, что кроме него её никто не слушал. О возвращении полным составом не было и речи – все чудовищно устали и посчитали, что у напарника лёгкое помутнение рассудка на фоне жары, истощения, нехватки кислорода и обидного поражения в мужской игре от представительниц прекрасного пола.

На пейнтбол Никиту больше не звали.

Яйцо и ложечка

Когда вижу, как кто-то поглощает куриное яйцо ложечкой, ужас охватывает меня, а память возвращает на два десятилетия назад в лихие годы не чуждые не только бандитскому беспределу, но и мистике.

В ту нелёгкую пору пришлось работать в антикварной лавке бок о бок с одним ничем не примечательным молодым человеком. Я не хочу вам раскрывать его подлинное имя, назовём его Кэмел. Он был заядлым курильщиком и курил только эту марку сигарет. Работал он, в отличие от меня, с энтузиазмом, очевидно получая удовлетворение от возни со старыми вещицами.

В один из дней, когда шефа не было на месте, а покупателей больше интересовал гастроном по соседству, Кэмел, прикуривая, таинственно на меня глянул и заговорщицки спросил:

-- Хочешь, одну страшную историю поведаю?

От скуки мне сводило скулы, поэтому вы догадываетесь, что я ему ответил.

То и дело глубоко затягиваясь и выпуская синеватые клубы дыма вверх, он рассказал мне об одном то ли испанце, то ли португальце-колдуне, замученном в сырых казематах «Святой инквизицией» в середине 18 века. Извергам было мало физических страданий старика и кому-то показалось любопытной некоторая задумка, далеко выходящая за грани дозволенного в тот период угасания применения жестоких пыток: из его же собственной сломанной ноги извлекли осколок кости, и мастеровитый затейник вырезал нечто наподобие ложечки, которая была выдана узнику для непосредственного использования по прямому назначению. Жидкую пищу хлебать не представлялось возможным ввиду её отсутствия, а вот куриные яйца, сердобольно подсовываемые изувеченному подследственному, поедались под дружные сардонические насмешки стражи. В случае отказа от использования «столового прибора» новые документально нигде не отражаемые пытки не заставили бы себя ждать, и, наверное, этот акт повинования им доставлял особое удовольствие. Во время процедуры расследования старик признался в колдовстве, алхимии, копировании и распространении запрещённых книг, и чёрт ещё знает в чём. Он раскаялся в своих грехах и вместо сожжения на костре ему грозило провести остаток жизни в тесной камере закованным в кандалы и цепи. Преклонный возраст, перенесённые физические и нравственные страдания сделали своё дело, и до вступления приговора в силу колдун не дожил, отдав Богу душу (или дьяволу?).

Кэмел, не вытаскивая пожёванной сигареты изо рта, загадочно улыбнулся, извлёк из внутреннего кармана кожаной куртки желтовато-серую расплющенную на одном конце палочку, и вместе с табачным дымом из уголка рта хрипло вырвалось:

-- Вот! Она самая!

-- Чушь это всё! – я не скрывал своего скепсиса, и помнится, мы с ним спорили аж до вечера. В конце концов, я плюнул и потерял интерес, окрестив его простофилей. С его слов, за эту раритетную вещь сомнительного достоинства он выложил словоохотливому продавцу все свои сбережения. И сколько я не пытался ему втолковать, что он напрасно отдал деньги за кустарную поделку предприимчивого фантазёра, Кэмел отмахивался фразой: «Я ощущаю её колдовскую мощь».

Да, он питал слабость ко всякой магической чепухе и носил при себе эту ложку как амулет, даже не брезговал каждый день ею размешивать сахар в чае и уплетать вторые блюда в столовой, привлекая недоумённые взоры «местной черни».

Со временем меня больше стало заботить его психическое состояние: он замыкался в себе, подолгу пребывая в собственных мыслях, вследствие этого, перестал справляться с должностными обязанностями. Часто он мог сидеть с ложечкой в руках, что-то бормоча невнятное под нос, когда я его возвращал к действительности зычным окриком, он раздражался и легко приходил в ярость. Я был твёрдо убеждён, что на него влияет эта гадкая вещь, и стал задумываться: неужели и вправду ложка таит в себе колдовские силы и постепенно подчиняет разум паренька? Моё недоверие к магическому предмету разрушилось окончательно, когда у Кэмела вошло в привычку на полдник съедать куриное яйцо всмятку и непременно омерзительной ложкой. При этом его взгляд становился абсолютно безумным и звериным, одному богу известно какие картины проносились в его мозгу во время этой трапезы. Казалось, сквозь юношеское конвульсивно подёргиваемое лицо, как сквозь кожаную маску, проступали иные черты - зловещие, присущие совершенно неизвестному мне человеку. Его движения делались судорожными, в высшей степени нервными. Я с опаской глядел на него в эти минуты, сердце моё учащённо билось, а мурашки табунами носились по спине.

Однажды, не выдержав ежедневных пыток, я его решительно спросил, кто продал ему мистическую вещь? Оказалось, что предприимчивым продавцом был мой знакомый (назову его Уинстон, по тем же соображениям). Он регулярно сдавал в лавку изделия из фарфора и слыл коллекционером всяческого антиквариата. Связавшись с ним, я объяснил положение дел Кэмела; моральное состояние парня ухудшалось, его надо было выручать. Я хотел, чтобы Уинстон потребовал у покупателя ложку назад, вернув, естественно, все деньги. Узнав, что незадачливым покупателем являлся мой коллега, Уинстон чистосердечно признался в том, что мистическая ложка представляла собой грубую подделку, выточенную из косточки забитого кабана, а легенду он лично выдумал ради пущего соблазна потенциального любителя магии. Осмыслив происшедшее, он согласился повиниться перед парнем и вернуть ему деньги.

На следующий день Уинстон заявился в лавку и, рассыпаясь в извинениях, поведал Кэмелу правдивую историю о рождении «магического артефакта». Что случилось в следующий миг, мне трудно было предугадать, хотя стоило: губы Кэмела задрожали, в глазах блеснули отчаянные огоньки, а голос был насмешлив и презрителен:

-- Вы лжёте! Я не верну ложку!

-- Юноша, поверьте мне, в этом масле не больше магии, чем в моей шариковой ручке, - настаивал на своём Уинстон, заметно раздражаясь, - так что возьмите свои деньги обратно, а мне верните-таки эту фиговину, пока я не передумал.

Кэмел бросил на продавца взгляд полный лютой ненависти, так смотрит пёс на конкурента, пытающегося отнять у него кость. Я хотел высказать что-то примирительное и успокаивающее в этой накалившейся обстановке, но замешкался. То, что случилось далее, меня шокировало: Кэмел, бесспорно ведя себя неадекватно, резко сорвался с места к выходу, в дверях он развернулся и, размахивая костяной ложкой, точно буйно помешанный дирижёр палочкой, громогласно выплеснул на Уинстона какую-то гневную тарбарщину от которой, мне показалось, сотряслись стены. Затем хлопнул дверью и был таков. В лавке Кэмел никогда больше не появлялся.

Через месяц мне позвонил предельно обеспокоенный Уинстон. Мы не встречались после того инцидента, и я не слышал о нём никаких новостей. Он меня убедительно попросил разыскать Кэмела, однозначно умалчивая о каких-то неприятных деталях. Я, не очень понимая, для чего ему сдался этот больной на голову парень, согласился помочь. На всякий случай, Уинстон дал мне свой домашний адрес, и хотя я не верил в положительный исход дела, всё-таки записал его в свой ежедневник.

Как и предполагал, парня разыскать не удалось. На выходных я рыскал по своим делам в городе, и проезжая мимо дома Уинстона, решил заскочить непрошеным гостем на разговор. Дверь открыла траурного вида женщина и с прискорбием сообщила, что хозяин квартиры нездоров. Несмотря на это я проявил настойчивость и вымолил с ним встречу, представившись хорошим знакомым. Спустя годы я корю себя за эту настойчивость, ведь зрелище, свидетелем которого я стал в тот вечер, до сих пор время от времени тревожит моё сознание, и сердце сжимает сверхъестественный, безотчётный страх. Шагнув в душную, плохо освещённую комнатку я с внутренним содроганием увидел кровать, прогнувшуюся до пола под тяжестью беспомощного идеально овального рыхлого тела, наполовину прикрытого одеялом. Уинстон действительно был далеко не здоров. Безволосая опухшая голова кошмарным образом срослась с плечами, плавно перетекая в невероятно раздутый уродливый корпус с мясистыми боками. Неестественно тонкие высохшие ручки безучастно покоились параллельно телу, нелепо возвышающемуся посреди комнаты декоративной бледно-розовой горой. Железная кроватная сетка издала характерный скрип – отвратительная

яйцеобразная туша Уинстона безуспешно попыталась двинуться. На секунду наши взгляды встретились: мой – исполненный ужаса и сострадания, и его – измождённый и покорный судьбе. В следующее мгновение, я уже летел вниз по лестнице, подгоняемый первобытным страхом, забыв, зачем приходил.

С той поры, когда вижу, как кто-то ест куриное яйцо ложечкой, меня берёт оторопь и в памяти всплывают пугающие картины произошедших событий.

Зов моря

Покашливая после двух выкуренных подряд сигарет, гражданин Попов зашёл в кабину лифта. Приметив свежееоставленную надпись на полстены, обвиняющую некую «Любку» в промискуитете, Михаил возмутился под нос: «Что за люди... всё им только портить да ломать. Нет бы умное что-нибудь сделать, полезное, хотя бы для родного дома, в котором живёшь. Вместо расписывания стен, лучше бы пол вымыли в подъезде, ей-богу». Атакуемый сей мыслью, с силой нажал на кнопку восьмого этажа. В это время в дверях кабины появился неведь откуда взявшийся коренастый и невероятно сутулый субъект в мрачном длинном чёрном плаще с капюшоном, прикрывающем пол-лица. Михаил не услышал его шагов и поймал себя на том, что невольно вздрогнул от его бесшумного появления. Незнакомец не мог этого не заметить, даже если из-под капюшона он видел только не слишком чистый пол и нижнюю часть тела Попова.

-- Я на восьмой, - Михаил проговорил это и вопросительно глянул на несуразного человека. Тот лишь кивнул. Дверцы с душераздирающим лязгом съехались и лифт, строптиво дёргаясь, начал подниматься.

Во время подъёма Михаил с опаской косился на тёмную гнетущую фигуру, ожидая чего угодно: от банального грабежа до нападения вампира. У него и так нелёгкий рабочий день выдался в строительной компании, а тут ещё возникла угроза вообще не дожить до следующего дня. Но незнакомец не шелохнулся ни разу и производил впечатление фанатика, глубоко погружённого в мир своих грёз. Лифт крякнул и остановился на восьмом этаже. Михаил осторожно обошёл подозрительного субъекта, стараясь ненароком его не задеть, и поспешил к своей двери, попутно выуживая из кармана пальто ключи. Краем глаза он с ужасом заметил, что субъект заторможенной походкой последовал за ним попятам. Михаил, нервничая пуще прежнего, со второго раза вставил ключ в замочную скважину и хотел уже повернуть, как до его слуха донёлся отвратительный булькающий голос плащеносца:

-- Миша, нам надо поговорить.

Миша съёжился, а сердце провалилось в область пятки. «Сейчас достанет нож и прирежет», - мелькнула предательская мысль, и он физически ощутил, как утекает самообладание из его организма. Но через секунду заставил себя выдать фразу, мобилизуя все силы на то, чтобы голос не дрогнул:

-- А вам откуда известно моё имя?..

-- Мне многое известно, Миша.

Голос незнакомца был ужасен: смесь бурления чайника во время кипения и шума воды в сливном бачке унитаза.

Незнакомец беспристрастно продолжил:

-- Зайдем к тебе, поговорим. Ты хочешь узнать о своём брате?

Последние слова пронзили Попова. Его брат пропал без вести полгода назад во время занятия дайвингом у берегов Венесуэлы. Тело до сих пор не было найдено.

Замок щёлкнул, и Михаил раскрыл дверь, повинувшись желанию странного человека, одетого по моде заядлых сатанистов, эксгибиционистов и прочих одиозных личностей.

-- Проходите...

Жена ещё не вернулась с работы, конец квартала, поэтому раньше десяти её можно не ждать. Он будет один на один с этим потенциальным грабителем или того хуже – убийцей. Хотя, если бы он хотел убить, то вероятнее всего сделал бы это ранее в лифте.

Они прошли в небольшую гостиную с крепким овальным столом и креслами. Михаил по дороге повесил пальто на вешалку, а незнакомец не стал ни раздеваться, ни разуваться, более того – не скинул капюшон, оставляя открытой только нижнюю половину лица. Лишь сейчас Михаил почувствовал стойкий неприятный запах, исходящий от плаща. Пахло коктейлем из болотной тины и несвежей рыбы с нотками чего-то ещё, не менее гнусного. Попов жестом предложил гостю сесть. Когда гость присаживался в удобное мягкое кресло, из-под одежды раздалось неясное клокотание.

-- Чаю? – громко предложил Михаил тоном радушного хозяина, надеясь под предлогом удрать на кухню за ножом для разделки мяса, какое – никакое, но оружие.

-- Воды...

Гость тяжело и со свистом задышал, а Михаил заметил, что при разговоре губы незнакомца не двигаются, да и само лицо, вернее его часть, выглядит декоративно, как у резинового пупса.

На кухне он спрятал за пояс тесак так, чтобы его не было видно, но при желании можно было извлечь с молниеносной быстротой. Звонить в полицию пока не имело смысла, к тому же гость обладает какой-то информацией о его пропавшем брате. Не исключено, что он захочет продать эту информацию подороже, может он сам в чём-то заинтересован. И откуда он знает его имя? Следил? Наводил справки? Нужно просто не поддаваться панике, сохранять самообладание, держать голову холодной. Очевидно, незнакомец явился для какой-то сделки.

Набрав воды в стакан, Михаил вернулся в гостиную уже наполнившуюся ни с чем не сравнимыми «ароматами» и поставил его на стол рядом с загадочным субъектом. Тот минуту или две сидел неподвижно и безмолвно будто бы, погружившись в свои мысли и фантазии, вообще потерял всякий интерес к делу. Попов неторопливо сел напротив, напряжённо поигрывая желваками и одновременно сожалея, что насморк вылечен на прошлой неделе. Он решил

ожидать от гостя первого шага. Прохлада стального тесака на копчике действовала успокаивающе.

Наконец, издав не поддающийся классификации звук, гость нарушил томительное молчание:

-- Миша, как ты относишься к чудесным исцелениям?

Михаилу до этого казалось, что он готов к любому вопросу. «Господи, что этот маньяк имеет в виду?» - застигнутый врасплох, он заметался в поисках ответа, и ляпнул первое, что пришло на ум:

-- Положительно отношусь. Чудо – это синоним Бога, - он старался изъясняться естественно и сосредоточенно следил за своим собеседником, лицо и шею которого, казалось, закрывала желтоватая непрозрачная маска.

Вдруг незнакомец произвёл резкое движение и закатал правый рукав плаща. Под тканью обнаружилась бледная, как кусок брынзы, плоть конечности с сетью малиновых кровеносных сосудов. Но не это хотел продемонстрировать загадочный человек; на внутренней стороне предплечья красовалась зеленоватая татуировка в форме головы льва.

-- Узнаёшь?..

Хозяин раскрыл рот от удивления:

-- Откуда у вас такая татуировка? Точно такая была у моего брата..., - тут он осёкся и выпучил глаза, - Игорь? Это ты??

Незнакомец придал рукаву изначальную форму и пробулькал:

-- Конечно я, Миша, - в его бульканье при желании можно было слышать нотки нежности, - не удивительно, что ты меня не узнал. Видишь ли, я сильно изменился за полгода.

-- Но каак?? Что произошло?? – Михаил порывался вскочить и обнять брата, но пока получилось только выпрямить спину и чуть податься вперёд, упёршись ладонями в подлокотники кресла.

-- Я утаил от тебя, от престарелой матери и своей бывшей супруги, что смертельно болен. У меня обнаружили рак на поздней стадии. Врачи дали понять, что лечение бесполезно и можно рассчитывать только на ослабление болей. Мне отмерили максимум несколько месяцев жизни, - Игорь медленно взял стакан в бесцветные одутловатые руки и kloкотал далее, - Я полетел на Багамские острова, намереваясь перед смертью вволю понырять в Карибском море. Я давно хотел туда... у меня даже зрела идея умереть во время погружения, разглядывая красоты кораллового дна, их морских обитателей.

Михаил слушал и не мог поверить, как родной брат мог скрыть от него свою болезнь! Меж тем, он уверился, что лицо брата действительно скрывала маска, за период рассказа рот (а это единственное, что было видно из-под капюшона) не сделал ни единого движения, и звук голоса, ко всей своей необъяснимой диковинности, был глухим.

Игорь отвернулся, и по характерному движению головой, Михаил понял, что почти пол-литра воды исчезли одним махом в пересохшем рту, как в бочке. Из-под капюшона донеслось склизкое плямканье, и брат продолжил, видимо, забыв на каком месте рассказа он остановился:

-- Оно меня вылечило...

-- Кто тебя вылечил??

Проигнорировав вопрос, Игорь взвинтил темп речи:

-- Я арендовал яхту и снаряжение, и в одиночку производил погружение в месте, куда местные не отваживаются нырять. Но мне же было всё равно, я был живым мертвецом. Я плохо помню, что случилось со мной на глубине у огромного кораллового рифа неопикуемой красоты, но в лодку я поднялся ИНЫМ. Оно меня вылечило!

Михаил хотел повторить свой нехитрый вопрос, как в горле запершило, и он только кашлянул, с раздражением отметив, что так и не привык к зловонию.

-- Я изменился полностью: мой разум, моё мировоззрение, моё тело, наконец! Ты не поверишь, я могу обходиться под водой без акваланга!

Брат глядел на брата, мало что понимая из этой фантазмагоричной истории, и на задворках сознания прозвенела тихим колокольчиком мысль, что спасшийся родственник либо сошёл с ума, либо это кто-то другой выдаёт себя за Игоря, преследуя неведомые цели. По мере дальнейшего повествования звон этого колокольчика становился всё громче и громче, а сам колокольчик превращался в Царь-колокол.

-- Я могу дышать под водой! Я почувствовал тонкую духовную связь с морем, крепчающую день ото дня, будто море и есть мой дом, море – моя мать, исцелившая и полюбившая меня в новоявленном качестве. Приласкавшая меня, новорождённого. Но я был не один! Со мной находились мои друзья, с которыми я наладил тесный контакт. Сотни лет назад они спустились с неба, и тоже считают море своей матерью, даровавшей им новую жизнь. Выходит, они – мои братья! Я вспомнил о кровном брате. Я всегда помнил о тебе, но именно в тот миг, когда эта мысль пришла мне в голову месяц назад, я загорелся идеей показать ТЕБЕ истинное величие подводного царства, нежность материнской любви, дух братства. Мы отправимся прямо сегодня! Путешествие не займёт много времени, ибо друзья наделили меня способностью сжатия пространства! Нас ничто не держит на суше! Ты должен это увидеть, почувствовать, ты даже не догадываешься какая это благодать, какое это умиротворение! Миша, ты брат мне или нет? Чтобы хоть немного подготовить твоё сознание к желанной встрече с нашей КОЛЫБЕЛЬЮ, я принёс в себе толику материнского сердечного тепла, прими его СЕЙЧАС!

Заключительные слова прозвучали раскатами клокочущего грома и, выстрелив их, Игорь, выскочил из кресла с завидной прытью, подлетел к брату, на ходу раскрывая плащ и сбрасывая капюшон с уродливой

бесформенной головы, поросшей редкими пучками зеленовато-бурых то ли волос, то ли водорослей.

Михаил в страхе попытался отпрянуть и одновременно достать спасительное холодное оружие из-за спины, но действия развивались настолько стремительно, что в нужный момент дрожь в руках подвела его. Последнее, что он увидел после импульсивного снятия маски это приближающаяся вплотную головогрудь со стебельчатыми крабьими глазами и огромным ротовым отверстием, окружённым извивающимися, словно растревоженные черви, щупальцами.

////////////////////////////////////
////////////////////////////////////

-- Алло, Лидия Олеговна, здравствуйте. Это Света. Миша у вас?

-- Нет, Светочка, а что случилось?

-- Хм. Странно. Я вчера возвращалась поздно с работы и столкнулась у лифта с Мишей, он был с неким подозрительным другом, скрывавшим свою внешность под капюшоном. Я спросила, куда это ты собрался на ночь глядя, а он ответил, что они отправляются к маме! При этом, взгляд у него был одурманенный, а действия – заторможены. Я думала, он выпил...

Чувство вины

Мне пришла смска от старого приятеля: «Сроч провер элпочт оч важ». Он преподаёт историю в университете, каждое лето ездит куда-нибудь на археологические раскопки. Мы с ним не виделись около полугода, так как он находился в длительной заграничной поездке, и это неожиданное корявое сообщение, очевидно набранное в большой спешке, меня не на шутку взволновало. Открыл почту. Письмо от Анатолия. Не знаю, почему он решил написать письмо вместо того, чтобы позвонить или назначить встречу, если дело неотложное. Хотя, это может свидетельствовать о том, что он всё ещё за рубежом. Я, прервав ход своих размышлений, принялся вчитываться в текст письма.

«Привет. Извини, что приходится обращаться к тебе, как к последней надежде. Видит бог, я не хотел, чтобы мы пересеклись с тобой после моего возвращения с раскопок именно при таких обстоятельствах, но это, видимо, судьба. Так сложилось, что ты единственный человек, которому я могу доверять безоговорочно. Конечно, читая это, тебя может посетить мысль, что я не в себе. Но уверяю тебя, я нахожусь в здравом уме и твёрдой памяти как никогда ранее. Теперь я поведаю тебе вкратце свою историю. Ты осведомлён о том, что я ездил в составе экспедиции в Южную Америку на раскопки древнего города. Все произведённые в той области находки укладываются в принятую мировым сообществом историческую модель. Не буду на этом заострять внимание, как-нибудь мы с тобой отдельно поговорим на эту тему, а сейчас у меня мало времени. Я поведаю только о том, о чём тебе действительно необходимо знать, в связи со сложившейся нетривиальной ситуацией. Меня очень заинтересовала культура одного местного племени аборигенов. Работы велись в экстремальных для европейцев климатических условиях. С вождём племени, обитающего глубоко в джунглях, у нас сложились самые тёплые и дружеские отношения, и некоторое время наша группа проживала в их деревне. Проводник и переводчик в одном лице оказался прибалтийцем, навсегда покинувшим свою страну ради проживания в естественной природной среде. Я чрезвычайно был удивлён местному обряду инициации, который должен пройти мальчик, чтобы стать мужчиной. Невдалеке от деревни находилась поляна, сплошь усыпанная странными диковинными растениями. Можно сказать цветами. Плотно сжатыми бутонами они напоминают всем известные тюльпаны, но это единственная схожая деталь. Цветение происходит два раза в год (после чего цветок погибает). В этот кратковременный период, цветок раскрывает свой бутон подобно хлопущей, выстреливая в воздух облако спор. Так вот, перед раскрытием бутона, мальчика приводят на эту поляну и сажают перед конкретным растением, прямёхонько на линии огня! После такого обстрела с молодым аборигеном происходит крайне странная вещь: из него выходит душа и поселяется в этот самый цветок, споры которого он вдохнул. Через полгода душа к нему вернётся во время следующего цветения. Отец ребёнка или

старший брат выкапывает этот сосуд с душой, пересаживает в отдельный горшочек, который бережно хранится в его жилище. Конечно же, за ним следят: ухаживают, поливают, разговаривают с ним, как с живым. В то время, когда наступает вторая и заключительная пора цветения, к раскрывающемуся бутону подводят тело ребёнка, которое жило полгода без души, и во второй раз в своей жизни оно обволакивается облаком спор. В этот самый момент к нему возвращается душа, заточённая прежде в цветок, и мальчик становится мужчиной, взрослым членом племени. Я чувствую, как ты скептически улыбаешься, это напрасно, мой друг. Поначалу мне сие таинство показалось забавным фокусом, пока не столкнулся с телами юных туземцев, души которых находились в цветках. Они напоминали зомби: не могли разговаривать, заниматься какой-либо работой, в общем, существовали как ходячие овощи. Кормить их приходилось родителям с рук, так как даже самостоятельно подносить пищу ко рту они не способны. Оставались только естественные реакции на внешние раздражители, в том числе на боль – тело отдёргивало конечность, подвергнутую воздействию огня. Обряд инициации скорее направлен на закрепление семейных отношений в наивысшей фазе своего проявления, подогревая мыслью о ближайшем будущем независимого мужчины (полгода кормить и водить за руку манекена таки не самое весёлое занятие). В этот период вся родительская любовь достаётся цветку в горшке, в котором томится душа будущего охотника и воина. По возвращении души в тело, родители, облегчённо вздыхая, прекращают всяческие ухаживания навсегда. Мужчина предоставлен сам себе и должен покинуть так называемый родительский дом.

Тебе, наверное, любопытно, что чувствует душа в цветке? Аборигены говорили, что ничего не происходит. Только что ты сидел перед раскрытым бутонем на поляне, и в следующее мгновение ты уже в родительской хижине, где тебя горячо приветствуют родственники.

Для чего это всё я тебе рассказываю? Я принял решение провести обряд инициации! Мне чертовски интересно, что же случится, если напротив бутона в период цветения окажется взрослый европеоид. Вполне возможно, ничего. Есть вероятность, что обмен душой с цветком – всего лишь мифический ритуал, психическое состояние, вызванное самим юным аборигеном, своего рода самогипноз, ведь его с самого рождения подготавливают к этому священному действию. Я вернулся из поездки с цветком, выкопанным на поляне помощником-студентом по моей просьбе. На днях поссорился с женой, она уехала к маме. С коллегами у меня возникли профессиональные разногласия, которые на данный момент не позволяют мне кому-либо из них доверить свою жизнь. Мне больше не к кому обратиться, кроме как к тебе! Если эксперимент удастся и моя душа переберётся на полгода в цветок, только ты сможешь позаботиться о моём немощном теле. Я на тебя очень надеюсь, ведь тебе ничего не будет стоить приютить меня на полгода в своём стационаре. И самое важное: уход за растением – полив и солнце. Цветение происходит ровно через полгода, минута в минуту. Сейчас я пишу это и краем

глаза замечаю набухающий пульсирующий бутон. Да, чуть не забыл! Я послал тебе конверт с запасным ключом от моей квартиры. Зайди ко мне как можно скорее! Представляешь, какая родится сенсация, если эксперимент завершится благополучно! Ровно полгода! Запомни, с сегодняшней даты и часа. Посади моё тело напротив растения! Начинается! Увидимся, друг!».

Я не мог поверить своим глазам! Шутка? Я слишком хорошо знал Анатолия, на подобные розыгрыши он не способен. Тут же одевшись, выбежал из квартиры, достал из почтового ящика конверт с ключом и понёсся к нему в другой конец города.

Третий этаж, №47, чёрная двойная дверь. Не знаю для чего, я сперва прильнул к ней ухом. С момента начала эксперимента и возможного переселения души прошло около часа с небольшим. Внутри квартиры раздавались какие-то шумы или мне показалось. Если бы что-то пошло не так, уверен, Толя перезвонил бы. Открыв дверь, осторожно зашёл в прихожую, стараясь громко не дышать. Сердце гроыхало, словно тамтам. Я уже представил, как обнаружу Толю сидящим в кресле с потерянным взглядом зомби, безвольно пускающим слюну на грудь. Мне его стало жалко, человек ради науки решил рискнуть собственным здоровьем, а может быть и жизнью. Однако из комнаты внезапно выскочил с воплями и улюлюканьем более чем энергичный Анатолий собственной персоной и, набросившись на меня, сбил с ног! Я с ужасом предположил, что он сошёл с ума и намерен задушить меня до смерти! А вся эта мишура из сообщений была лишь предлогом заманить к себе и истребить! Только за что?! Уже хотел выползти за дверь, дабы спастись бегством, но он опередил меня и, выскочив на лестничную площадку, хаотично заметался там, как раненный зверь. Обвёл ошалелым взором стены, будто очутился в кабине летающей тарелки, попрыгал на месте, затем покатился кубарем вниз по лестнице, выкрикивая какую-то абракадабру.

Тем временем на психотерапевтическом сеансе-тренинге на тему «Освобождение от чувства вины»

«... доктор, меня беспокоит чувство вины по поводу ещё одного случая. Недавно мы с группой археологов ездили на раскопки в Южную Америку, я был помощником, так сказать, на подхвате. Однажды профессор попросил меня выкопать один цветок, который считается священным у местного племени туземцев. Цветы росли вдали от деревни, на поляне. В этот день у меня ужасно болела голова, и топтать далеко не было ни малейшего желания. Я взял точно такой же цветок в одной из хижин, благо никто не заметил. Профессору соврал, что выкопал на поляне. Вроде бы мелочь, но мне стыдно до сих пор за этот поступок. Пожалуй, я попрошу у него прощения. Пусть

буду выглядеть глупо, но это единственный способ избавиться от чувства вины...»

Чашечка обалденного кофе

- Откройте! Полиция!
- Почему я вам должна открывать?!
- Зоя Аркадьевна, на вас поступают жалобы от соседей! Откройте!
- А вы кто такой вообще? Покажите свои документы в глазок!
- Участковый уполномоченный лейтенант полиции Федулов. Смотрите... пожалуйста!
- Я плохо вижу!
- А так?...
- Ага... а какие жалобы?
- Откройте в конце-концов! Я представитель власти и закона, между прочим!
- Тебе сколько лет, представитель власти? Вчера только за партой сидел, а сегодня уже представитель власти!
- Попрошу не выходить за рамки приличий и относиться уважительно. Открывайте.
- (щёлк!...)
- И что? Мы с вами через цепочку будем разговаривать?
- У меня не убрано.
- Пропустите в квартиру. Я должен убедиться, что у вас всё в порядке.
- Вы сначала объясните, какие ещё жалобы на меня поступают?
- Музыка громко играет каждый день почти.
- Ну и что! Я имею право днём слушать музыку. Тем более это Шуберт! Это классика, а не какая-нибудь молодёжная попса! У меня музыкальное образование!
- Никто не спорит, но поток жалоб не прекращается. К тому же из вашей квартиры, извините, доносится неприятный запах. Я даже сам сейчас чувствую...
- Это кофе!
- Если это – кофе, то он, вероятно, чрезвычайно мерзкий на вкус. Мой вам совет: не покупайте такой кофе больше.
- А я не покупаю! Я выращиваю. И он не мерзкий, а самый восхитительный! Вы такого в своей жизни не пробовали!

-- Я же слышу гадкий запах. Какой у кофе вкус, даже боюсь представить, аж начинает подташнивать. Вы пропустите меня, наконец, или мне вызвать подкрепление?

-- Ладно... проходите...

-- А где вы выращиваете этот... кофе?

-- У себя в квартире. Выращиваю, собираю, сама обжариваю, перемалываю в кофемолке и варю. Я настоящая кофеманка!

-- А почему вы включаете громко музыку?

-- Когда я пью кофе, мне хочется слушать классическую музыку. Особенно люблю Вагнера, Шуберта...

-- Не знаю таких, но «Аве Марией» вы соседей достали уже. Да... у вас действительно не прибрано...

-- Понимаете, товарищ...господин лейтенант, я сейчас нахожусь, если так можно выразиться, в депрессии... меня бросил муж и уехал на свою родину, в Камерун.

-- И давно уехал?

-- Года три назад...

-- Да уж... Вы где работаете?

-- На данный момент нигде... Меня уволили из консерватории. Стараюсь реже выходить из квартиры.

-- А на какие средства вы живёте?

-- Бывший муж регулярно присылает мне деньги.

-- Хм... а я подумал, он вам этот гадкий кофе присылает. Я могу зайти в эту комнату?

-- Она заперта.

-- Что там?

-- Там растёт кофе.

-- Тссс! Я слышу в комнате шорох какой-то. Зоя Аркадьевна, откройте эту дверь!

-- Там никого нет!

-- Мне нужно удостовериться в этом.

-- Не открою!

-- Тогда, я её взломаю.

-- Вы не имеете права ломать дверь! Я буду жаловаться!...

-- (Хрясь!...) Фу, какой дурной запах!... Так-с... почему вы не сказали, что у вас малолетний ребёнок от африканца?! Боже, он инвалид... без ног... и без руки!... Почему он пристёгнут к кровати?!

-- Это не ребёнок, это мой кофе!

-- Что?? Вы в своём уме?! Потрудитесь объяснить ситуацию!

-- А что тут объяснять?!

-- Вы насильно удерживаете ребёнка-инвалида! Он разговаривает вообще??

-- Растения не разговаривают!

-- Он же измождён! Да вы – преступница! Интересно, какие такие плоды вы ещё собирали?! Мать божья! Вы отрезали ему ноги?? Одну за другой?!! Потом руку?!!!

-- А что я, по-вашему, должна была делать?! Загубить целиком дерево?! Кофе я пью каждый день! Поэтому я снимаю урожай по частям!

-- Вы ненормальная маньячка!!!

-- Затем жарю, перемалываю и варю обалденный кофе! Куда вы побежали? Приглашаю вас сегодня вечером ко мне на чашечку! Можете захватить друзей!

Кому толкнуть гастрит за полцены?

Увлечённо жуя бутерброд с ветчиной, я вышел на балкон. У подъезда происходило нечто любопытное: локальный бурлящий микс из соседей с бабой Машей в гуще событий. Откусывая солидный кусок, я с ленцой прислушался. Галдели о каких-то болезнях или покупках, или о покупках болезней. «Что за чепуха! Взрослые люди, а верите во всякую ересь!» - возмущался мужчина в помятой шляпе.

-- Вот тебе крест, не вру! – вспыхнула баба Маша и торопливо перекрестилась. Нина Аполлинариевна поддакнула и добавила: «Веня, он и у меня купил! Посмотри на мои руки! Полиартрит прошёл бесследно!».

Веня, не желая более дискутировать, театрально плюнул и со своим седовласым спутником юркнул в подъезд. Соседки что-то выкрикивали им вслед, но я уже покинул балкон и, доедая собственноручно изготовленный шедевр кулинарии, спускался по лестнице. Бьюсь об заклад, произошло что-то захватывающее. Баба Маша регулярно влипала в интересные истории: то грабителя задержит, то письмо президенту напишет, а он ей ответит, то какую-нибудь фиговину под видом чудо-пылесоса ей впарят мошенники, а потом она штурмует их офисы вместе со своей подругой-ровесницей Ниной Аполлинариевной. Ни дня без происшествия. Ковыряясь языком в зубах, я направился к лавочкам, где активно судачила престарелая парочка, и сходу выпалил:

-- Привет пионерии! Что за шум, а меня не позвали?

Баба Маша, лихорадочно поправляя цветастый платок на голове, энергично вскочила.

-- Ой, Лёшенька, не поверишь, что случилось!

-- Что? Веня шляпу новую нашёл в мусоропроводе? – ни капельки не задумываясь, глуповато сострил я.

Пенсионерка вплотную приблизилась ко мне, подумал даже, что сейчас воодушевлённо прильнёт к груди, как орёл к прометеевской печени.

-- Лёшенька, помнишь мою катаракту? – с этими словами она взглянула на меня широко раскрытыми старческими блёклыми глазами, словно желая напомнить, продемонстрировав её во всей своей красе.

-- Помню, конечно! Каждую ночь ворочаюсь, не могу забыть!

-- У меня её купил час назад один представительный мужчина.

-- Что сделал?! – если бы голливудские мультипликаторы взяли зарисовать удивлённого меня, полагаю, мои глазные яблоки выскочили бы из орбит и повисли на серых нитях нервов в районе небритых щёк, а упавшая челюсть отдала бы пальцы на ногах.

-- Купил! Вот, за пять тысяч, - старушка полезла в кошелёк и вынула оттуда красноватую банкноту.

Вылупившись на деньгу, я с остервенением начал чесать затылок, одновременно с этим героически утихомиривая зарождающуюся икоту. Разглядывая мою озадаченную физиономию, она продолжила:

-- Мы сидели с Ниной на лавочке. К нам подошёл черноволосый мужчина в костюме, с усиками...

-- Да с какими ещё усиками? – влезла Нина Аполлиinarieвна. - В каком костюме? В каких-то брючках и олимпийке, и не черноволосый, а лысый, как коленка моего Сёмы!

-- Он был в костюме и с волосами! – уверенно настаивала на своём баба Маша. И повернув голову к подруге, зыркнула на неё словно бульдог на котёнка.

-- Да лысый он был, Господи! – жилистая пенсионерка в синей кофте аж подпрыгивала на лавочке. - Лысый!

-- В пиджаке и с волосами! – баба Маша громко норовила поставить точку в описании незнакомца.

Уязвлённая Нина Аполлиinarieвна заворчала под крючковатый нос нечто нелестное о подруге. И напоминала сейчас обиженную чайку.

Только сейчас я заметил, что баба Маша без своих очков с толстыми стёклами. Как это я упустил из виду. Ведь сразу показалось: что-то не то в облике. Соседка снова взглянула на меня, слегка улыбаясь.

-- Лёша! Он подошёл к нам и спросил: ни хотите ли продать свою болезнь? Мы с Ниной конечно так и ахнули, мол, с дуба рухнул, голубчик? А он не отстаёт. И как он прознал, что у меня катаракта, а у Нины полиартритом руки скрючило?

-- Действительно, как? – нарочито серьёзно вставил я. - Одна в бинокле, у другой пальцы в узел завязаны. Не иначе экстрасенс.

Старушка пришла в лёгкое замешательство, но улыбка с её лица не дезертировала.

-- В общем, пристал к нам, куплю за пять тысяч говорит, и протягивает деньги. Мы естественно согласились за такую сумму-то. Я и купюры такой не видела, только по телевизору. Даёт, значит, деньги и в придачу суёт нам какую-то коробочку. Дуйте в неё. Ну, мы дунули по очереди. Он коробочку закупорил, что-то шепнул, и тут я прозрела! – баба Маша нелепо взмахнула руками, точно огромная сова в платке. – Скинула свои очки и давай мир разглядывать, а Нина на руки взглянула – у неё полиартрит прошёл и пальцы задвигались!

-- Да-да, - соглашалась чайка в синей кофте, - и пока мы радовались, мужичка и след простыл. Лысого мужичка.

Произнесение предпоследнего слова сопровождалось заметным повышением голоса. Баба Маша во второй раз повернула голову в сторону чайки, перевоплощаясь из совы в собаку, и мне даже послышалось бульдожье рычание.

От удивления я не знал, что сказать. Только вымолвил:

-- Надо было меня позвать, я б ему свой гастрит за полцены сбагрил.

-- Убёг он, фантомас-то. Даже сами не успели спохватиться. Я б ему Сёму своего показала, радикулит его доконал уже, - с лёгким налётом огорчения отозвалась Нина Аполлинариевна.

-- Баб Маш, дай-ка мне купюру, может фальшивая?

Старушка ойкнула и принялась мять её в руке как посетитель деревенского туалета – газету. Выхватив банкноту, я проверил на наличие водных знаков. Вроде всё на месте, да и бумага чувствуется подлинная. Странно.

-- Держи, баб Маш, честно заработанные. Повезло вам с покупателем, соседушки. Ну, доброго здоровьица!

Получив в спину порцию ответных пожеланий, я поднялся к себе, слегка обескураженный.

Что за странный тип? Купил болезнь! Ерунда какая-то! Как можно купить болезнь?! Причём потратить на каждую аж по пять тысяч! Да вообще, как можно купить то, чего нельзя пощупать?! Нахрена ему болезни?! Голова разрывалась от калейдоскопа вопросов один бестолковее другого. Захотелось чаю.

На следующий день я решил наведаться к своему старому знакомому – Рамизу Асадуллаевичу Голобородько. Он профессионально занимался астрологией, гаданиями и прочей белибердой, и снимал офис в центре города. Мы вместе учились в строительном техникуме, с той поры я называл его: «Рэм», а он меня: «Лей». Всегда удивлялся, как можно зарабатывать подобной дребеденью. Разгадка была на поверхности: почти вся его клиентская масса состояла из мнительных жён бизнесменов, внимающих его астрологическим прогнозам с раскрытым ртом и кошельком. Все эти неразрешимые вопросы, мучавшие меня накануне, я рассчитывал задать ему, он как-никак уже лет двадцать штудирует эзотерическую макулатуру. И бесконечный конвейер страждущих посетителей – лишнее подтверждение его профессионализма.

Ночью спал плохо. Снился гаденький хлыщ, обманым путём норовивший изъять из меня жизненно важные органы: железы, аппендикс и мениск. При этом он был по настроению то лысым, то с волосами.

Офис Рэма встретил свежей пылью и новой секретаршей в очень обтягивающем фиолетовом платье и с роскошными волосами. Секретарш менял он с маниакальной регулярностью. Я вынужденно подождал около

десяти минут на кожаном диванчике в приёмной, прежде чем из его кабинета выплыла томная и опечаленная дама с явно ненатуральным вульгарным огромным бюстом. За нею шествовал Рэм, как всегда подтянутый, гладко выбритый и в дорогом тёмно-синем костюме.

-- Не забудьте, наш следующий сеанс в пятницу в 14.00. Принесите фотографию котика, не волнуйтесь, снимем с него порчу. – Мужской баритон звучал впечатляюще и чертовски располагал к доверию.

Проводив расфуфыренную даму, он позвал меня к себе и буркнул секретарше:

-- Если что, я на подзарядке...

-- Хорошо, Рамиз Асадуллаевич! – пролепетало благоухающее изысканными духами юное создание.

Мы уселись в мягкие, глубокие кресла, и я поведал ему историю про покупку болезней у старушек неким субъектом. Рэм не перебивал и слушал внимательно, раз или два вставал и задумчиво прохаживался по кабинету, поглаживая массивный подбородок. Однажды провёл ладонью по лбу, очевидно массируя третий глаз.

-- Ну как? Что это, по-твоему? – спросил я в довершении своего увлекательного, полного мистических тайн и загадок рассказа.

Рэм шумно вздохнул и закинул ногу на ногу, неожиданно сухо щёлкнув коленным суставом.

-- Надо же, осечка, - брякнул он. И с уже непроницаемым лицом медленно продолжил, будто смакуя каждое слово. – Болезнь – это тёмная энергия. Она цепляется к органу и вносит разлад в его деятельность. Я считаю, с бабулями поработал гипнотизёр. Не зря они описывают его по-разному, видимо перед одной ему удалось предстать в желаемом облике, а другая не поддалась. Но меня больше заботит иное: для чего он пытался вытянуть энергию болезни из тел пенсионерок? Толку от неё никакого, к тому же мне не верится в излечение подобным способом. Скорее всего, под гипнозом он внушил им иллюзию исцеления. На такое мощное воздействие способны лишь несколько местных специалистов-гипнологов. И то – один из них при смерти, лечится от рака крови, подозреваю – безуспешно. Я попробую ещё разузнать, а ты уточни, как соседки себя чувствуют сегодня, и позвони мне.

На том и порешили. Из офиса я направился напрямиком к бабе Маше. Дверь открыла опечаленная старушка в очках. Я сразу всё понял.

-- Лёша! – запричитала она, – целитель оказался мошенником! Сегодня утром встала со своей катарактой. Слепота вернулась!

Я обнял бабулю и попытался успокоить:

-- Ничего страшного, баб Маш, зато у тебя есть халявные пять тысяч.

Не очень обнадеживающе, но пенсионерка спохватилась и поддакнула из моей подмышки. Затем выскользнула из цепких объятий и, внимательно глядя на меня огромными глазами сквозь аквариумные стёкла очков, пожаловалась:

-- У Нины полиартрит появился.

Произнесла она с такой миной, словно полиартрит был молодым и пылким ухажёром, пришедшим к Нине Аполлиinarieвне в отсутствие её разбитого радикулитом мужа.

-- Да они и не уходили никуда, болезни ваши, - я решил поделиться гипотезой Рэма, - вас загипнотизировали!

-- Да иди ты? Я же своими глазами отлично видеть стала вчера, как в молодости, а сегодня... - и она погрузилась ещё больше, напоминая скорбную сову в очках.

Вечером позвонил Рэму и сообщил, что его версия подтвердилась, и соседские хвори действительно вернулись на место. По всей видимости, он находился в каком-то увеселительном заведении: обилие женских голосов и ненавязчивая музыка с успехом заглушали его речь. Однако он постарался перекричать гвалт вакханалии:

-- Неподалёку от твоего дома находится же онкологический диспансер! Помнишь, я тебе сказал, что только несколько человек обладают гипнозом такой силы?

-- Ага, припоминаю.

-- Так вот, в этом диспансере проходит курс химиотерапии один спец. Я уверен, это он запудрил мозг бабулям! Но с какой целью, пока не в курсе. Возможно, твои соседки не единственные пострадавшие. Разнюхай там и завтра в обед позвони. Меня уже зовут прочищать энергетические каналы. До связи!

Мне было чрезвычайно интересно разбираться в этой истории, да к тому же время позволяло – до вахты целая неделя. Для чего хмырю, лечущемуся от рака ходить и покупать за настоящие деньги чью-то хворь? Даже не покупать, а изображать покупку, болезнь-то никуда не девалась, хотя пострадавшему казалось, что его болячка «выдулась в коробочку» и передалась таинственному покупателю. Лысому! Точно лысому, он же химиотерапию проходит! Нину Аполлиinarieвну не проведёшь, на неё чары не действуют, однако в излечение поверила.

Я зацепил полное мусорное ведро и демонстративно прошёл с ним мимо жены, бойко раскатывающей тесто по столу. Чувствуя себя таким агентом Малдером на боевом задании, я намеревался затесаться в престарело-

скамеечные разговоры в соседних дворах и несколько прояснить ситуацию. На лестничной площадке попался Веня.

-- Слышал, Лёша, сегодня Кузьминична из соседнего двора какому-то полоумному свою подагру всучила за пять тысяч?

-- Ого! Он печатает их что ли?! Нашу пионеррию-то он накружил, хвори возвратились!

-- Чёрте что творится! Куда правительство смотрит! Хорошо хоть этот мошенник деньги даёт за фикцию излечения, - возмутился сухощавый Вениамин со стойким запахом перегара, плохо скрывая зависть. Он сам бы не прочь разжиться за счёт одной из своих болячек, коих у него целый букет.

-- И то верно...- покачав головой, я спустился во двор и сел на скамейку, разглядывая деревца с трепещущей на ветру листвой.

Кто же он: преступник или благодетель, охотно раздающий пятитысячные нуждающимся людям? А может он таким образом перед смертью грехи замаливает? Тогда неплохо бы просто деньги раздавать, без эзотерического фарса с покупкой недугов. К тому же, если верить Вениамину, это не единичный случай и пострадали не только жители нашего дома. Я мысленно влез в шкуру загадочного человека, дышащего на ладан; как он из последних сил, кашляя и ежеминутно глотая пилюли, плетётся по дворам, выискивая затуманенным взором больных граждан, вручает им денежки, получает «коробочку с недугом». На кой чёрт ему это надо? Никак я не мог осмыслить подобную дурь. Не выдержав, стал названивать Рэму, но он не брал трубку. Наверное, уже «шпилит» кого-то, пострел.

Ночью приснился мрачный сон про придурка, разбрасывающегося банкнотами, при этом он, строя злобные гримасы, горланил что-то вроде: «Я вылечу всех, если вы излечите меня!».

Утро выдалось дождливое, и я безмолвно завтракал гречневой кашей, вслушиваясь в барабаниющие по подоконнику дождевые капли. Периодически сладострастно ковыряясь в ухе карандашом, жена писала список продуктов, которые я обязан буду купить на базаре. Телефонный звонок вывел меня из медитативно-созерцательного состояния. Это Рэм.

-- Здорова, ты чё там вчера, нормально всё? – с набитым ртом ехидно спросил я.

-- Как обычно, Лей, всё нормулёк. Я тебе сейчас кое-что скажу. Меня ночью посетила одна идея относительно нашего «покупателя».

-- Ага, давай-ка, я весь внимание, - оживился я, превращаясь в громадное ухо.

-- Меня осенило: он не покупает болезни! Он вообще ничего не покупает! Это всё – для отвода старушечьих глаз. Стариками легче манипулировать. И тёмная энергия ему не нужна. Ему нужна светлая энергия радости и благоговения, которая выплёскивается только в тот момент, когда человек становится свидетелем ЧУДА! В нашем случае – исцеления! И он впитывает эту энергию, благотворную энергию, дающую ему надежду на своё излечение от рака. Это он здорово придумал, скажу я тебе! Однозначно он пойдёт на поправку!

Я, чуть не поперхнувшись гречкой, не успев до конца переварить и усвоить услышанную информацию, поинтересовался:

-- А на кой ему сорить деньгами, он же в состоянии любому внушить что угодно? Зачем ему ещё и раскошелиться?

-- Видимо, он обладатель зубастой совести.

Ветеринар не лечит слизней

В мою дверь утром позвонили. Не имею привычки заглядывать в глазок, всегда открываю не думая. Так произошло и на сей раз. Кто мог меня оторвать от просмотра любимого сериала в выходной день? Разве что тётя Наташа, соседка по лестничной площадке. Её большие карие грустные глаза смотрели на меня с надеждой и некоторым смущением.

Не знаю, почему я звал её «тётя», она была не на много старше меня, лет на десять, не больше.

-- Рома, вы мне не поможете? - её голос был тих и вкрадчив.

Такой поворот событий меня вряд ли мог обрадовать.

Я, старательно замаскировав недовольную мину, брякнул:

-- Без проблем, тётя Наташа. Что случилось?

-- Да вот, мне нужно картошки из погреба гаража достать, а я ногу как на грех подвернула вчера, боюсь, не смогу одна...

-- Конечно. Пойдёмте, - выдавил я, с досадой прикидывая в уме, сколько потеряю драгоценных минут сериала, - сейчас, только оденусь.

Я накинул куртку, обулся, и мы стали спускаться по лестнице, благо их гараж находился во дворе. Жалко мне стало эту женщину, наемни её муж-ветеринар угодил в больницу с переломом ног и челюсти, кто-то на него напал после работы, ограбил и изувечил. Навряд ли бывшие клиенты недовольные кастрацией котика, просто не повезло мужику. А полгода назад у них разбился в автокатастрофе сын двадцати пяти лет. Причём его могли спасти в больнице, если б не местный хирург Полтавский, который его, ещё живого, распотрошил на операционном столе ради донорских органов. Родители пытались провести собственное расследование, привлекли СМИ. До сих пор горе-хирург где-то скрывается от этой шумихи, полиция объявила в розыск. Громкое дело было, весь двор жужжал, как большой улей, обсасывая детали соседской истории. «Семёрку» после аварии признали не подлежащей восстановлению и их гараж пустует. Её муж внутри оборудовал какую-то мини-лабораторию, никого внутрь не пускает, даже жену, ключи при себе держит. Да, я был в курсе всех

сплетен. А так как он загремел в больницу, тётё Наташе приходится самой в погреб лезть за питательными клубнями.

Мы вышли из подъезда и доковыляли до ворот гаража. Соседка, вздыхая, достала ключ из кармашка халата и отперла замок. Дверь с железным скрипом отворилась. Пахнуло какой-то кислятиной, я аж кашлянул. Тётё Наташа шагнула в полумрак. Раздался щелчок тумблера и зажёгся свет.

Нашему взору предстали два грязных стола: один был пуст, а другой заставлен всяческими колбами и пробирками. Не иначе различных ползучих гадов оперировал или местных «Шариков» в свободное от работы время.

Тётё Наташа хранила молчание, а я подошёл к подвальной деревянной крышке и рывком поднял её. Запах из глубины был невыносимым, будто некий затейник нафаршировал труп бомжа тухлой рыбой. На лице женщины я прочёл искреннее замешательство и недоумение. Сжав в руке сумку, я спустился на несколько ступеней, стараясь дышать ртом и через раз. Что-то неладное у них происходит с картофелем. Погнил весь что ли, хотя он не должен так вонять!

Фу, мерзость какая! Только я хотел у тётё Наташи спросить, почему завёлся в подвале неприятный запах, как до моего слуха донёлся хрипловатый стон снизу. Свет в подвале был, мягко говоря, тусклым и сколько я не вглядывался с середины лестницы, не понял, откуда исходит звук.

-- Тётё Наташа, вы слышали?

-- Что там, Рома?

-- У вас в подвале кто-то... или что-то...

Я побоялся спускаться до конца, хрен его знает, что её муж сюда припёр из своей ветлечебницы! Вдруг гориллу какую-нибудь или крокодила! Я начну картофан набирать, а оно меня цапнет за ногу!

-- Тётё Наташ, а у вас фонарик есть?

-- Ой, сейчас посмотрю...

Пока она гремела полками, я поднялся малость отдышаться и прислушался к звукам из глубины. Не знаю даже с чем сравнить. Хрипы? Стон? Свист? Шипение? Скорее – всё вместе. К ним примешивался какой-то странный малоприятный звук: словно что-то влажное и липкое ритмично шмякает по кафелю.

-- Нашла, Рома. Держи!

-- А ваш муж не мог сюда какую-нибудь зверушку притащить?

-- Не знаю даже... он полгода как здесь себе домашнюю лабораторию соорудил, что-то для своей работы, мне ничего не рассказывает, не пускает, сам за картошкой лазит, да я особо и не спрашиваю. Даже когда в больницу угодил три дня назад, мне ключ не отдал. Хорошо, что у меня запасной есть, о котором он не догадывается.

Я снова спустился на несколько ступеней и осветил вниз.

-- У вас тут кто-то есть, это точно!

-- Рома, глянь хорошенько. А картошки нет?

Луч фонарика выхватил из полумрака кусок чего-то тёмно-бордового, вяло шевелящегося. Звук издавало явно оно. Существо находилось на куске мешковины или войлока. Я, пытаюсь произвести минимум шума, сполз почти до низа. Теперь ясно увидел, что существо больше напоминало гигантского слизня с человеческой головой без кожного покрова!

От неожиданности чуть не выронил фонарик из рук! Слизень пошевелился, и его глаза-свёрла уставились прямо на меня! Я не завопил от ужаса только потому, что крик застрял в горле морским ежом. Существо, издавая булькающе - хриплые звуки, попыталось двинуться в мою сторону, извиваясь, словно карликовый морж, но его что-то задержало. Этим предметом оказался ошейник, который я не заметил сразу. Слизень привязан, точно цепной пёс! О боже мой! Похоже, этот урод – никто иной, как ЧЕЛОВЕК, лишённый конечностей и кожи, сочащийся бордовой мерзко пахнущей слизью!

Я вылетел из подвала на улицу и согнулся пополам от сработанного рвотного рефлекса. Содрогаясь, попытался описать увиденное тётке Наташе - она, выйдя за мной, уже спешно закрывала дверь гаража и спокойно слушала.

Я был шокирован её способностью сохранять хладнокровие! В конце-то концов, в подвале не клубни томятся, а насильственно удерживается гражданин, превращённый в омерзительное создание, разве не ясно?!

Её слова прозвучали наигранно сухо, и я без труда уловил нотки гордости и удовлетворения в голосе:

-- Там может находиться лишь один заслуживающий это гадкий экземпляр – Полтавский

Черепочки

-- Катя? – удивился Макаров, в темноте наткнувшись на фигуру у своего подъезда. Он возвращался с продуктами из магазина, а у домофона дежурила его одноклассница, с которой он уже лет пять как не общался и даже не переписывался, ибо она не появлялась в социальных сетях.

-- Максим! – девушка была явно рада, она собиралась звонить по домофону, - а я хотела с тобой поговорить, да забыла номер твоей квартиры.

-- Какими судьбами? Как жизнь? – выпалил Максим подходя вплотную и мысленно благодаря Господа, что она не набрала верный номер. Жена у него крайне ревнивая и из ничего может с лёгкостью раздуть скандал космического масштаба. Задержись он подольше у колбасного прилавка, нынешний вечер мог превратиться в скрупулёзное выяснение того, кем он является Катерине Авдеевой, и одним битьём посуды дело вряд ли ограничилось бы.

-- Максим, я в беде, - застонала одноклассница, - у меня сейчас мало времени на объяснение ситуации, но мне угрожает смертельная опасность.

-- Что? Что случилось-то? – интересовался Максим, встревоженный таким заявлением, замечая, что по лицу девушки текут слёзы.

Она всхлипывала:

-- Мой муж хочет меня убить. Мне больше не к кому обратиться с просьбой... я ночью уезжаю к сестре в деревню...- казалось, она вот-вот разрыдается.

Макаров поставил пакет с продуктами на асфальт и обнял Катю, размышляя, не засечёт ли из окна его жена. Но нет, бетонный козырёк скрывает их. Да пусть попробует что-нибудь разглядеть в таком мраке. Целую неделю лампочку у подъезда заменить некому!

Сквозь слёзы Катерина продолжала дрожащим голосом:

-- Мой муж поклялся меня убить!

-- О, ты всё-таки вышла замуж. Мы не виделись целую вечность. Что произошло? Почему?

-- Я кое-что натворила, а он не из тех, кто прощает. Он работает на секретном объекте, и запрещал мне общаться с друзьями. Максим, только тебе я могу довериться. В этом городе у меня больше никого не осталось, папа умер год назад. Я поеду к сестре в деревню на неделю, надеюсь, этот урод Маслов не последует за мною.

-- Так в чём дело? Что случилось? Почему он желает разделаться с тобой?

-- Прошлой ночью он притащил домой коробок и спрятал его от меня в комнате. Он часто приходит поздно, но я всегда просыпаюсь. Я видела, как он проскользнул в зал и спрятал коробку там. Обычную коробку, как из-под

обуви. Потом лёг рядом. Мне стало жутко интересно, что он там скрыл. И, когда он захрапел, осторожно направилась в зал, взяла деревянный ящичек и на цыпочках пробралась на кухню, чтобы разглядеть находку. Внутри что-то было, какое-то живое существо, или существа. Я включила свет и раскрыла ящичек, - Катя содрогнулась всем телом и вцепилась в плечи Максима. Он погладил её по голове.

-- Что там было?

-- Там находились какие-то живые твари. Но, включив свет, я уничтожила их. Всех до единой. Они сгорели. Лишь остались маленькие скелетики!

-- Скелетики? – Макаров почувствовал себя санитаром или врачом в психиатрической клинике, выслушивающим жалобы местного психа.

-- Много скелетов. Маленьких, крохотных человеческих скелетов, - замогильным голосом произнесла Авдеева, перестав хныкать. – И их убила я, включив свет на кухне. Видимо, свет лампы был им категорически противопоказан.

-- Ну, с кем не бывает... ты же не знала, - успокаивал Максим, уже желая отделаться от сбрендившей одноклассницы, внезапно объявившейся с нелепым, фантастическим рассказом. Что же ей нужно от него?

-- Чем я могу помочь? – заставил себя выдать он, теряясь в догадках, чего же хочет его бывшая школьная любовь.

Она настойчиво взглянула ему в глаза:

-- Когда муж узнал, что я натворила, он пришёл в бешенство. Он сыпал проклятия и сказал, что мне не жить. Он собрал останки, а черепа положил в баночку. Что он собирался делать с ними, я не знаю, но мне удалось выкрасть баночку и сбежать. Этот предмет – гарантия того, что Маслов не прибьёт меня сразу, как отыщет. Ему придётся поторговаться со мной. Поэтому я хотела, чтобы ты подержал банку у себя с неделю, пока я буду у сестры. Там мы что-нибудь решим, и придумаем, как использовать этот козырь в переговорах. Ты не знаешь, какой Маслов страшный человек! За четыре года он избивал меня сотню раз из-за сущих пустяков. Но в момент, когда он произносил эти ужасные слова «теперь тебе не жить» я ничуть не сомневалась в его намерениях, и в этот же вечер сбежала с этой фигнёй.

Она достала из сумочки пятисотграммовую стеклянную тару, наполовину заполненную каким-то горохом. Приглядевшись, Максим обомлел: в банке находились миниатюрные человеческие черепа! Он с превеликим трудом удержал рвущееся с языка грязное слово, выражающее в его лексиконе высшую степень удивления.

-- Господи, где же он работает? Какие эксперименты он мог проводить?

-- Он никогда ничего не рассказывал о службе, а я боялась спрашивать. Да и вряд ли бы он ответил что-нибудь. Максим, я прошу тебя, возьми её на неделю. А я приеду с сестрой и заберу.

-- Хорошо, давай, - Макаров принял банку, с благоговейным любопытством разглядывая перекатывающиеся в ней охристые костяные головки с малюсенькими глазничками и челюстями.

-- Спасибо тебе. Если через неделю я не появлюсь, звони смело в полицию, значит, Маслов меня достал, и черепочки негодились. Не бойся, я ни за что тебя не выдам.

Она шмыгнула носом, шустро поцеловала озадаченного пособника в щёку и, отчаянно цокая каблучками, скрылась за домом.

Максим поднялся в квартиру, не представляя, как замаскировать склянку, прятал её в пакет так и сяк и, наконец, просто сунул в рукав олимпийки.

-- Почему так долго? – с подозрением спросила Ася, хмуря бровки.

-- Да так, знакомого встретил, разговорились...- хладнокровно отозвался Максим, разуваясь и протягивая пакет с продуктами.

Взяв пакет, жена прошлёпала на кухню и оттуда шипела, как можно тише, чтоб не разбудить уже уложенную в кровать дочку:

-- Макаров! Я за тобой слежу, ты у меня под прицелом! Упаси бог, если мне доложат, что ты к кому-то ходишь...

Он поплёлся переодеваться и, в тысячный раз выслушивая параноидальный бред жены, попутно поставил баночку в стенной шкаф, прямёхонько между тёщиными закрутками солёных огурцов и лечо.

Следующие два дня показались Максиму пыткой. Дело не в вечных подозрениях супруги, совершенно безосновательных. Утром в ушах стоял такой писк, словно сотни взбесившихся мышей пытались донести до него какую-то информацию. Звук был хаотичным, раздражающим, иногда протекающим с ритмическими изменениями параметров. Заткнув уши, Макаров с прискорбием отметил, что звук рождается внутри головы. Асе не стал об этом говорить, а принял решение на ближайших выходных податься к знакомому невропатологу, что он посоветует. Может, переутомился, или жена вконец допекла.

Через сутки сделалось хуже: пульсация усилилась, и из мышинной какофонии он исхитрился выловить некоторые человеческие слова: «Верни!», «Отдай!», «Это не твоё!». Максим перепугался. Уж не галлюцинации ли начали его

преследовать? Он тайком проверил банку с черепами, этот будоражащий воображение артефакт. Именно с его появлением здоровье Максима пошатнулось. Он лихорадочно анализировал недавние события; без конца нудящая жена, идиотичные соседи вряд ли могли настолько ухудшить самочувствие. Такому негативному воздействию его мозг и психика ранее не подвергались. Банка! Всё дело в ней! Его осенило! А вдруг с ним пытаются выйти на контакт и принудить его вернуть украденные головы, варварски отделённые от тела? Но кто пытается? Душонки сгоревших мальчиков с пальчиков?! Абсурд! Чушь несусветная! А куда их вернуть? Кому?

-- С тобой всё в порядке? – беспокоилась Ася.

-- Да, в полном, дорогая, - Максим решил не показывать виду и дожждаться Катю. А если её не будет, выбросить склянку в мусоропровод, и уже после отправиться к врачу, подлечить нервишки.

Спустя ещё день Макаров заметно изменился, вид у него был болезненный и измождённый: появились мешки под глазами, даже не мешки, а целые туристические рюкзаки, лицо посерело, осунулось. В мозгу то и дело требовательно звенел целый хор садистов. «Верни нам то, что тебе не принадлежит!».

-- Куда я вам их верну?! – восклицал мысленно Максим. – Куда идти? Скажите, вашу мать! На Кудыкину гору? Где этот ублюдочный Маслов живёт? В пень его и вас вместе взятых!

Но карликовые изуверы настаивали на своём, продолжая угрожающе повторять одну и ту же мантру: «Верни наше!».

-- Да пошли вы! – заорал Максим, испугавшись собственного звериного вопля.

-- Ты чего на работу не одеваешься?

-- Я взял отгул.

-- Что-то у тебя вид какой-то неважный. Сходи в поликлинику, что ли, - заботливо рекомендовала жена.

-- Завтра схожу.

На ночь супруга не пустила в кровать, пришлось тащиться в зал на старый продавленный диван под аккомпанемент гнусных визгливых речей в голове. По всей видимости, они возбуждённо ехидничали.

Макаров с трудом разлепил опухшие закисшие веки. Окна пронзил яркий, бьющий по глазам рассветный луч. Голова раскалывалась и гудела, будто всю ночь в темя долбил отбойным молотком адский гастарбайтер. Нечеловеческий писк в ушах вернул его в отвратительную действительность и ввергнул в пучину безысходности. Казалось, лилипутские голоски то и дело хихикая, горланили заупокойные песни. Макаров сел на диване, растирая пульсирующий череп, готовый взорваться и живописно забрызгать обои мозговым веществом. Физическое и моральное состояние никуда не годилось. Надо срочно идти в поликлинику. Он встал и, пошатываясь Колоссом на глиняных ногах, направился к шкафчику. Там лежали кое-какие лекарства, только горсть обезболивающих таблеток могла сейчас спасти положение. Поравнявшись с аквариумом, он увидел нечто такое, отчего ему сделалось значительно хуже, хотя, казалось бы, хуже некуда. Все до единой рыбки: и барбусы, и скалярии, и даже его любимый сомик плавали кверху пузом, безголовые и грустные.

-- Чёрт бы побрал!.. – выругался Максим в пустоту, ничего не соображая и присаживаясь на корточки, чтоб не шмякнуться на ковёр. Штормило чрезвычайно. Голоса заверещали ещё резче и противнее. Уродцы очевидно захлёбывались истерическим смехом. Он тяжело задышал и, преодолевая боль, раздирающую мозг, нырнул в аптечку.

-- Проклятие!.. - шипел он сквозь зубы, - где этот долбаный Нурофен?!

Препарата не было. Лекарственные средства от мигрени закончились в самый неподходящий и жестокий момент. Чувствуя каждый шаг, отдающийся в черепе болезненными вспышками, Максим поплыл к жене в спальню. Именно поплыл, стараясь производить как можно меньше движений, и как можно мягче ступать по холодному ламинату. У неё в тумбочке всегда лежали припрятанные таблетки, частенько её мучили то мигрени, то различные женские боли. Он легонько толкнул дверь и вошёл в тёмную спальню. Окна жена перед сном всегда зашторивала. Скорее всего, она ещё сладко спала, покоившись на боку и укрывшись с головой одеялом. Супруг небрежно запустил дрожащие руки внутрь тумбочки. Попадалось всё что угодно: ватные тампоны, бигуди, горы тюбиков с кремом загадочного предназначения, скрабы, маски, но не было ничего, хоть отдалённо напоминающего таблетку от головной боли.

-- Дьявольщина! – от досады застонал Максим. Злорадный писк в ушах набирал громкость, грозя травмировать барабанные перепонки.

-- Да заткнитесь вы! Ася! – взмолился он и с надеждою пополз к жене по заскрипевшей от его веса кровати, именно так морж двигается по тонкому льду. – Ася, нет ли у тебя обезболивающего? Я знаю, ты его где-то прячешь.

Он положил ладонь на торчащее из-под одеяла молочное колено и нетерпеливо похлопал по нему. Жена не реагировала.

-- Ася, - канючил Максим, чуть не плача. Страдания вдруг превратили его в ребёнка, капризного и надеющегося на маму.

Ася по-прежнему лежала бревном и даже не сопела.

-- Аська, что ль?! Твою мать! – он не выдержал и, как старослужащий с нерадивого салаги, сорвал одеяло с равнодушного к его мучениям тела.

Жуткая картина, представленная его вытаращенным глазам, выдавила из него последние остатки надежды и жизненных сил, которые ещё подпитывали его пошатнувшуюся психику. Не в состоянии ни закричать, ни двинуться от неопишемого испуга, Макаров, раззявив калошей рот, увидел свою супругу: её корпус, тонкую шею и... пустоту на подушке! Головы не было!!! Не было!!! Шея совершенно ровная, без кровавой бахромы, торчащих позвонков! Никаких следов насильственного отделения: отрубления, отрывания, откручивания, откусывания! Даже никаких следов крови! Боже мой! Голова будто бы и не выростала вовсе!!! Или выпала, как молочный зуб дочки! Дочка!!!

Он схватился за кольнувшее сердце и, кувыркнувшись с постели, рухнул на пол травмированным неповоротливым баулом. Победоносный визг чудовищных созданий в ушах норовил загнать в гроб или свести с ума что, в сущности, одно и то же.

-- Мила!

Максим, сжимая левую часть груди, на корточках полз к двери детской.

-- Доченька! – срываясь на хрип, он задел плечом столик в коридоре и завалился на бок, точно смертельно раненный кабан, тщетно хватая воздух ослабившимся ртом. Со столика скользнула банка, бог знает, откуда взявшаяся, и с грохотом разбилась об пол, разлетевшись на мириады осколков. Свет померк, и Макаров уже был не в состоянии обратить внимание на то, что вместе со стеклом довольными фасолинами раскатились желтоватые миниатюрные черепа, в безжалостном хохоте клацающие своими крошечными челюстями.

Брюнетка в фисташковом сарафане

Внимательно разглядывая своего нового коллегу, я протянул в приветствие руку:

-- Саша.

Полноватый мужчина лет пятидесяти с сединой в волосах, мясистым носом и флегматичным взглядом, молниеносно ответил на рукопожатие.

-- Боря.

Нам предстояло работать бок о бок на протяжении вахты и целый месяц прожить в одном вагончике. Иваныча, моего предыдущего напарника, со всеми почестями проводили на пенсию. За пять лет совместной деятельности я привык к нему и относился как к старшему товарищу, который всегда поможет советом, прикроет в случае чего, да и просто поддержит в трудную минуту.

Внутреннее убранство вагончиков было аскетично донельзя: две незатейливые кровати, два шкафчика, две топорных табуретки, столик и телевизор. Нашу комнатёнку отличало наличие на стене пожелтевшего плаката Анжелины Джоли в образе Лары Крофт, холодно взирающей на работаг. Мы сразу определились с выбором постелей, и, поглядывая на независимый грозный анфас актрисы вкупе с соблазнительным нарядом и двумя пистолетами, я распаковывал дорожную сумку.

Несмотря на то, что новоиспечённый напарник оказался человеком, мягко говоря, немногословным и косноязычным, от него веяло добродушием, а открытый загорелый лик располагал к доверию. Рабочий день мы в поте лица трудились на складе, а по вечерам смотрели телевизор, в основном новости, и играли в нарды. Как и я, Борис относился к алкоголю негативно, и посиделки «втихаря» с другими сотрудниками игнорировал, за что быстренько схлопотал от коллег прозвище «Язва».

За неделю я проникся к нему симпатией; он был опрятен, всегда вежлив, учтив и походил на спокойного интеллигента, хотя по виду и роду занятий не скажешь. Создавалось впечатление, будто основная его эмоциональная и мыслительная деятельность скрыта от посторонних глаз глубоко внутри; душевные беседы мы не вели, анекдоты и байки друг другу не травили. Сухое обоюдное уважительное отношение, это, бесспорно, то, что устраивало нас обоих.

Шли дни серой чередой, как строй унылых клонов, нуждающихся в неотложной помощи стилиста, и я с опаской ожидал приближения третьей и четвёртой недели. Именно в этот период я всегда начинал страдать от нехватки женской теплоты и ласки. Мысли о молодой, ненасытной в любви жене, оставшейся на целый месяц в одиночестве, ежеминутно насиловали мой мозг. Даже в очертаниях некоторых предметов и строительных

материалов пылкое воображение непостижимым образом угадывало женские пропорции. Из дам в смене было две поварихи средних лет, но совесть не позволяла пойти на супружескую измену, а от мысли о рукоблудии становилось ещё паршивее.

По всей видимости, Борис так не мучился, по крайней мере, во взгляде томление не читалось. Однако я заметил, что в один из вечеров во время партии в нарды перед сном, он вместо привычной для себя сигареты, принялся чадить трубкой, как заправский боцман. Я ничего не имел против табакокурения и позволял ему дымить внутри помещения. Он сосредоточенно и глубоко втягивал голубоватый дым, словно это как-то помогало в игре, хрипло комментируя выпадающие дубли на костях: «ду шеш!» или «ду беш!». В тот вечер игра у него ладилась, и он обыграл меня вчистую по партиям 10:4. После чего, кратко обменявшись впечатлениями о прожитом дне, легли в кровати. Засыпая, я чувствовал в носоглотке навязчивый запах табака, и не знал, как от него избавиться. Похоже, коллега набил трубку курительной смесью на редкость отвратительного качества. В ту ночь меня посетило странное видение, будто бы ко мне явилась стройная молодая женщина с кучерявыми смоляными волосами, чёрными и влажными глазами, точно маслины из банки, и миловидным пухлым личиком. Она была в фисташковом полупрозрачном лёгком сарафане поверх обнажённого тела, подчёркивающим все достоинства её привлекательной фигуры, и игриво поглядывала на меня. Я протягивал загребущие руки в надежде схватить красавицу, но руки проскальзывали сквозь её корпус, как сквозь туманную завесу. Она залиvisto смеялась, тряся аппетитной грудью с выпуклыми горошинами сосков, и казалось, искренне сочувствовала мне, пленнику подобной оказии. На следующий день под впечатлением от невероятно правдоподобного сна, я задумчиво бродил по складу, увязая с каждым часом всё основательнее в болотной жиже из воспоминаний и вопросов. Кто такая? Где я мог её видеть? Зачем она приснилась, если можно без напряжения выудить из памяти образ любимой супруги? И вообще, не привидение ли ко мне наведалось?

Вечером всё повторилось: нарды, трубка, неприятное послевкусие от смеси, реалистичный сон с кудрявой обольстительной девушкой, которую я знать не знаю, и снова я не был способен даже заключить её в жаркие объятия, не говоря уже о поцелуях и ласках. Это походило на средневековую пытку. Я вставал на работу озлобленный и не выспавшийся, с фиолетовыми кругами под глазами, со стойким желанием воткнуть в девичью податливую плоть хоть что-нибудь. Плакат с Ларой Крофт раздражал неприкрытым эротизмом и неспособностью дать нечто больше, чем просто возможность созерцать бездушную бесполезную картинку фетиш-героини. Поварихи в обед виделись ходячими провокаторами насилия, и глазели на меня с вызовом и ожиданием активных действий. Будто специально делали вырез на груди поглубже, улыбку пообаятельнее, позу - легкодоступнее. Я становился уязвимым и слабым, позволяя себе поддаваться напору похоти, даже по телевизору

новости про убийства и катастрофы не отгоняли сладострастных фантазий. К тому же у них там, на телевидении, с маниакальным упорством набирают в ведущих дьявольски симпатичных девушек с чувственными губками и подвижным язычком.

Явление брюнетки, доводящее до умопомрачения томительной жаждой соития, случилось ещё раз через две ночи, после этого я решил потолковать с напарником. Во время рабочего дня нам не удалось пересечься без посторонних глаз, поэтому я заговорил с ним на уже вошедшей в привычку игре в нарды. Опять он раскурил трубку и, окутавшись удушливым облаком дыма, шаманом поглядывал из него, хитро щурясь. Бросив «зары» и двигая шашки под его неусыпным взором, я неторопливо поведал ему о своих снах и о таинственной незнакомке. Борис, поглощённый партией, слушал с предельной серьёзностью. Я даже немного насторожился, не посчитает ли он меня психологически неустойчивой личностью, и уже хотел было мысленно отругать себя за опрометчивость, но коллега, вынув трубку из угла рта, встревожено осведомился:

-- Красивая брюнетка в сарафане?

-- Именно, - с неохотой и подавленным энтузиазмом подтвердил я, затаив с броском костей, нервно тряся их в кулаке на протяжении доброй полуминуты.

Боря насупился, что-то буркнул, встал и полез в свой шкафчик. Роясь в собственных вещах, он что-то ворчал под нос, напоминая озадаченного гигантского крота с трубкой в зубах; а я с недоумением следил за его копошением. Затем он достал портмоне и извлёк оттуда квадратный кусочек бумаги.

-- Она? – спросил он, бережно протягивая фотографию, словно золотой слиток.

Я уткнулся в снимок. Мать честная! На фотографии была запечатлена улыбающаяся женщина, являвшаяся мне во снах уже трижды на неделе! Я судорожно сглотнул.

-- Да, это она.

-- Тогда всё понятно, Саша. – Борис, вернувшись на своё место за игровой доской напротив меня, продолжил, понизив голос:

-- Это моя вторая жена Лариса. Мы с ней вместе около года. А приходила она не к тебе, а ко мне.

Тут он вздохнул и поморщился, а его выражение лица сделалось как у набедокурившего подростка. Абсолютно очевидно, он не горел желанием делиться семейными тайнами, но мой озабоченный и болезненный вид не оставляли ему выбора. Я развесил уши, непонимающе хлопая глазами, точь-в-точь бешеный семафор.

-- Видишь ли, я забиваю трубку перед сном неспроста; Лариса вручила мне заговорённую смесь из табака и... ещё кое-чего. Она у меня целительница и ведунья. После курения я могу с ней общаться во сне, как с живой. Сам понимаешь, без женщины тяжело вато целый месяц прожить. А так как ты оказался пассивным курильщиком, её частичный образ мог затронуть и твоё воображение. Лариса о подобном побочном эффекте не предупреждала.

-- Что же там ещё, кроме табака? – вырвалось у меня неожиданно громко и требовательно. Я испугался за своё здоровье, вдруг Борис одурманивает меня каким-нибудь наркотиком.

Он замялся, с силой затаился, будто бы от этого зависела его дальнейшая судьба, и, еле-заметно подавшись ко мне, прошептал:

-- Ничего такого... всего лишь её волосы. Лобковые волосы.

Инсталляция «Первенец»

Уставший Силинов с огромными пакетами, громко дыша, вполз к себе в квартиру. Он вернулся с близлежащего рынка, где только что закупил продуктов на сумму, превышающую его квартальный заработок. Продавцы были немало удивлены сухощавому высокому и сутулому мужчине, походившему на фонарный столб, и удивлены не его антропометрическими данными, с которыми он мог бы с лёгкостью играть в любой баскетбольной команде на позиции центрового, а его покупке. Точнее, количеству. Силинов приобрёл целую гору свежайшей свинины и говядины, и только филе. Работникам за прилавком оставалось лишь гадать, для чего этот гигант затарился скоропортящимся продуктом в таких количествах. Не иначе баскетбольная команда в полном составе выезжает на шашлыки.

Силинову было всё равно, о чём думают разглядывающие его люди. И не потому что он привык на протяжении недолгой жизни к пристальному вниманию к собственной долговязой персоне. Нет. В его голове юлой крутились мысли, наподобие блохастых шариков, надеющихся догнать хитро ускользающий хвост. И эта мысленная круговерть не позволяла ему направить внимание за пределы внутренних переживаний. У молодого мужчины сложилась печальная ситуация: он разругался со своей гражданской женой, с которой прожил почти десять лет. Разругался основательно, по своей глупости, чего он и сам от себя не ожидал. Ольга его не простила и уехала к маме в другой город. А всё из-за того, что они хотели завести ребёнка, но у Ольги не получалось забеременеть. Врачи назначили курс лечения, препараты, гормоны и прочее, но помогло не существенно. В один из вечеров он имел неосторожность напомнить жене о её недостатке. Конечно, не на трезвую голову напомнить, но сделано это было неуважительно и не по-спортивно. Ольга не из тех, кто забывает обиды, да ещё причинённые одним из самых близких людей. О, Юра молил о прощении всё время, пока она паковала свои вещи, пока ехала в такси, пока садилась в поезд. Звонил ей, её маме. Тщетно. Сосредоточившись на самоедстве и посыпании головы пеплом, он и сам не заметил, как очутился на грани помешательства. Самоубийство для него было слишком трусливым и предательским поступком, более предательским, чем он совершил по отношению к Ольге. Повторного предательства не случится никогда. Если бы незадачливые продавцы заглянули в его череп, как в экран телевизора, намереваясь насладиться его красочными мысленными пейзажами, их постигло бы жесточайшее разочарование, ибо вместо мультипликационных образов их разум атаковал бы набор чёрных и липких, словно гудрон, мыслеформ от которых жить им разонравилось бы в ту же минуту.

Юрий очень хотел детей, но больше этого он хотел, чтобы Ольга, его любовь ещё со школьной скамьи, простила его. Накануне он в который раз

покрывали неэстетичные куски тёмно-бордового цвета, источая малоприятный запах. Можно представить, какое-то время назад комнатка жила своей жизнью: дышала, вздрагивала от прикосновения к нежной поверхности, издавала специфические звуки и, не исключено, переваривала зазевавшихся посетителей. Но это было не самым волнующим: на унитазе, напоминающем неказистый трон бурого цвета, в неловкой позе восседал скончавшийся несколько суток назад крупный обнажённый мужчина с длинными тонкими ногами-шлагбаумами. Бледно-синие широко расставленные нижние конечности упирались в некогда податливые, а сейчас высохшие волокнистые косяки туалета. Голова трупа, залитого бурочёрными потёками, грустно лежала на впалой груди, руки свисали колбасными палками, касаясь неаппетитного, протухающего с каждым часом всё больше, пола. Носатый раскрыл рот от столь внезапного нехудожественного зрелища.

-- Суицид, скорее всего... но странный,- прокомментировал краснощёкий со стула, - вскрыл себе ярёмную вену. Умер быстро, за пару минут. Вон, сколько кровяки на полу. А на стенах вообще обои из плоти, образцы сейчас возьмут.

Капитан присвистнул:

-- А это что такое?

-- Где?

-- Да вот, как будто сосиска какая-то тянется от его пупка к бугристому потолку.

-- А чёрт его знает... на багровый канатик похоже, если честно. Только для чего это всё он проделал, вот вопрос. Обложил туалет мясом, совершил самоубийство...Лёнь, да мало ли психов в наши дни?

-- Может, он что-то этим хотел сказать? – не унимался носатый, - записки нет предсмертной?

-- Нет, не нашли ничего ещё.

-- А может, убийство, всё-таки?

-- Ни следов взлома, кроме наших, ни следов борьбы. Сейчас отпечатки снимают в комнатах. Сосед вызвал, Николаич с ним беседует в зале. Гражданин Силинов Юрий Васильевич, 1981 года рождения жил один, со слов соседа, поссорился с сожительницей недавно и на почве глубоких эмоциональных переживаний вполне мог совершить сие безобразие. Версия правдоподобная, но чертовски необычно это всё...

Капитан наклонил голову и принялся поглаживать подбородок, будто рассматривал не ужасное кровавое месиво, а некое творение мировой живописи:

-- Ты знаешь, напоминает плод.

-- Что напоминает? – не понял краснощёкий.

Кровавый Купидон

-- О, настоящей любви не существует. Возможно, когда-то она и была в давние времена, но в современном обществе, где культивируются собственнические чувства, она трансформировалась в нечто иное, в суррогат, в жалкое подобие. Я не желаю быть частью такого общества. - Крохин так и сочился желчью из-под маски глубоко разочарованного в жизни человека. Жабий рот искривился, уголки губ опустились ниже некуда, неподвижные, навывкате, глаза походили на пару безжизненных липких зефирин, или, скорее, на два сырных ошмётка с голубой плесенью. Он разлеплял губы неохотно и с натугой выдавливал слова. Капитан Сомов даже представил, будто слова – это куриные тягучие желтки, и обвиняемый Крохин продавливает эту слизь через кусок марли. Капитан с нескрываемой победоносной миной потёр свой капризно зудящий нос, напоминающий упругий баклажан средних размеров. Некоторое время назад они с коллегами и мечтать не могли, что к ним явится с повинной «Кровавый Купидон» собственной персоной, зверь, совершивший как минимум четырнадцать убийств обычным кухонным ножом. Сценарий всегда был один и тот же: в поздний час в черте Игнатьевского или Чеховского Парка изувер нападал на влюблённую парочку, скрывающуюся подальше в зарослях от возможных редких прохожих. Жертве перерезалось горло, а затем бесцеремонно вскрывался живот с извлечением внутренностей наружу, словно преступник, одержимый некоей идеей, изучал человеческое тело изнутри, или практиковал антропомантию. Производилось это неумело, небрежно, из чего следствие сделало вывод, что человек, совершающий данные немислимо ужасные преступления никак не связан с хирургией и определённо имеет психическое расстройство, вкуче с недюжинной физической силой, а это, хоть и не на много, но сужало круг поиска.. Объектом агрессии становились исключительно влюблённые пары, и в следственной группе маньяка прозвали «Кровавым Купидоном». Четырнадцать убийств за три с половиной месяца. Зацепок – кот наплакал, несмотря на неумелость в обращении с холодным оружием, преступник работал крайне осторожно, и оставленных им следов хватило лишь на то, чтобы установить количество убийц (т.е. один убийца) и разглядеть его индивидуальный почерк в каждом отдельном эпизоде. Сотрудники прошерстили всех стоящих на учёте в псих.диспансере, недавно освободившихся из мест лишения свободы, искали и среди лиц, приехавших на заработки из бывших союзных республик, но тщетно.

И кем в итоге оказался монстр? Интеллигентным и немногословным энтомологом с богатырским телосложением, забившим свою халупу огромной коллекцией бабочек.

Капитан поморщился, вспоминая распотрошенных жертв этого ублюдка, сидящего напротив и строящего из себя непонятого гения. Четырнадцать отнятых молодых жизней, толпы обезумевших от горя родственников, семь не

созданных семей, потенциальных ячеек общества. А этот самодовольный тип пытается говорить о любви! Сомов героическим усилием воли подавил желание вцепиться маньяку в открытую манящую носорожьей шеею. Такую он вряд ли обхватил бы, но попытаться стоило. Но что это даст? Он живо представил заголовки завтрашних газет: «Сотрудник следственного отдела восстановил справедливость, прикончив серийного убийцу в следственном изоляторе». Нет. Пусть эта скотина гниёт до конца своих дней в одиночной вонючей камере, не видя солнечного света, улыбающихся лиц и не слыша доброго слова.

Крохин вышел из состояния угрюмой задумчивости и заплямкал отвратительными слюнявыми губами:

-- Любви не существует... мне жаль их.

-- Да что вы говорите? – поднял бровь капитан. – Жаль?

-- Да, я сожалею, что всё так вышло.

-- Но на вашем постном лице я не вижу и тени раскаяния. Просто вам сейчас тяжело от мысли, что остаток своей никчёмной жизни вы проведёте в тюрьме или, если повезёт, в психиатрическом стационаре.

-- Я сожалею, - снова выдавил Крохин, опустив глаза, – Можете обвинять меня во всех вселенских катаклизмах, но это не приблизит вас ни на йоту к истинной добродетели. Общество достигло низшей степени своей деградации, как я и предполагал. О, насекомые разительно отличаются от людей; насекомые не способны лгать, не способны вуалировать свои истинные помыслы.

Сомов, представив Крохина в виде гигантского тошнотворного насекомого с гипертрофированными лапами-клешнями, нетерпеливо заёрзал на стуле. Сегодня энтомолог на редкость разговорчив. Желая поскорее закончить беседу с одиозной личностью, он попытался вытянуть информацию, ради которой пришёл:

-- Для чего это всё? Четырнадцать смертей. Молодые люди, ещё как следует не познавшие жизнь. Вы так и не ответили нам на этот простой вопрос за время следствия. Скажите хотя бы мне, пока есть такая возможность. Для чего?

Выражение лица маньяка не изменилось, и ни единый мускул не дрогнул:

-- Я ошибался. Я думал, у молодёжи самые искренние чувства, оказалось, я зря искал то, чего уже нет, и никогда не будет. Всё без толку. Моя мечта детства обращена в прах. – Несмотря на то, что капитан едва не запрыгал на стуле от раздражения, будто тестируя предмет мебели на прочность, обвиняемый, издевательски растягивая слова, вещал далее:

-- Меня воспитывала бабушка-англичанка, благодаря ей, я владею английским языком и латынью в совершенстве. Бабушке нравилось читать

259200

Из окон загородного деревянного домика открывался замечательный вид на озерцо с безмятежно плавающими лебедями. Зелень прибрежной травы превосходно сочеталась с голубой поверхностью водоёма, отражающей бездонное чистое небо. На берегу деловито покрякивали мамы-утки в окружении своих колобков-утят. Рыжеволосый, безухий мужчина с красными от напряжения глазами, кинув на всё это великолепиие задумчивый взгляд, энергично вернулся к мольберту с незавершённой картиной. Держа трёхпалой рукой кисточку, он застыл в нерешительности, покусывая тонкие окровавленные губы. На широком, пористом, словно губка, лице читалась крайняя степень отсутствия вдохновения. Большое электронное табло на стене просторной комнаты отсчитывало секунды. Из угла послышался человеческий стон, с каким люди приходят в себя после мучительных травм, повлекших за собой отключение сознания. Художник переключил внимание с мольберта на скрюченное обнажённое фиолетово-розовое тело, пристёгнутое наручниками к трубе отопления. Один глаз художника смотрел сострадательно и в то же время жёстко и неумолимо, а другой – не выражал ничего, кроме безразличия.

-- Мэтр... - всхлипнуло истерзанное создание мужского пола, корпус которого был исполосован поверх обширных гематом свежими следами от плётки.

Безухий мэтр, нервно поглядывая на беспристрастное табло, на секунду показавшее «31314», подошёл к страдальцу и звонко шлёпнул его ладонью по внутренней части бедра. Мужчина вскрикнул и плотнее свернулся криветкой, с ужасом и дрожью предвидя новые порции издевательств, кои не заставили себя долго ждать. Со звериным рыком повелитель кисти и красок набросился на жертву, как отец-садист на сына-двоечника. Какое-то время раздавались глухие удары и шлепки, разбавленные пронзительными воплями терроризируемого пленника, затем на его лысую голову бесцеремонным образом оделся пакет с жирной надписью: «Сдохни, неудачник!» и с другой стороны, не менее заметной: «Живи, борец!».

Борец сопротивлялся: извивался, брыкался, хрипел, но был не в силах сбросить с себя обезумевшего душителя. Через мгновения, за секунду до спасительного погружения в Ничто, хватка на горле великодушно ослабла и в лёгкие пленника с шумом ворвался воздух.

Оставив корчащуюся и отплёвывающуюся жертву, художник вихрем подлетел к мольберту и, ловко уцепив кисть, принялся зачерпывать и накладывать на холст шмапки краски с невероятным воодушевлением и остервенением, которому позавидовал бы сам Ван Гог.

Мэтр, потев и манипулируя кистью наподобие экспрессивного дирижёра в кульминационный момент концерта, посматривал то на табло, то на скулящего мученика, напрочь позабыв о лебедях за окном. Куда

увлекательнее изображать на полотне корчи несчастного во всей красе! Больше красного! Багрового! Алого! Пурпурного и фиолетового! Чёрного и негативного! Гуще и ярче! Вот так! Шмяк! Шмяк! Холст шипел и сотрясался под рукой гения, одержимого некоей всепоглощающей идеей. Казалось, не выплесни он на бедный кусок ткани свою мысль, схваченное сиюминутное переживание, то случится нечто катастрофическое! Либо планета лопнет точно мыльный пузырь, либо гений взорвётся, гениально забрызгав стены собственной мастерской дымящимся багрянцем.

Очередная доза боли последовала как по расписанию и уже в следующую минуту со словами: «А теперь пора ставить метку» над страдальцем навис inferнальный живописец с блестящим ножиком, до того острым, что даже сам изувер опасно держал его в дефектной руке.

До уток, лебедей и прочей живности, наделённой слухом, донёсся душераздирающий рёв то ли человека, то ли котлеты.

-----За несколько дней до этого-----

-- Я решил, мэтр Лукас. Это моё волеизъявление. Я не вижу иного пути. Не вижу смысла жить. Всё, что со мной происходило - лишь череда неприятных, болезненных и жалких событий. Я готов переродиться. Мне нечего терять. Иного способа я просто не наблюдаю.

Рыжеволосый мужчина с иезуитским ртом и ноздреватым красным лицом внимательно слушал, подперев подбородок изуродованной рукой. Один его глаз смотрел сочувственно, а в другом гнездилась пустота, от лицемерия которой по спине бежал холодок. Отсутствие ушей не добавляло обаяния его и без того не очаровательной внешности.

-- Ну что ж, - выдохнул он, - приезжайте завтра в это же время. Мы отправимся в мою загородную мастерскую. Ничего не берите с собой. Тело – единственное, что вам понадобится.

----- 2 года спустя. Середина 1990-ых-----

-- Извините, Владислав, заставил себя ждать. Обычно я пунктуален до педантичности. Спасибо, что пришли.

-- Не благодарите. Мне самому интересно с вами поговорить на эту тему. Присаживайтесь.

-- Надеюсь, прослушки не будет?

-- Что вы, Роман. Моя охрана уже всё проверила. Да и в этой забегаловке люди нашего с вами статуса впервые. К тому же, инкогнито. Вот, пиво заказал с сухариками. Будете?

-- Нет, спасибо.

-- И правильно. Я тоже не буду. Пусть стоит.

-- Скажите, Влад, давно вы... пользовались услугами мэтра Лукаса? Я сразу понял по характерной метке - шраму по всей длине позвоночника. У меня такой же, сами видели вчера в сауне, все побои чудесным образом сошли за пару дней, а этот рубец - единственное напоминание о специальном «сеансе».

-- Пять лет, шесть месяцев и четырнадцать дней. А вы? Давай уже на «ты»? Всё-таки как-никак будущие компаньоны.

-- Добро, Влад. А я поменьше – два года. И мне интересно пообщаться с человеком, опережающим меня в своих успехах на несколько лет.

-- Давай начистоту, Ром. Ты думаешь, что методика психотерапевтического тренинга, пусть и беспощадная, сделала своё дело? Или ты уверен, что магическое изображение твоего трёхсуточного мучения – своего рода совокупность всех возможных «чёрных полос» будущей жизни, и последующее сжигание картины, превратило тебя в того, кем ты сейчас являешься – в успешного, удачливого бизнесмена, акционера?

-- Не могу сказать с уверенностью, что повлияло на меня больше – магия ритуала, или «шоковая терапия» мэтра Лукаса, но ведь это сработало! Я помню каждый его удар! Каждое его движение, слово! Помню каждую грёбаную невыносимую секунду, коих за трое суток было 259200! Я помню каждую! А ты разве стал забывать?

-- До сих пор снится. И будет сниться до конца жизни. Кстати, Рома, что ты знаешь о самом мэтре?

-- Он постоянно в разъездах... Я же с ним после терапии не общался. Вручил мне мой «портрет», рассказал, когда и как сжечь и отвёз меня в больницу. Больше я его не видел, а на звонки по своему номеру 25-92-00 он перестал отвечать. Хотелось его поблагодарить.

-- Нет, я о его прошлом. Странно, не правда ли, человек с художественным образованием занимается психотренингами, а кто очень попросит – «портретной терапией», отчего так?

-- О его прошлом я ничего не знаю.

-- Он служил в Афгане. Однажды их взвод попал в плен к талибам. Талибы естественно запросили выкуп, и пока наши генералы репу чесали, численность взвода за трое суток сократилась до одного человека. Фаланга за фалангой ему отстрелили часть пальцев, выбили глаз, отрезали уши, изрезали тело, в общем, за трое суток он испытал на себе все немыслимые

мучения и издевательства, какие только можно вообразить. И выжил. И помогал выжить другим, отчаявшимся, потерявшим цель в жизни. Радикальным способом, но помогал. Знаешь, сколько человек за десяток лет по доброй воле прошли через его терапию? Никто не знает, но я уверен, предостаточно! И все они в высших эшелонах власти, в крупном международном бизнесе.

-- Помогал, а сейчас не помогает?

-- Я слышал, год назад Мэтра кто-то «отблагодарил». Нашёл в Латинской Америке и «отблагодарил». Как говорят, у каждого врача – своё кладбище. То же самое можно сказать и о психотерапевтах. Только у них не кладбище, а психбольница.

-- Кто убил?

-- Поначалу думали - один из завистников-коллег, хотя о чём тут говорить, у него не было и не могло быть коллег и конкурентов. Он – штучный эксперт, мастер, мэтр. Затем вычислили: заказчиком являлся один из родственников клиента, который после его «сеанса» обратился в иную религию, в Христианство. Мусульмане отомстили. А им в свою очередь - Наши. Толку-то, Лукаса не вернёшь. Так что, Рома, мы с тобой, да ещё пара человек, мной знакомых, и неизвестное количество незнакомцев, с которыми мы пока не решали вопросы бизнеса в саунах, вымирающий вид.

Никогда не забуду последние слова мэтра. Тогда он передал «моё изображение», воплощающее всё плохое и болезненное, которое уже не случится, не встретится на жизненном пути, и мне, лежащему на больничной койке, прошептал, обжигая ухо горячим дыханием: «Бессмертие даруется только рабу. Радуйся, что ты смертен и живи с удовольствием каждую секунду своей жизни, а она будет удовольствием. Теперь. После того, что ты испытал».

Официант, водки! Помянем Лукаса.

Печенье с кактусом

-- А что, Карин, может, ко мне? – пригубив бокал вина, щурясь, спросил коротко стриженный смуглолицый мужчина с маленькими оттопыренными розовыми ушками, как у летучей мыши. Карина была девушкой яркой, общительной и, судя по откровенному чрезвычайно декольтированному лиловому платью, готовой к любовным авантюрам. Когда Павел пригласил её в ресторан на второе свидание, она для себя решила, что предпримет всё возможное, лишь бы ускорить процесс знакомства с этим импозантным, небедным и перспективным молодым человеком. Со слов подружек, он имел кое-какие связи в шоу-бизнесе, а это как нельзя кстати для Карины, знойной голубоглазой брюнетки со спортивной фигурой, увлекающейся музыкой и обуреваемой мечтой найти спонсора для продвижения своего таланта, в частности – вокального. Работать за три копейки в государственном учреждении делопроизводителем ей порядком надоело. Кроме того, подружки советовали остерегаться, так как он с одержимостью меняет спутниц, но Карина была не прочь рискнуть, в том числе гордостью. Вдруг она та единственная, ради которой бросают старые привычки.

-- Поехали, я тебе покажу свою коллекцию кактусов, - мурлыкал Павел, не отводя масляных глаз от красавицы, - я уверен, тебе придутся по вкусу печенье, которые лично вчера испёк. Печенье с кактусом.

-- С кактусом? – по-детски наивно удивилась прелестница и чуть приоткрыла рот.

-- Конечно! С кактусом, - мужчина с еле-заметной улыбкой продолжил игриво поглядывать, - без колючек естественно. Бывают с кокосом, а это – с кактусом. Очень вкусные, очень аппетитные, не калорийные. Тебе понравятся. Тем более, я приготовил их специально к нашему сегодняшнему вечеру.

--Даже так? – хихикнула Карина и отпила красного вина, стараясь слишком бурно не радоваться, иначе Павел заметит, что она только и ждёт, как бы напроситься в гости. Но внутри бушевал шквал переполняющих её чувств. Конечно, она немножко поизображает из себя недотрогу, но только немножко, совсем капельку. – Ну, поехали. Должна же я продегустировать твой кулинарный шедевр.

Двадцать минут езды, и «Порше» с двумя воркующими людьми подлетел к трёхэтажному коттеджу с мощным кирпичным забором. На фоне летнего звёздного неба дом высился тёмной мрачноватой глыбой, словно вылезшим из-под земли гигантским шампиньоном. Бережно заводя даму внутрь, Павел рассказывал об истории строительства особняка, о том, каких высокопоставленных чинов ему посчастливилось принимать в гостях по долгу службы, и не только. О своей работе он говорил охотно на протяжении целых двух свиданий и порядком надоел Карине своей болтовнёй. Ей не терпелось

улучить момент и расспросить его о связях с продюсерами и, несомненно, продемонстрировать ему свои недюжинные вокальные способности.

Пока они поднимались на второй этаж в просторную богато обставленную гостиную, хозяин успел поведать о своём недельном отпуске на Бали в обществе кое-каких депутатов. На столике перед дорогим кожаным диваном уже стояли бокалы, ведёрко с бутылкой холодного шампанского и тарелочка с выпечкой, очевидно, те самые печенья. Красотка грациозно приземлилась на диван, картинно закинув ногу на ногу, и с добродушной физиономией терпеливо слушала занудное лопотание ухажёра, который уверенными движениями уже открывал бутылку. Хлопок вылетевшей пробки слегка взбудрил начавшую было зевать Карину, она даже невольно пискнула, а Павел с плотоядной миной разливал шампанское по бокалам.

-- К шампанскому возьми печенье, - он протянул ей полный бокал и тарелочку, - оно самое, разрекламированное, из собственной коллекции кактусов. Я тебе их покажу попозже, у меня для них целая комната выделена.

Гостья приняла и то, и другое, заинтересованно разглядывая кулинарное чудо. Уж с чем-чем, а с кактусом печенья ей не доводилось пробовать.

-- За тебя, Карин! – Павел смотрел на неё глазами, сочащимися распутством. Она поняла это и смущённо улыбаясь, чокнулась с ним. Затем они синхронно отпили по глотку и девушка, откусив половинку рыхлого десерта, принялась жевать, стараясь сделать это предельно эротично. Но с учётом того, что накануне дантист ей поставил пломбу, процесс пережёвывания захватил не всю полость рта, и со стороны могло показаться, что в выпечке действительно какие-то колючки, и дегустатор опасается работать челюстями.

-- Ну, как? – сияя, поинтересовался Павел, ощупывая взглядом чаровницу, как новенький блестящий спорткар во время тест-драйва.

-- Вкусно.

.....
.....

Карина очнулась от грубого прикосновения к лицу. Она не могла вспомнить, как она потеряла сознание, и что этому предшествовало. Её глаза были распахнуты, но она ничего не видела вокруг - клубился мрак, словно искусственный туман, выпускаемый на съёмочную площадку. Она не была связана, но чувствовала невыразимую слабость, и голова, наполненная до отказа свинцом, будто бы принадлежала не ей, а незримому кукловоду под потолком. Волны, нет, ЦУНАМИ страсти внезапно захлестнули всё её существо, и она лихорадочно затрепетала, переживая необъяснимое

состояние, до селе ей не знакомое; хотелось гомерически хохотать и плакать одновременно. Адским пламенем горели некоторые участки тела, в частности: вся промежность, живот, грудь и рот, точно в неё, как в утку, влили inferнально-острый соус. За жжением последовало дикое желание секса, такое неистовое и звериное, что разум был не во власти контролировать действия. На сцену, беснуясь и куражась, высыпали природные инстинкты, задвинув самоанализ в жалкую затхлую гримёрную кабинку. Девушка обнаружила себя обнажённой, полулежащей на чём-то мягком, скорее всего, она размещалась на кровати, а под её спиной находилась подушка. Зрение по-прежнему не баловало наличием красочных объектов. Разыгравшаяся безудержная похоть сделалась невыносимой, и Карина возжадала при помощи пальцев заняться самоудовлетворением со скоростью страдающего Паркинсоном пианиста. Между ног оказалось восхитительно влажно и в тишине пальцы с громогласным чавканьем вязли в пылающей щелке. Этого ей показалось мало, тело требовало абсолютной заполненности влагалища, и, осознав, что руками она себе в данной ситуации не поможет, в отчаянии заскулила. Вдруг, напротив её личика нарисовался буквально из ничего, материализовался из тьмы, крупный, как тепличный огурец-переросток, игольчатый ядовито-зелёный кактус. Он покачивался угрожающей пикой из стороны в сторону в каких-нибудь двадцати сантиметрах от её носа. Мучаясь сладостно-болезненными спазмами низа живота, она хищно и крепко схватила цветок, словно половой член. Моментально в ладонь впились сотни игл, руку пронзила боль, но какая-то странная. Эпицентр находился в ладони, однако волна оттуда прошла через всё тело, сотрясаемое сладострастием. Возникло ощущение, что боль и наслаждение сложились в один общий пазл, пазл маячившего на горизонте сексуального удовлетворения. Карина, чувствуя, что сходит с ума, притянула фаллическое растение к себе и проглотила его на максимально возможную глубину, безжалостно повреждая губы, язык, дёсны и всю ротовую полость. Кровь побежала в горло, и она рефлекторно несколько раз глотнула, чтобы не захлебнуться. Произведя длительную серию возвратно-поступательных движений, сопровождающихся фейерверком болезненно-сладостных переживаний, Карина извлекла изо рта окровавленный кактус с повисшими на его колючках лоскутками мяса. Не теряя ни секунды, она переместила растение вниз и, громко вскрикнув, рывком вогнала его в давно заждавшееся кипящее лоно, до бахромы раздирая нежнейшую плоть. Первые фрикции дались с трудом, но через миг поршень заходил гораздо легче, скользя по кожаным ошмёткам слизистой поверхности, заполнившим всю вагину. Впечатления были настолько яркими, а чувства настолько острыми и противоестественными, что у Карины явственно запульсировало в черепе; мозг вот-вот готов был взорваться ядерной боеголовкой. Продолжая судорожные движения импровизированного дилдо внутри превращённого в кашу и, очевидно, навсегда травмированного влагалища, девушка не стонала, она: визжала, вопила, выла, кусая лохмотья губ и обливаясь слезами! Но визжала и вопила она не от страданий, её организм взлетел на

такую вершину экстаза, которую она не могла и вообразить в своих самых изощрённых грёзах! Спустя десяток хлюпающих в кровавом фарше толчков, девушка выгнулась, задёргалась в сладостных конвульсиях, и за мгновение до провала в небытие, на задворках её сознания падающей звездой сверкнула мысль о том, что она испытала последний в своей жизни оргазм, ибо сейчас умрёт от кровопотери.

.....
.....

Рыжее солнце робко заглядывало в спальню. Широко раздвинутые занавески не мешали лучу свободно скользить по измятому одеялу. Карина вздрогнула и пугливо озираясь, выпрыгнула из постели. Первым делом она ощупала лицо. Слава богу, без дефектов! Язык - ватный, рот - сухой, без царапин и порезов. Запустив руку в трусики, исследовала половые губы. Тоже всё в норме. Крови нигде не видно. Сон? Чёрта с два! Таких реалистичных снов не бывает!

Дверь в спальню распахнулась и, довольно насвистывая незатейливую мелодию, вразвалочку вошёл Павел в халате, катя впереди себя сервированный столик с едой.

-- О! Принцесса, доброе утро! Ну и ночка выдалась, правда? Я надеюсь, тебе понравилось. Завтрак готов!

Прежде чем впасть в истерику, гостью молчаливо привела себя в порядок, анализируя случившееся, и позавтракала.

.....
.....

Вежливо выпроводив разбушевавшуюся мадемуазель, Павел притопал в свою комнату, плюхнулся в шикарное кресло перед компьютером, достал чёрный маркер и, огорчённо буркнув под нос: «на четвёрочку с плюсом», подписал конвертик с диском. Очередная пассия оказалась не в восторге от его пристрастия к сексу в одурманенном состоянии. Подумаешь, важная цаца! Зато сохранилась запись их более чем бурного соития, которую в любое время можно пересмотреть и вспомнить волнующие эпизоды.

Удильщик

Человеческая психика полна тайн и загадок, признают даже маститые специалисты-психотерапевты, чего уж говорить о простых обывателях. Я всё это к чему, на днях пришёл из моря мой закадычный друг, полгода ходил мотористом на рыболовецком судне. Вчера мы с ним встретились, я предварительно жену отправил в салон красоты на целый день, чтобы она не мешала застольной беседе. У нас уже сложилась традиция – по его возвращению на третий день проводить заседание в моих пенатах и обсуждать новости и события, произошедшие в мире за время его отсутствия на суше. Впервые он отлучился на столь долгое время, обычно рейсы продолжались не дольше двух месяцев.

Димыч маленько поправился за время работы, я ожидал обратное (после предыдущего захода он сбросил килограммов двадцать). Мы обнялись, звучно похлопывая друг друга по спине - так тётя Глаша выбивает пыль из старинного ковра. Глаза товарища задорно блестели на загорелом, закалённом морскими ветрами, лице, а широкая улыбка цвела, пока мы проходили на кухню к коньяку и нарезке различных овощей с колбасой, являвшейся нашей традиционной закуской.

Между рюмками он балагурил о различных происшествиях, весёлых и не очень, застигнувших его в рейсе, о странах в которых побывал, когда судно заходило в порт. Я слушал, вставлял свои комментарии и успевал подливать коньячок. Димыч рассказывает всегда артистично и экзальтированно; обильно жестикулирует, восторженно похохатывая, совсем как дитя, намеревшись посетить Дисней Ленд. По сути, он и является большим ребёнком: впечатлительным и немного наивным, но выглядит опытным драматическим актёром; практически ничто в нём не выдаёт моториста со стажем, за исключением влюблённых в море лазурных глаз.

После очередного тоста, он вспомнил полутораметрового судового врача, странноватого уникального человечка, совмещающего работу медика на судне со стоматологической практикой на суше. Их каюты были по соседству.

-- Он питает страсть к рыбам-удильщикам, - закусывая крупным куском «Докторской», чавкал Димыч, - Обклеил всю стену в каюте фотографиями этих уродин. Жуткие создания, скажу я тебе. Видал, может, самые известные – с таким фонариком на лбу и огромной зубастой пастью. Они живут на глубинах в кромешной тьме, и подманивают свою добычу мерцающим отростком. Как только рыбёшка или рачок подберутся поближе – хватать!

Он так красочно описал, что я, помнится, вздрогнул на этом «хватать!» и распахнул рот, чтобы расспросить о подробностях, но покрасневший Димыч опередил меня и продолжал историю:

-- Почему я о нём рассказываю? Он мне удалил зуб! Да, удалил! Разболелся на третьем месяце плавания и всё тут! Неделю обезболивающие давал, слабо

помогали, мучился, естественно. Об этом ему доложил, дескать, рви, если надо! На хрен мне этот зуб, погоды не делает, одни страдания, к тому же у меня полно их! А он мне талдычил об этих своих рыбах-удильщиках, мол, с детства ими увлечён, сам не поймёт, почему, и дома у него аквариум с одним из представителей имеется, точнее – представительниц. Это самки с фонарём во лбу и зубищами, как штaketник у бабы Вали, а самцы у них – мелкие, во много раз мельче самок, увидит одну такую охотницу, подплывает к ней и цепляется зубами. Живёт на её теле, паразит, питается от неё, как яблоко от яблони. В общем, коварные и непонятные для нас рыбины, а этот дрищ в восторге и даже изображениями богомерзких самок полкаюты обвешал. Ну да леший с этим, мне всё равно, главное он меня от больного зуба избавил. Достал каких-то две закрученных вилки и перед моим носом водит, говорит, с собою в море берёт как талисман, и только ею зубы рвёт - все операции проходят удачно, он подобным стоматологическим инструментом дома своей твари спинку чешет, а тварь – урчит довольно. Ага, представь рожу эту, страхолюдину с раскрытой пастью! Во сне приснится, обделаешься со страху! Морской дьявол, словом. Некоторые виды этих созданий разинут варезку и застывают на дне, языком подёргивая, точно мясистым червяком. И жизнерадостные глупые рыбки ведутся и за добычей устремляются, а тут их – хватать! –

Помню, вздрагивал и на этом месте.

Мы выпили за то, чтобы никогда не становиться чьей-то добычей, затем Димыч вернулся к теме:

-- Так вот, он мне выдернул зуб этой фиговиной, которой свою амёбу скребёт по лопатке, и я несказанно похорошел. Аж жить захотелось. Сделал всё грамотно, пострел, я даже этого хоббита-стоматолога чуть не расцеловал по Брежневски. Однако через месяц заметил за собой, что отключаюсь ненадолго – на минуту, две. На смену заступил, вроде в сознании, потом - бац! – очухиваешься или кто-нибудь тебя окрикает, будто я заснул стоя! Чёрте что одним словом! И вот эта петрушка стала повторяться раз в несколько дней. Так и не понял, что это: засыпаю на ходу или память отшибает. Никому не говорил, особенно врачу, держал в секрете, вроде не мешает особо. Да и не хотелось трепаться на эту тему с ним, разболтал бы кому-нибудь, ребята на меня смотрели бы как на психа. А так – подозревали, что переработался маленечко и всё. Но я не думаю, что это как-то связано с удалением зуба.

Я предложил тост за здоровье, и мы махом осушили бокалы.

Димыч заметно погрузтел, ссутулился, пропал блеск в глазах, попробовали поговорить на политические темы, но он спустя время вернулся к своему миниатюрному медработнику:

-- Представляешь, - говорил он, поджав губы, и я отметил: его подбородок слегка задёргался, - влетел я как-то неслышно к нему, а он там сидит, кипу

фотокарточек разглядывает, слюни пускает с таким одухотворённым и задумчивым лицом, будто кайфует от созерцания огня в камине или от заката солнца на берегу моря. Я подумал, рыб своих мозолит опять, однако я ошибся. Он кинулся их прятать, и по неосторожности несколько фотографий уронил на пол картинкой вверх. Знаешь, что там было на картинках?

Я был крайне заинтригован:

-- Нет. Что там было?

-- Он же стоматолог по второй профессии, а на фотографиях - раскрытые женские рты с намаженными губами и торчащими зубами. Он, наверное, своих клиенток во время обследования полости рта фотографирует! Для чего, хрен поймёшь. Нравится зрелище, наверное, иначе бы и не пошёл в стоматологи. Только он так шуганулся, будто я его за чем-то постыдным поймал, он даже избегал меня пару дней. Таинственный мужичок какой-то, любящий раззявленные пасти рыбин и рты женщин. Ну да ладно, у каждого свои таракашки.

При этих словах Димыч задрожал, посерел, лицо его осунулось, глаза закатились и засверкали влажными пульсирующими комками. Я наблюдал как замороженный за метаморфозами его организма. Шумно сопя, он откинулся на спинку стула, и его голова запрокинулась назад, точно кочан капусты в авоське. Движения были неестественными, словно его дёргал за нитки невидимый кататоник-кукловод. У меня промелькнула мысль, что под воздействием выпитого спиртного гость решил отрубиться раньше хозяина, но уже в следующий миг мне было не до мыслей – меня сковал ужас! Абсолютно землисто-серый Димыч, фосфоресцируя выпуклыми глазными белками, принялся медленно открывать рот, да так широко, будто намеревался раскусить арбуз! Раздался хруст челюсти, и повеяло холодом, как из морозильной камеры, той, которую хмурые люди заполняют выпотрошенными свинными тушками на зловещих крючьях. Димыч застыл в более чем неудобной позе, напоминая психически больного, впавшего в ступор. Спohватившись, я громко окликнул его, но он не отреагировал, лишь розовый язык начал маняще извиваться наподобие червяка.

Около пяти минут Димыч не приходил в себя, разыгрывая эту кошмарную пантомиму, мои толчки и окрики не в силах были отвлечь от «охоты».

Сегодня я отправил его к знакомому психотерапевту и уверен, с ним будет всё хорошо, несмотря на то, что человеческая психика является самым сложным объектом для исследований.

Комната

На пороге ветхого особняка с потрёпанным синюшным фасадом замерли две мужские фигуры, только что осмотревшие внутреннее убранство. Одна – в длинном строгом пальто с развивающимся на ветру алым шарфом – то и дело поглядывала по сторонам взглядом неподкупного аудитора. Другая же – с портфелем из дорогой крокодиловой кожи – что-то эмоционально рассказывала угрюмому обладателю аккуратного симметричного подбородка, выбритого до состояния глянцевого блеска:

-- Даже не думайте, - тараторил азиат, агент по продаже недвижимости, - такой цены вы нигде не встретите. Через неделю дом с руками оторвут любители старины. Обеспеченные любители. У нас их достаточное количество, сами понимаете...

Мужчина в солнцезащитных очках, по-прежнему деловито обозревая недвижимость, сунул руки в карманы пальто и кашлянул.

Желтолицый казах с гангстерскими усиками, суетливо продолжал:

-- Конечно, местность неудобная, вдали от соседей, однако почитатель архитектуры начала прошлого века будет в восторге: три этажа, двадцать меблированных комнат, земельный участок восемнадцать соток с несколькими строениями. Бесспорно, Илья Фловианович, дом нуждается в небольшом ремонтке.

Проговорив это, агент поднял голову, дабы окинуть взором мансарду, чувствуя себя неуютно вблизи неразговорчивого клиента, от которого тянет снобизмом за версту. «Глаза скрывает за очками, ходит, ковыряет, слушает, (если вообще слушает) хмыкает, ничего толком не говорит, ради кого стараюсь? Правильно, Азамат, ради себя» - подумал Гильдеев.

Тихомиров снова кашлянул, его зеркальные очки блеснули на трахомном осеннем солнце.

-- А что с прошлым владельцем? – наконец родил предложение хмурый человек. Его неприятный хриплый голос резко контрастировал с представительной аккуратной внешностью. У Гильдеева даже от неожиданности между лопаток обнаружилось несколько мурашек; вяло прошлёпали и удалились вон. Он, ни секунды не раздумывая, неумолимо продолжал:

-- Предыдущий собственник съехал. Прожил в особняке недолго, около года. Видимо, бюджет не позволил. Средств нужно не мало, сами понимаете...

-- Добро. Беру. Завтра подпишем все бумаги, - промолвив это, фигура в трепыхающемся красном шарфе, походящим на струю артериальной крови, каждый миг меняющей направление выброса, исчезла в иссиня-чёрном внедорожнике.

-- Я буду ждать звонка! – метнул в спину Гильдеев и проводил хитрым раскосым взглядом удаляющийся автомобиль.

С минуту предприимчивый казах помялся на щебёнке, закусив губу и бережно сжимая портфель, словно внутри перекатывалась дюжина куриных яиц. Когда «Land Cruiser» скрылся за ближайшим поворотом, агент торопливо зашагал обратно в дом.

XX

Сквозь мутный коньячный сон Тихомиров услышал непонятный писк. Он распахнул глаза в густой войлочный мрак. Не почудилось ли? Машинально заглянул в часы. Без четверти три. Помяв кулаком подушку, перевернулся на другой бок. Вот опять. Он прислушался. «Папа, отпусти...» - приглушённо нёсся из глубины дома детский фальцет. «Выпусти, папа!». Илья раскрыл рот. Сердце заколошматило, норовя выломать грудную клетку изнутри. Это ещё что такое? Откуда в здании ребёнок?! Кроме нового жильца в доме не должно быть никого. Все гости, приглашённые на новоселье, давно уже разъехались: и братья Шмоссели, и Альберт Гедеонович со своей обширной роднёй, и Эрнест Модестович с шаловливой нимфеткой-подругой, и даже закадычный Сёма забурился в свой «Hummer» со стороны водителя, примяв последнего, и укатил, естественно, находясь в состоянии, далёком от трезвого. Тихомировская жена с дочкой отдыхают на широко известном лыжном курорте, и пока что ничего не знают о покупке коллекционного особняка. Илья решил сделать им сюрприз. «Папа, выпусти меня!». Поборов жгучее желание накрыться одеялом с головой и заткнуть уши, Илья вскочил с постели, впотьмах дотянулся до мобильного телефона, но тут же остановил себя. «Что за ерунда? Кому звонить сначала? Гильдееву? Сказать, ты чего это, дружок, не предупредил, что я не один проживать буду, а с кем-то ещё? Или Герману, пусть с охраной приезжает, разбирается. Три часа ночи. Глупости!». Тихомиров медленно положил телефон на место, на цыпочках добежал по холодному паркету до тумблера, ожидая нападения из темноты чёрте кого с чёрте чем наперевес. Щёлк! Яркий свет иглами ударил по глазам, пронзив болью затылок. В это мгновение Илья Фловианович был особенно открыт для нападения: в одних широких трусах невесёлой расцветки, сгорбленный, зажмуренный, балансирующий на согнутых ногах, словно неуклюжая цапля.

Покушения не состоялось, вместо этого заскулил знакомый голос: «Выпусти меня, папа! Папа, выпусти меня!». Он вырывался из комнаты, явно располагающейся поблизости на втором этаже. Беспрестанно оглядываясь, Илья напялил тапки и халат. «Папа, выпусти меня!». Только после этого, он извлёк загодя приготовленный для форс-мажора пистолет Макарова. Ребёнок в опасности, надо спасать пацана от какого-то папы, и чем скорее – тем

скорее можно будет опять уснуть. Папы бывают разные, некоторых одним кулаком не остановить. «Вот зараза Гильдеев, - процедил Тихомиров, - ведь спрашивал неоднократно, а он мне: дом пустует, смотритель съехал» - Тихомиров даже потрудился передразнить агента, но вышло совсем непохоже, голос дребезжал и звучал не солидно. «Завтра я ему устрою. А может это приятельский розыгрыш?» - пробухтел он под нос, чувствуя собственный запах перегара. «Идиоты!». Первым делом Илья заглянул за портьеру, после - за пузатый комод, и лишь в последнюю очередь - под кровать, хотя там пространство было умопомрачительного размаха - уместились бы четыре папы с шкафообразными фигурами и вульгарными выпирающими подбородками. Осмотр спальни ничего не дал, и не мог дать - если бы хотели, на него бы уже напали двести раз. В руках появилась уверенность, а в носу - жжение от пока ещё никем не убранной пыли.

«Папа! Отпусти меня, папа!» - заливался юнец. Илья, медленно вышел из спальни в сумрачный извилистый коридор. Прохладная рукоять оружия воодушевляла. В кармане халата позвякивали ключи, для каждой комнаты предназначался свой экземпляр - придурковатая затея предыдущего владельца. Не иначе какой-то маразматический старикашка потворствовал своей мании запирасть все двери в особняке и, удовлетворённо пуская слюну, сидеть в пенатах наедине со связкой ключей.

«Выпусти меня, папа!». Илья шаркал на ребячью мольбу, по дороге включая свет, где только можно, из-за каждого угла ожидая прыжка мохнатого двухметрового папы-изверга сплошь покрытого тюремными наколками и, как минимум, с тесаком для рубки пальцев. «Выпусти меня, папа!». Показался массив стены, откуда раздавались вопли и скулёж мальчика лет пяти-семи. Там, где должна была находиться дверь - лишь желтела её окантовка. Тихомиров замер и затаил дыхание. Послышались удары изнутри. Малец в отчаянии безуспешно бился в преграду. «Папа, не бей меня!». Тихомиров изменился в лице до неузнаваемости. Что значит «не бей»? Мучитель внутри?? Выпучившись на померанцевые обои, хозяин понял, что перед ним какая-то хитрая дверь - без ручки и замочной скважины, и вообще - будто прорублена в стене и сливается с ней, как хамелеон с корявой веткой. Двадцать первая комната! Естественно, освободить узника, подобрав чудо-ключик, ему не удастся. «Гильдеев, мать его так!» - возмутился новоиспечённый хозяин. Агент об этой странной комнате даже не каркнул, когда они обходили покои.

«Папа! Не бей меня!! Не бей!!!». Хозяин почесал дулом пистолета переносицу, по которой побежала щекочущая капля пота. Атмосфера накалилась донельзя. Что за кретинизм здесь творится?? «Эй, ты! Оставь мальчика!» - рыкнул Илья. Вышло достаточно грозно. Особенно последующий за рыком шлепок тапочка по полу прозвучал великолепно. За дверью что-то щёлкнуло, и рамка света погасла. Наступила тишина, настолько навязчивая и всеобъемлющая, что барабанные перепонки задребезжали, как стёкла в окнах коттеджа, разваливающегося под напором тропического циклона. Не

доносилось ни детских всхлипов, ни затрещин, ни чьей бы то ни было речи. Илья ощутил, что сердце ухает уже не слева, а переместилось куда-то под кадык и развило там бурную деятельность по дестабилизации и без того подорванного здоровья. Он хотел было направиться обратно в спальню, даже ослабил хватку подаренного тестем оружия, как вдруг свет за дверью вспыхнул вновь, да так ярко, будто взорвалась сверхновая звезда. Одновременно с этим мальчишка заревел: «Папа! Не бей меня!! Не бей!!! Аааа!!!». Тихомиров вздрогнул и чуть не вскрикнул сам. Хорошо, что пистолет до сих пор на предохранителе, иначе бы в потолке уже красовалось пулевое отверстие. «Ёж твою медь!» - зашипел Илья сквозь перекошенные сжатые губы. Он двинулся на кухню, боясь каждой тени и каждого неосвещённого угла, всю дорогу нарочито громко повторяя: «Кретинизм какой-то!». В Тихомировской черепной коробке заварилось тягучее зелье, ингредиентами которого являлись: мистическая белиберда, эзотерическая околесица и оккультная галиматья. С каждой секундой логические версии происходящего мутировали, и делались абсурдными до несусветности. Привидение?! Призрак?! Или как там их называют? Призрак замученного мальчика? Что он тут делает?! Гильдеев ни словом не обмолвился об этом. А зачем ему? Тогда бы потенциальный покупатель задумался: брать недвижимость или нет. Конечно не брать, на кой ляд семейному человеку со слабым сердцем и религиозными родственниками это нужно?! «Невообразимый кретинизм!» - ляпнул он, придя на кухню и засунув нос в аптечку, собственноручно вчера им же наполненную. Он ещё днём хотел достать оттуда снотворное, но дружеская шумиха отвлекла его. Две таблетки – самое то! Кислятина! Запив водой из-под крана, Илья прыгнул на полосатый стул с фигурной спинкой в виде свёрнутой в клубок змеи. Остаться на ночь в большом доме в первый же день оказалось не лучшей затеей, но он сам этого захотел, даже с помпой пригласил друзей отпраздновать дорогостоящее приобретение. Илья лихорадочно постарался вспомнить, когда в последний раз был так напуган, но на ум что-то ничего не шло. Одновременно с этим в душу закрадывалось гнетущее ощущение разочарования в долгожданной покупке. Сюрприз семье обещал обратиться в грандиозное недоразумение, за которое супруга будет упрекать до конца жизни. Этого преимущества он ей не предоставит даже под страхом смерти. И так во время отдыха в Тайланде разок опростофилился, до сих пор вспоминает при удобном случае - как вилами в бок, простить не может. Наверху малец бился в истерике, нарезая круги по комнате от папашиньяка. Что делать?! Заснуть в такой обстановке не представлялось возможным даже от лошадиной дозы снотворного. Покинув скрипучий и неудобный стул, Тихомиров скорее сбегал в спальню, по пути целясь во всё подряд: в торшер, в спинку кресла, а иногда – в свою тень, схватил мобильный и ключи от машины и в чём был: в халате и тапочках, спустился к своему внедорожнику, припаркованному рядом с домом, где за рулём и уснул с пистолетом в крепкой ладони.

XX

Утро выдалось суровым, по автомобилю барабанили капли дождя, от шума которых Илья Фловианович и проснулся, со скрипом раздвинув закиевские веки. Возвращению в напрягающую реальность он был рад в меньшей степени. Зачирикал телефон. Посмотрев на него как на инопланетный артефакт, он заторможено поднёс его к уху и вякнул, раздирая сухое горло:

-- Слушаю, Герман.

-- Илья Фловианович, доброе утро! Всё в порядке? Вы пропустили несколько вызовов.

-- В порядке, Герман. – Каждое слово давалось с колоссальным трудом, - Просто немного...заболел. В офис сегодня не подъеду, с Камраковым сам встретиться. Условия те же, на уступки не пойдём.

-- Ясно. Точно всё в порядке? Может, скорую вызвать? – забеспокоились на том конце.

-- Нормально, Герман. Ты вчера просто рано уехал, мы с Семой долго ещё гужбанили. Прилёт недавно.

-- Ага, Сёма приехал и закрылся у себя, видимо отсыпается. Ну, хорошо. Я на связи, если что.

-- Добро.

Илья решил не посвящать никого в свою ужасную тайну, а единолично разобраться в сложившейся ситуации.

Вывалившись мешком картошки из автомобиля, сжимая мобильный телефон в одной руке, в другой – пистолет Макарова, он вошёл в неприветливый дом. Стреляя пульсирующими глазами по сторонам, пересёк освещённый покосившейся антикварной люстрой холл и шатающимся медведем притопал на кухню. Глотнув воды из-под крана, Илья упал на тот же полосатый стул, ещё хранивший вмятину на сиденье от хозяйских ягодичек. В особняке было всё спокойно: призраков не наблюдалось и не слышалось, но зловеще гулял ветер и в окна стучал назойливый дождь. Тихомиров набрал Гильдеева. Он ответил незамедлительно:

-- Да, Илья Фловианович! Как спалось на новом месте?

-- Ты издеваешься сейчас, что ли? – рявкнул протрезвевший Тихомиров.

-- Что такое? – забеспокоился Азамат.

-- А ты сам не знаешь? Ничего не хочешь мне рассказать о предыдущем хозяине?

Риелтор замялся и вздохнул.

-- Что молчишь? Совесть не мучает? – напирал Тихомиров, представляя, как собеседник полирует пол глазами, - продал мне дом с привидением и сидит, в ус не дует. Выкладывай всё, что знаешь!

Подбирая слова понятнее, риелтор вкрадчиво отвечал:

-- Я знаю немного, Илья Фловианович, только то, что бывший владелец жил в доме с приёмным сыном лет восьми. Затем сын пропал. Отец обратился в милицию. Он был уверен, что мальчик по какой-то причине ушёл пешком обратно в приют, однако в приюте он не появлялся. Милиция не нашла следов и до сих пор мальчонка находится в розыске. Я предположил, что данная информация вам будет ни к чему.

-- Мне этот пацан спать не дал. Всю ночь орал из комнаты, умоляя отца выпустить... - Илья осёкся, заводя мыслительный агрегат, - подожди-ка... отец и грохнул сына! Заморил голодом или избил до смерти, а потом замуровал в полу или стене комнаты, в двери которой даже замочной скважины нет! А чтоб на него не подумали, сам в милицию и обратился!

Гильдеев аж крикнул, поражаясь смекалке очередного хозяина:

-- Трагедия! Трагедия! Это что же теперь делать?! Привидение не даст вам спокойно жить! Что же делать-то? Если хотите, я вам помогу срочно продать дом, вы ничего не потеряете. Проживать там опасно! Ужас!

-- Ладно, подожди, дай отдышаться. Я перезвоню.

Илья закинул мобильный в карман халата, вскочил со стула и нервно забежал по кухне, ероша волосы на громадном колоколе вместо головы, и вдобавок ухитряясь ещё этим колоколом соображать. «Продать, однозначно продать, я ничего не потеряю, и Вероника ничего не узнает, она ещё ничего не знает, друзьям скажу, чтоб молчали, а если кто проболтается – уволю к чертям собачьим! Или пристрелю! Так и сделаю! Но бедный паренёк-то».

Илья знал, находящиеся между мирами не упокоенные души – это души людей, погребённых не по-христиански или не погребённых вовсе. Поэтому души чудовищно мучаются, вновь и вновь возвращаются к своему мёртвому телу или останкам. «Останки необходимо найти и захоронить, как подобает! А вдруг там свернувшийся у стенки детский скелетик?» - Илья содрогнулся от этого этюда, неожиданно всплывшего из мрачных глубин воображения. У него есть знакомый священник, в случае чего, он мог бы провести обряд отпевания, осталось только вызволить мощи. С силой выдохнув, он метровыми шагами направился во двор, к сараю. Дождь захлестал с удвоенной силою, противясь безрассудной идее хозяина, и желая, во что бы то ни стало, остановить его. Шмякая в тканевых тапках по грязи, Илья даже не пытался мешать холодным струям, льющимся за пазуху, несмотря на то, что тело сотрясала мелкая дрожь. В сарае обнаружилась приставная лестница. Он бесцеремонно сграбастал её и решительно, как прыгун с шестом, помчался к окну потайной комнаты. Оно одно оказалось зарешённым. Как это он при общем осмотре особняка упустил из виду сей

нюанс? Риелтор-хапуга зубы заговорил, не иначе. «Хм.. окно с решёткой, чтобы малец не убежал?», - буркнул Илья, уже решительно взбираясь по скользким деревянным перекладинам, намереваясь хоть что-нибудь разглядеть через металлические прутья. Разыгравшаяся фантазия рисовала картины омерзительных пыточных инструментов, заполонивших логово душегуба, слышались жалобные всхлипы и даже хруст ломаемых детских костей. Но всё что ему удалось увидеть, это охристая плотная занавеска и мутные потоки воды, струящиеся по стеклу. «Кретинизм какой-то!» - возмутился Тихомиров и прыгнул в чавкающую жижу. «Нужно взять что-нибудь поувесистей и вскрыть злосчастную каморку, а там – будь что будет! Взломать к лешему!». Мысленно скандируя это, он возвратился в сарай. Как на грех, крупнее лопаты ничего не попадалось. Разворошил ураганом садово-огородный хлам на полках: вёдра, шланги, какие-то мешки, тряпки, таинственные железяки. Потеряв надежду, он рухнул на ящик из-под газонокосилки, и тут его взор прилип к дальней сумрачной стене. На крюках под пучками высушенной резко пахнущей полыни, покоился массивный блестящий топор. «Подойдёт размерчик!» - вдохновенно воскликнул Тихомиров, овладевая тяжёлым инструментом. «Не этим ли орудием папаша расчленил тельце наверху?» - испугавшись собственной гипотезы, юркнул под ливень. В два счёта достигнув заветной двери дьявольской комнаты, ставшей гробницей несчастному мальчугану, он с ходу, размахнувшись как бывалый лесоруб, вонзил лезвие топора в древесную поверхность. Топор очнулся и панически зазвенел. Дверь даже не треснула, только робко показала из-под обоев дубовое нутро. Выдернув оружие, Илья обрушился на преграду, снова и снова вгрызаясь в омертвелую ксилему и умножая количество сора на паркете в геометрической прогрессии. Щепки летали трассирующими пулями, норовя угодить в покрасневшее, искажённое от натуги лицо. Он остановился только тогда, когда прорубил щель, пригодную для комфортного подглядывания и тут же, не отдышавшись, приник к ней сверкающими глазами. Сначала не было видно ничего, за исключением всепожирающей тьмы. Спустя секунды, из мрака выплыли какие-то чёрные кубические предметы с пульсирующими огоньками на корпусах. То ли змеи, то ли провода покрывали стены и полы загадочного помещения.

Распалённый Илья Фловианович долго ругался отборным матом, не гармонирующим с его интеллигентной внешностью, после того как выцарапал оком из обстановки несколько дремавших прожекторов и комплект аудиоаппаратуры.

Ссылки

1. - улица в городе N